

Министерство образования РФ

Ставропольский государственный университет

На правах рукописи

Филимонов Олег Игоревич

**Скрепа-фраза как средство выражения
синтаксических связей между предикативными
единицами в тексте**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор Ю.И.Леденев**

**Ставрополь
2003**

Оглавление

Введение.....	6
1. Скрепа-фраза в синтаксической системе русского языка	13
1.1. Юнкционные элементы в системе синтаксических связей в тексте в концептуальной парадигме синтаксических теорий	13
1.2. Синтаксические средства юнкционного характера, служащие для оформления целостности и связности текста.....	30
1.2.1. Структура текста и ее параметры в аспекте описания средств синтаксической связи	30
1.2.2. Смысловая целостность текста и роль синтаксических юнкционных средств в ее оформлении.....	35
1.2.3. Структурная целостность СФЕ и основные формальные средства ее осуществления	37
1.3. Скрепа-фраза как формальное средство выражения и оформления синтаксической связности.....	42
1.4. Вопрос о статусе и аспектах скрепы-фразы как особого синтаксического явления.....	48
1.4.1. Структурный аспект.	48
1.4.2. Семантический аспект.....	53
1.4.3. Эксплицитные и имплицитные реализации скрепы-фразы.....	55
1.5. Изофункциональная природа скрепы-фразы.	62
Краткие выводы к главе 1.	65

Глава 2. Структурно-семантические и функциональные параметры скрепы-фразы.....	68
2.1. Аспекты описания скрепы-фразы	68
2.2. Основы структурной классификации скреп-фраз	69
2.3. Дополнительные значения, выражаемые компонентами СФ и проблемы их классификации	80
2.4. Наиболее распространенные структурные компоненты простейших СФ с союзным компонентом.....	86
2.5. Принципы функциональной классификации скреп-фраз.....	89
2.6. Функциональная классификация текстовых скреп-фраз.....	93
2.6.1. Внутрифразовые СФ.....	93
2.6.2. Контекстообразующие СФ.....	94
2.6.3. Конкреативные СФ	96
2.7. Метатекстовые скрепы-фразы и их классификация.....	97
2.8. Характеристики переменных признаков различных функциональных типов скреп-фраз	100
2.8.1. Переменные признаки внутрифразовых скреп-фраз.....	100
2.8.2. Переменные признаки контекстообразующих скреп-фраз	106
2.9. Выражение субъекта речи в структуре скрепы-фразы	110
Краткие выводы к главе 2	113
Глава 3. Речевые прагматические функции скрепы-фразы.....	116
3.1. СФ как носитель иллокутивного признака	116
3.2. Репрезентативные СФ	125
3.2.1. Иллокутивные характеристики внутрифразовых СФ	125

3.2.2. Иллокутивные характеристики контекстообразующих СФ	127
3.2.3. Иллокутивные характеристики конкреативных СФ	130
3.2.4. Иллокутивные характеристики метатекстовых СФ	131
3.3. Нерепрезентативные СФ	133
3.3.2. Экспрессивные СФ	138
3.3.3. Декларативные СФ	143
3.3.4. Комиссивные СФ	147
Краткие выводы к главе 3.	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
Библиография	157
Приложения	15784

Введение

Развитие современной синтаксической теории заставляет многих исследователей более детально подходить к вопросам построения сложного синтаксического целого (в дальнейшем - ССЦ), сверхфразового единства (далее - СФЕ) и текста. Возникла необходимость серьезного рассмотрения структуры сложного синтаксического целого с точки зрения возникающих в нем синтаксических связей и отношений. В частности, весьма важным представляется определение особенностей функционирования различных средств связи между самостоятельно оформленными предложениями в связном тексте, характер самой связи, круг смысловых отношений, в который включены конструкции с этими средствами связи и пр.

В зоне переходности между собственно сложным предложением и сочетанием предложений в рамках сложного синтаксического целого и текста все более определенную роль начинают играть позиционно-композиционные средства. Они существенны и для простых и сложноподчиненных предложений, но решающими они оказываются на высших ярусах синтаксиса, включая в себя и последовательность элементов, и денотативную соотнесенность через использование прономинальных средств, синонимические замены в последующем предложении того, что обозначено через полную номинацию в предшествующем (экспозиционном) предложении, использование дополнительной номинации, антонимов и других средств опосредованного указания на тождество денотативной линии или на направление ее трансформации. Однако одним из наиболее существенных средств

синтаксической связи на этом синтаксическом ярусе являются межпредложенческие (межфразовые) скрепы. Эти синтаксические образования характеризуются целым рядом особенностей, важнейшей из которых является юнкционная характеристика, вытекающая из союзного характера этих синтаксических образований.

Настоящая диссертация посвящена комплексному структурно-семантическому и функциональному описанию явления скрепы-фразы в современном русском языке.

Актуальность предложенной темы состоит в следующем. Анализ конкретных употреблений термина «скрепа» показывает, что авторы по-разному подходят к его содержательной стороне. Исследователи синтаксиса текста скрепой называют иногда целые фрагменты текста, например: *«Номинация "история, которую рассказывали Ростову", носит внутрипроизводческий характер и помимо номинативной функции выполняет текстообразующую, являясь своеобразной скрепой различных композиционно-смысловых блоков романа»* [Ильenko 1989]. В особом типе текста, художественном диалоге, в качестве показателя связи выделяют наречия как фразовые скрепы. В работах по теории сложного предложения термин скрепа часто используют вместо названий таких формальных средств связи, как союз, союзное слово, функциональные аналоги союзов и т.п. Другими словами, скрепой называется любой сегмент плана выражения, который выполняет связующую функцию.

Смысловая перегруженность термина *скрепа* привела к появлению определителей-конкретизаторов: *межфразовая, союзная, предложно-релятивная, коррелятивно-релятивная, местоименная* и др.

Специализированные средства выражения синтаксических отношений в союзном сложном предложении чаще всего называются термином *союзная скрепа*.

Типология скреп чрезвычайно обширна. При рассмотрении структурных характеристик явлений, выполняющих юнкционную функцию на уровне сверхфразового единства и текста мы сталкиваемся с чрезвычайно широким спектром этих конструкций. Это могут быть и союзы и их функциональные аналоги (частицы, местоимения, союзно-местоименные сочетания, наречия и частицы), и конструкции, представляющие большую или меньшую степень синтаксической идиоматичности, словосочетания, вводно-модальные конструкции и даже образования предикативного характера. Структурный показатель не позволяет установить общие черты во всем разнообразии этих конструкций.

Семантический показатель также является недостаточным. Союзные присоединительные скрепы обнаруживают различную степень полноточности: от релятивной семантики, репрезентирующей копулятивные отношения, до вполне завершенной предикативной или даже полипредикативной модели, обладающей развитой системой семантических признаков.

Тем не менее все описываемые конструкции, несмотря на структурно-семантическое разнообразие, имеют общие признаки. Эти признаки выявляются при подходе к этим конструкциям с функциональной точки зрения.

Подход к исследуемому явлению, предлагаемый в диссертации, и является попыткой дефиниции понятия скрепы-фразы, выявления ее конститутивных и дифференцирующих признаков, комплексного многоаспектного описания и определения ее типологических характеристик. Такой подход безусловно является **новым**, поскольку в современной лингвистической литературе не представлено подробной многоаспектной характеристики скрепы-фразы как синтаксического явления.

Предметом диссертации является скрепа-фраза как синтаксический юнкционный формант. Само понятие скрепы-фразы до сих пор не полностью утвердилось в современной лингвистике. Этот термин используется как общее название особых текстовых показателей [Шишмарева 1997]. В работах А.Ф.Прияткиной высказана гипотеза о формировании нового класса служебных единиц – «выразителей разного рода отношений и связей между компонентами текста» [Прияткина 1998 : 25]. Даже морфологический состав межфразовых скреп в настоящее время классифицирован не полностью, поэтому их последовательное рассмотрение в рамках одной работы представляется новым и необходимым.

Объектом диссертационного исследования является система синтаксических связей и синтаксических отношений современного русского языка на ярусах от различных форм соединения простых предложений до развернутого связного текста.

Цель исследования – определить скрепу-фразу как особое синтаксическое явление, выявить ее конститутивные и дифференциальные

признаки, типологические характеристики, место в системе выражения синтаксических связей и отношений, упорядочить накопленные лингвистические знания по данному вопросу.

На пути к достижению этой цели нам предстоит решить ряд *задач*, важнейшие из которых могут быть следующими:

- уточнить определение скрепы-фразы как особой синтаксической конструкции, определить ее состав и основные функции;
- проанализировать явление скрепы фразы с точки зрения структуры, семантики, функционирования;
- описать изофункциональные характеристики скрепы-фразы и определить способы и формы ее синтаксической компрессии и декомпрессии;
- выработать систему дифференцирующих признаков и предложить непротиворечивую классификацию скреп-фраз как особой синтаксической подсистемы средств связи.

Решение указанных задач должно опираться на методологическую базу, предусматривающую системность подходов в описании рассматриваемого языкового феномена, сочетание индуктивных и дедуктивных принципов анализа и синтеза. Основными *методами и приемами* нашего исследования являются описательный, метод наблюдения, метод синхронного комплексного функционального анализа, приемы субституции и подстановки, трансформации, модификации, синонимической замены.

На защиту выносятся следующие положения:

- скрепа-фраза является особым синтаксическим элементом, который характеризуется юнкционными и детерминирующими свойствами, играющими важную роль в организации связности и целостности текста;

- семантика скреп-фраз различной синтаксической сложности характеризуется стремлением к участию в семантической структуре всего текста и скрепа-фраза является тем синтаксическим оператором, который превращает текст не в арифметическую сумму смыслов входящих в него компонентов, а в синтаксическое явление более высокого языкового порядка;

- различные скрепы-фразы в процессе их функционального видоизменения могут образовывать различные вариативные разновидности;

- скрепы-фразы представляют собой специфические текстемы, выполняющие юнкционные функции и являющиеся своеобразными регуляторами связности текста;

- типологическая классификация скреп-фраз наиболее полно может быть представлена в комплексном подходе с точки зрения их структурно-семантических и функциональным свойств. Такая классификация отражает не только состав исследуемого феномена как особой подсистемы средств синтаксической связи, но и их роль в организации связного текста на различных синтаксических ярусах.

Теоретическая значимость диссертации состоит в определении самого явления скрепы-фразы, его места и роли в синтаксической системе языка, особенностей функционирования и основной типологии скреп-фраз.

Это позволит более полно представить синтаксическую систему русского языка во всем многообразии свойств.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что выводы по результатам комплексного и всестороннего изучения скрепы-фразы могут быть использованы в учебных курсах по теоретической грамматике русского языка, прагмалингвистике, лингвистике текста, по функциональной лингвистике. Материалы диссертации могут стать основой для спецкурсов и спецсеминаров в высших учебных заведениях.

Апробация работы. Работа выполнена в лаборатории теоретической и учебной лингвистики при факультете филологии и журналистики и на кафедре общего и славяно-русского языкознания Ставропольского государственного университета, прошла апробацию на в процессе чтения лекций, проведения практических занятий по курсам «Русский язык», «Французский язык», по проблематике диссертации было выполнено большое количество студенческих научных работ под руководством ее автора, ее положения были отражены в докладах на научных конференциях и семинарах, в том числе на ежегодных научных конференциях в Ставропольском государственном университете в 2001-2003 гг. По теме диссертации опубликовано 19 работ.

1. Скрепа-фраза в синтаксической системе русского языка

1.1. Юнкционные элементы в системе синтаксических связей в тексте в концептуальной парадигме синтаксических теорий

Развитие современной синтаксической теории заставляет многих исследователей более детально подходить к вопросам построения сложного синтаксического целого (в дальнейшем - ССЦ), сверхфразового единства (далее - СФЕ), связного текста (далее – СТ) и дискурса. Возникла необходимость серьезного рассмотрения структуры сложного синтаксического целого с точки зрения возникающих в нем синтаксических связей и отношений. В частности, весьма важным представляется определение особенностей функционирования различных средств связи между самостоятельно оформленными предложениями, характер самой связи, круг смысловых отношений, в который включены конструкции с этими средствами связи и пр.

Вопрос изучения и классификации элементов, служащих показателями семантико-синтаксических отношений в спектре синтаксических конструкций от минимального ССЦ до связного текста издавна вызывает большой интерес у исследователей. Эти элементы имеют различную природу. Роль средств связи в организации связного текста (СТ) могут выполнять морфологические элементы - союзы, их аналоги и союзные сочетания; соотношение видо-временных форм сказуемых, связь тематических слов и их местоименных анафоризаторов, порядок слов и соотношение моделей порядка слов, различного характера лексические средства,

разнообразные синтаксические способы организации целостности СТ - детерминация одного компонента высказывания другим, параллелизм и иные виды закономерной соотнесенности членов частей СТ, семантика компонентов СТ, реализующая гипонимические и гиперонимические отношения, функциональные и коммуникативные факторы - актуальное членение и фокусировка и др. Как уже говорилось во Введении, особое внимание в настоящей диссертации будет уделено грамматическим феноменам, обнаруживающим известное союзоподобие, которые являются формальными средствами организации синтаксических связей между компонентами СТ - межфразовым скрепам (в дальнейшем - МФС) различной сложности и оформленности. Выбор и использование МФС определяется многими факторами, которые обусловлены спецификой синтаксического уровня, на котором они функционируют - уровня СТ.

Изучение СТ как особой структурно-синтаксической единицы языка ведется уже довольно давно. Мысль о важности исследования "речевой единицы" большей, чем предложение, восходит к А.Х.Востокову, Ф.И.Буслаеву, А.М.Пешковскому. Системный синтаксический подход к тексту как к особой единице синтаксиса был заявлен в начале XX века с появлением фундаментальных исследований Ф.Ф.Фортунатова и Ф.де Соссюра. В 40-50-е годы XX века на основе развития исследований соотношения языка и речи в трудах Л.А.Булаховского, И.А.Фигуровского, Н.С.Поспелова разрабатывается теория СФЕ. Большую роль в разработке концепции связной речи сыграли лингвистические наблюдения В.Матезиуса и его последователей Ф.Данеша, Я.Фирбаса и др. об актуальном членении предложения. В это же время появляется нарративная грамматика, которая основывается на идеях В.Я.Проппа, которая становится важным звеном возникшей во второй половине XX в.

теории текста. В результате этих исследований выделились две основных задачи теории текста - исследование его связности и его цельности. В области исследований СТ большое значение имеет теория дискурса, возникновение которой восходит к гиперсинтаксису Б.Палека, макросинтаксису Т. ван Дейка, синтаксису текста В.Дресслера, работам Э.Бенвениста, Р.Бьюгранда, Г.Плетта, в которых рассматриваются общие текстологические проблемы, семантические, структурные и функциональные характеристики различных аспектов СТ.

Современная теория текста продолжает разрабатываться в двух основных направлениях: исследование цельности текста и связности текста. Одним из направлений изучения связности текста является рассмотрение средств связи в образованиях, больших, чем предложение.

В настоящее время наблюдается отчетливая специализация в исследовании СТ как особого структурно-семантического и ритмико-интонационного речевого образования [Арутюнова 1976, Арнольд 1982, Солганик 1991, Николаева 1978 и др.]. Многие исследования направлены на поиски, описание и характеристику межфразовых отношений и средств связи отдельных высказываний, составляющих СТ в целом.

Для ряда ранних исследований в отечественной лингвистике текста характерно выделение широкого круга средств межфразовой связи, в том числе - сцепление предложений при помощи различных форм местоимений, повторов разного вида, разделения членов одной синтагмы между предложениями, входящими в СТ, и др. Позднее внимание концентрируется на тех средствах межфразовой связи, которые выступают в связочной функции уже в пределах отдельного предложения, - это союзы, местоименные наречия с

обстоятельным значением, указательные местоимения, порядок слов, последовательность глагольно-временных форм [Вардуль 1977, Кобрина 1965, Тураева 1986, Падучева 1985 и многие другие исследователи]. Однако тенденция к аналогизации межфразовых отношений и связей с внутрифразовыми долгое время мешала взглянуть на СТ как на принципиально особую единицу высказывания.

Трактовка СТ по типу предложения, при всех достоинствах и перспективах изучения "внутрифразового" синтаксиса не позволяла рассмотреть те средства межфразовой связи, которые не имели аналогов на внутрифразовом уровне. В последнее время возник интерес к исследованию не только сравнительных характеристик семантики и структуры СТ и "нижестоящих" единиц [Гиндин 1971], но и специфики собственно межфразовой связи, в частности - ее структурных, семантических и функциональных аспектов [Гаспоров 1976, Москальская 1981, Прияткина 1990 и др.)

Употребление языковых единиц и способы их выражения рассматриваются в плане определения имплицированных смысловых подтекстов, что сближается с герменевтическим подходом (аспект толкования скрытых, неясных смыслов текстов). Теория пресуппозиций [Фреге 1977, Стросон 1986, Арутюнова 1998 и др.] рассматривает в контексте лингвистической семантики возможности осмысления высказывания с целью исключения его смысловой аномальности или неуместности употребления в данном тексте. Данное направление исследования текста сближается с прагматикой, когда общий фонд знаний, коммуникативный "фон" имеет существенное значение для осмысления текста.

Актуальной в последнее время представляется и теория кореферентности, рассматривающая отношения между частями (компонентами) высказывания (как правило, это именные группы и

местоимения), связанными с одним и тем же референтом. Некоторые исследователи [Падучева 1985] считают кореферентность разновидностью анафорических отношений.

С развитием этих теорий понятие текста стало наполняться собственно лингвистическим содержанием.

Весьма актуальной представляется проблема многоаспектности текста как объекта анализа и "поля реализации или актуализации пересмотра многих текстовых категорий и, в частности, связности" [Гальперин 1981 : 30-45], что в значительной степени обуславливает решение коммуникативных задач.

В современной лингвистике сложилось учение об уровнях языка и об отдельных единицах, рассматриваемых не просто в качестве единиц языка, а в первую очередь в качестве единиц того или иного уровня языковой системы [там же].

В системе уровней языка синтаксический является высшим и по своей структуре наиболее сложным, многоярусным. В нем выделяют ярусы синтаксической формы слова, словосочетания, предложения (простого и сложного) и, наконец, сложного синтаксического целого. Центральной единицей синтаксического уровня признают предложение на том основании, что только оно обладает такими важными свойствами, как предикативность, модальность, смысловая законченность, конструктивная целостность и структурная организованность. На синтаксическом уровне языка очень четко прослеживается соотнесенность синтаксических построений с логическими формами мысли, предложение рассматривается как выражение суждения, определенным образом организованное [РГ-80а : 10-12]. Эта организация предложения (от простого до сложного) связана с особенностью коммуникативной направленности, проявляющейся в способности выступить как образец построения

конкретных фраз и синтаксического контекста. Для предложений тактика является следствием функционирования, поэтому "предложение как таковое не содержит признаков принадлежности к построениям более высокого уровня, но легко может модифицировать свою структуру и состав для выражения интегрирования, вхождения в структуру текста и преемственности по отношению к предшествующему предложению путем использования местоимений, ...слов - заместителей" [Гальперин 1981 : 43], специализированных союзных средств. В связи с этим на высшем ярусе синтаксического уровня языка выделяют единицу более сложного порядка - сложное синтаксическое целое [РГ-80а : 163-164, 88], которое объединяет простые и сложные предложения в прерывистую единицу, определяемую прежде всего на семантическом и коммуникативном основаниях.

Сложное синтаксическое целое отличается от простого и сложного предложения в первую очередь в плане строения его элементов. Так, в нем следует рассматривать соединение ряда предложений, причем этот ряд может включать в себя разное их количество в зависимости от содержания высказывания. Учитывая неопределенность границ ССЦ, необходимо определить, какая конструкция является минимальной составляющей и, в известном смысле, исходной моделью строения.

Прежде всего, речь должна идти об определенном типе связи самостоятельно оформленных предложений, так как известно, что в любой синтаксической структуре одним из решающих критериев для аттестации модели является синтаксическая связь, функционирующая в сфере ее основных составных компонентов [Падучева 1982 : 93]. И по мере того, как исследователи поднимались от низшего синтаксического яруса к более высоким его ярусам, они отмечали

возрастание удельного веса того типа связи, который получил название "присоединение". Если между членами предложения или компонентами сложного предложения достаточно точно и отчетливо прослеживаются такие виды связи, как сочинение и подчинение, то связи между самостоятельными предложениями далеко не всегда могут быть определены в этих терминах, даже тогда, когда показателями связи служат все те же сочинительные (или подчинительные) союзы. Употребление подчинительных союзов, как правило, свидетельствуют о парцелляции более сложного единства, а сочинительные союзы чаще всего в сложном синтаксическом целом приобретают присоединительную функцию [АГ-70; РГ-80а; Алгазина 1994; Бабайцева 1983; Белошапкина 1967; Ильенко 1989; Леденев 1976; Черемисина, Колосова 1987 и др.].

"Возникнув в ходе исторического развития, значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретных мыслей" [Жирмунский 1968 : 162].

Как отмечала Г.В.Валимова, "сочетаемость является свойством языковых единиц всех уровней, что определяет функционирование языка как средства общения" [Валимова 1967 : 6]. Это их свойство проявляется в способности объединяться друг с другом, вступая в определенные отношения и определенным образом связываясь. Средством связи на уровне сложного синтаксического целого служат не только союзы, функционирующие в простом или сложном предложении, но и особые союзные образования, специально сформировавшиеся для объединения предложений, обладающих формальными признаками самостоятельности [Акимова 1990; Алгазина 1994; Бухбиндер 1975; Вейхман 1988; Звегинцев 1976; Ильенко 1989; Комарова 1975; Лосева 1971; Москальская 1980;

Падучева 1985; Пфютце 1978 и др.]. Характеристика союзной присоединительной скрепы как особой разновидности аналогов союза должна учитывать своеобразие зоны их функционирования и тех синтаксических образований, которые она связывает. Совершенно очевидно, что эта зона их употребления находится на одном из высших ярусов синтаксиса.

Можно выделить СТ элементарной структуры (одно ССЦ), сложной структуры (два ССЦ), усложненной структуры (три и более ССЦ). Кроме того, видимо можно говорить об СТ гиперуровня и, напротив, о фразеологизации СТ.

Однако при рассмотрении такого неоднозначного синтаксического образования, как СТ, необходимо определить его синтаксический статус. В современной лингвистике уже прочно утвердилось представление, что текст является центральной единицей макросинтаксиса. Тем не менее до сих пор еще не достигнуто единого мнения о границах и параметрах этого синтаксического образования. Для обозначения синтаксических единиц этого яруса утвердился целый ряд дефиниций - ССЦ, высказывание, абзац, СФЕ, СТ (причем последний подразделяется на два яруса - микротекст и макротекст). Во многих работах эти термины употребляются в качестве синонимов, хотя такой подход вряд ли можно считать правомерным. Если абстрагироваться от авторства рассматриваемых терминов, то можно попытаться определить соотношение указанных понятий с точки зрения различных подходов при анализе их сущности.

Минимальной строевой единицей уровня синтаксиса текста можно считать *предложение* как структурную единицу, имеющую модели построения, формирующую коммуникативно завершенное синтаксическое образование - текст в минимальной своей репрезентации. В отличие от предложения **ССЦ** является более

развернутой единицей, включающей в себя более одного предложения, коммуникативно завершенной, структурно и семантически оформленной надлежащими связями и отношениями. Можно говорить о том, что ССЦ является в первую очередь структурной единицей языкового плана, что отличает его от **высказывания**, которое является понятием чисто функционального плана и однозначно относится к области речи. Предложение и ССЦ как синтаксические единицы с одной стороны, и высказывание как коммуникативная единица с другой стороны, могут быть противопоставлены как форма и функция. Вместе с тем указанные языковые единицы неразрывно связаны с высказыванием как речевой единицей как компоненты двустороннего феномена существования языка как системы и ее практической репрезентации в реальных коммуникативных условиях.

Как продукт речевой деятельности высказывание является предметом внимания психолингвистики [Леонтьев 1997; Кацнельсон 1984], лингвистами высказывание анализируется как интонационное [Артемов 1976] и структурное [Карпова 1974] образование, как носитель характерных грамматических признаков [Слабковская 1977], как один из типов языкового знака [Маслов 1967]. Исследуются собственно коммуникативные [Остроумов 1973; Шатуновский 1996; Глаголев 1985 и др.] и функциональные [Баранов 1993] признаки высказывания. Содержательная сторона высказывания рассматривается в теории информации [Гиндин 1971; Падучева 1982; Леденев 2001], а также при изучении типов речи [Чесноков 1979].

Под понятие высказывания подпадают в зависимости от требований полноты смысла как предложения, исчерпывающие то или иное сообщение, так и **сверхфразовые единства**, т.е. структурно организованные (закрытые) цепочки предложений, представляющие

собой смысловые и коммуникативные единства. Термины "предложение" и "сверхфразовое единство", будучи противопоставлены друг другу, относятся к плану синтагматики и отражают синтагматическое строение определяемой единицы. При этом термин "предложение" ничего не говорит об отношении соответствующей единицы к высказыванию: он не разграничивает предложение-высказывание и предложение-конституент высказывания. Термин же "сверхфразовое единство" совмещает в себе синтагматический и функциональный подходы к определяемой единице. В синтагматическом плане он указывает на то, что определяемая синтагматическая единица представляет собой специальным образом организованную (замкнутую) цепочку предложений. В функциональном плане он характеризует определяемую синтаксическую единицу как развернутое высказывание. Таким образом, сверхфразовое единство ("микротест") - понятие одновременно синтагматическое и функциональное. Это - *специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание.*

Проблема определения сверхфразовых единств и нахождения объективных критериев членения целого текста и его частей лишь в последнее время приблизилась к своему решению. Между тем вопрос этот чрезвычайной важности - невозможно постулировать существование сверхфразового единства как особой синтаксической единицы, не определив ее границ.

Некоторое время сверхфразовое единство терминологически отождествлялось с абзацем. Однако еще А.М.Пешковский писал об отсутствии для соответствующих синтаксических единиц особого синтаксического термина и о необходимости пользоваться "типографским термином абзац" В ходе дальнейшего изучения абзаца

исследователями наряду с композиционно-графическим значением абзаца все более подчеркивалась его композиционно-стилистическая роль в структуре письменного текста. Так, Т.Т.Сильман пишет об абзаце: "Дело в том, что этот термин имеет не два значения, как вытекает из разъяснений А.М.Пешковского (т.е. "типографское" и "синтаксическое"), а скорее три: сверх названных двух значений существует еще значение некоего относительно законченного отрезка литературного текста. т.е. значение литературно-композиционное. С этой точки зрения смена абзацев литературного произведения отражает ход мыслей, принцип движения повествования - то, что принято называть литературной композицией, хотя каждый абзац при этом не утрачивает и своего синтаксического значения". Практически же в исследованиях данного автора абзац оценивается, прежде всего, именно как единица композиционно-стилистическая.

В настоящее время существуют две противоположные точки зрения. Одни исследователи по-прежнему отождествляют сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и абзац или же, отказываясь совершенно от понятия сверхфразового единства, объявляют абзац сложным синтаксическим целым, т.е. синтаксической единицей высшего уровня. Так, крайнюю точку зрения высказывает Л.Г.Фридман, считающий, что сложное синтаксическое целое не имеет четких границ и набора релевантных признаков: "Не обладая ни одним из релевантных показателей, определяющих статус синтаксической единицы, ССЦ именно поэтому не может, на наш взгляд, рассматриваться как таковая... Мы полагаем, что сверхфразовой синтаксической единицей, обладающей набором релевантных признаков, качественно отличающих ее от единиц более низкого уровня - предложений, является абзац".

Другие исследователи, напротив, четко разграничивают абзац и сложное синтаксическое целое (или сверхфразовое единство), относя первое к области композиции письменного текста, а второе к области синтаксиса. Принципиально различает абзац и сложное синтаксическое целое Л.М.Лосева: "Абзац нельзя отнести к синтаксическим категориям. В синтаксической структуре текста никаких других единиц, кроме словосочетаний, сочетаний слов, предложений, сложных синтаксических целых нет". И далее о несовпадении границ абзацев и сверхфразовых единств: "Одна абзацная фраза может комментироваться сочетанием сложных синтаксических целых и, наоборот, одно сложное синтаксическое целое может выделить из своего состава несколько абзацных фраз или заключать в своем составе несколько абзацев".

Действительно, в зависимости от индивидуального стиля автора, а также от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю размеры абзаца могут колебаться от нескольких страниц, объединяя до десятка сверхфразовых единств, до одного-двух предложений. Так, многие жанры нехудожественной прозы - учебная литература, законодательные документы и др. характеризуются членением на очень короткие абзацы, часто разбивающие на несколько частей одно сверхфразовое единство.

Нельзя также не учитывать и того коренного различия между абзацем и сверхфразовым единством, что абзац присущ только письменной речи, понятие же сверхфразового единства как связного высказывания, состоящего из ряда предложений, распространяется в равной мере на устную и письменную речь.

Заключая обзор мнений о соотношении сверхфразового единства и абзаца, приведем чрезвычайно справедливые слова Л.М.Лосевой: "Нельзя противопоставлять абзац ССЦ, это не

противопоставляемые, но взаимодействующие категории. Однако еще опаснее их не различать, одну считать формой выражения, восприятия и т.д. другой".

Таким образом, СФЕ как синтаксическая единица включает несколько предложений, объединенных в смысловом и структурном планах, и характеризуется относительной семантической независимостью, большей, чем предложение. Каковы же критерии выделения СФЕ? Ведущим следует, по-видимому, считать смысловой критерий, который понимается неоднозначно различными учеными. Предлагается в качестве основного принципа вычленения СФЕ наличие единой микротемы, общность смысла составляющих СФЕ предложений, согласование смыслов, выражаемых предложениями, входящими в СФЕ, смысловое и коммуникативное единство. Другими словами, несмотря на различие в терминологии, критериями выделения СФЕ из потока речи является смысловая дискретность, предполагающая определенную законченность и самостоятельность.

При вычленении СФЕ можно опираться на комплекс критериев: смысловой, логический, синтаксический, прагматический. При этом доминирующей является относительная смысловая дискретность СФЕ.

Надежность этих критериев не исключает привлечения интуиции исследователя для установления границ СФЕ. Следует упомянуть, что взаимно однозначные соответствия внутри перечисленных критериев отсутствуют. Наиболее перспективным многие исследователи считают коммуникативный подход к членению речевого потока, выделение единиц СТ по принципу их коммуникативной целостности. Истоки этого подхода находим в трудах А.М.Пешковского, Л.В.Щербы, представителей пражской функционально-семантической школы.

Следует помнить, что отсутствие полиграфических критериев (которые присутствуют при выделении композиционно-стилистической единицы - абзаца) затрудняет вычленение СФЕ и делает процедуру менее точной, тем более, что ритмико-мелодический критерий не всегда может быть использован, так как требует экспериментальной проверки или привлечения информантов.

К настоящему моменту языкознание накопило немало сведений относительно границ абзаца и СФЕ, развития темы, средств связи как внутри, так и за пределами СФЕ (движение видо-временных форм, повторы всех типов - от повтора на маргинальном, т.е. звуковом уровне, до повтора на уровне синтаксических структур), относительно-дейктических элементов, субститутов, об анафорическом/катафорическом построении СФЕ, о параллельных конструкциях, о симметричном расположении определенных компонентов, о ситуативной синонимии слов одного тематического поля и пр.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в основе членения текста на СФЕ лежит определенное членение экстралингвистической действительности (реальной или идеальной), связанное с обменом информацией и семиологически значимое. Из этого следует, что мы исходим из того, что текст не является закрытой системой, а является продуктом языкового творческого акта, для реализации которого необходимо наличие получателя.

Таким образом, можно принять следующее определение СФЕ: *СФЕ есть отрезок текста (устного или письменного), характеризующийся относительной смысловой и функциональной завершенностью, тесными логическими, грамматическими и лексическими связями, объединяющими его составляющие. СФЕ могут быть прозаическими и стихотворными, диалогическими и*

монологическими. При изучении СФЕ будем исходить из того, что смысловоразличительные, синтаксические, прагматические и другие характеристики СФЕ взаимно обусловлены. На деление текста на СФЕ оказывают влияние и такие факторы, как цели отправителя сообщения, специфика участников акта коммуникации, их социальный, образовательный ценз и пр.

Границей СФЕ, вероятно, можно считать точку ослабления интенсивности межфразовых связей, т.е. уменьшения смысловой общности (смена микротемы, введение новой).

Более универсальным, но не имеющим настолько четко очерченных границ синтаксическим образованием высшего синтаксического яруса является *связный текст* (СТ).

В лингвистике термин "текст" служит для обозначения языкового единства художественной речи, структурно-семантической, синтаксической и коммуникативной единицы языка.

Как структурно-семантическая синтаксическая единица текст в иерархии единиц уровней языка занимает место "над предложением". Как коммуникативная единица текст соотносится с другой единицей коммуникативного уровня - высказыванием, с которой находится в отношениях целого и части. Как структурно-семантическая единица текст рассматривается в работах, посвященных исследованию особенностей строения и сцепления его частей, а также анализу собственно-семантических признаков. В структурно-семантических исследованиях текста большое место занимает изучение признаков целостности и связности текста, конституирующих его как единицу языка. Как коммуникативная единица текст начал изучаться вместе с признанием того, что лингвистика текста стала наукой о закономерностях коммуникации. Среди проблем, в которых текст рассматривается как коммуникативная единица, - актуальное

членение текста, коммуникативная функция составляющих текста, коммуникативная насыщенность текста, отношение текста к структуре коммуникативного акта, а также методико-дидактические проблемы. При этом такой собственно-коммуникативный признак текста, как адресованность слушателю или читателю, впервые обнаружен в исследованиях структурно-семантического плана. Совокупность сущностных характеристик текста рассматривается также в их одновременной обращенности к структурно-семантическому и коммуникативному аспектам.

Традиционно под текстом понимаются монологические тексты, тем не менее известно признание диалога текстом и обоснование такого признания. Диалог может быть признан текстом на том основании, что он обладает признаками, создающими текст как языковую единицу: цельностью, референционной и смысловой связностью реплик, языковыми показателями связности и др. Отличие диалогического текста от монологического состоит в том, что в создании семантической структуры диалогического текста участвует не один, а два коммуниканта, выступающие "соавторами", "сопроизводителями" текста со стороны порождения и восприятия.

Тем не менее мы находимся на позиции тех исследователей, которые подчеркивают, что лингвистика СТ, имеющего коммуникативную деятельностьную основу, предстает как лингвистика дискурса (*linguistique du discours* – Р. Барт), или грамматика связной речи. Определяя эту область научного познания как «транслингвистику», изучающую отрезки текста от предложения и выше, Р. Барт утверждает в качестве её объекта исследования связный текст (*discours*) как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения

содержания, передаваемый с вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию» [Барт 2001:169-170].

На ранних этапах изучения связной речи термины «текст» и «дискурс» использовались большинством лингвистов как синонимичные термины, причем конкретизация значения шла в плане использования термина «текст» по отношению к письменному модусу, а «дискурс» – к устному. Точка зрения на текст как на факт письменной формы языка является наиболее традиционной. Одновременно имеет место неразличение прямого и метонимического значений: термином «текст» описывается фрагмент текста. Ср. определение, предложенное И.Р.Гальпериным: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, *объективированное в виде письменного документа* [выделено нами – О.Ф.], литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981:18].

Так утверждается новый объект исследования - «текст, погруженный в контекст языкового общения и взаимодействия... текст вместе со своим коммуникативно-прагматическим контекстом» [Сусов 1990:2].

В настоящей работе мы исходим из того, что высказывание является составной частью СТ и что высказывание и текст,

следовательно, находятся в отношениях части и целого. Отношения части и целого предполагают обусловленность признаков части особенностями целого. Структура и семантика высказывания как части обусловлены структурой и семантикой текста как целого.

В качестве рабочей единицы исследования в диссертации наиболее часто будет использоваться синтаксическое образование, определенное выше как сверхфразовое единство (СФЕ). Это объясняется тем, что понятие СФЕ, на наш взгляд, наиболее полно отражает двуединую природу языкового знака, план содержания и план выражения, системный характер и функциональную природу исследуемого феномена, имеет четко очерченные синтаксические границы.

Таким образом, одним из важнейших параметров связности текста, заключенного в СФЕ, являются синтаксические связи и отношения, регулирующие формальные параметры связности, которые будут описаны в следующем параграфе.

1.2. Синтаксические средства юнкционного характера, служащие для оформления целостности и связности текста

1.2.1. Структура текста и ее параметры в аспекте описания средств синтаксической связи

Понятие "структура" является в настоящее время одним из центральных в языкознании. Основными признаками структуры являются целостность и связность. Понятие связности как основного признака структуры заимствовано из математики. Этот признак является неотъемлемым показателем структуры, однако ее описание

через один этот признак не является исчерпывающим. Понятие структуры применительно к тексту предполагает, наряду со связностью, еще один параметр - целостность объекта¹. Это понятие заимствовано из естественных наук: свойство всего объекта не выводимо только из свойств отдельных элементов, из системы отношений между ними и не равняется простой арифметической сумме их свойств.

Для уровня текста наиболее приемлемым представляется следующее понимание структуры СТ: *структура - это глобальный для всего объекта способ его организации как некоторой целостной данности*. Таким образом, при анализе СТ необходимо учитывать три аспекта: компоненты, составляющие структуру, система связей и отношений между ними, целостность объекта. Как мы уже отмечали, отношения между текстами в СТ носят свободный смысловой характер и определяются коммуникативной перспективой и ее развертыванием - раскрытием сообщения на определенную тему (микротему - для ССЦ).

Проявление текстуальных связей обусловлено рядом моментов. Это, во-первых, соблюдение синтаксических норм построения отдельных текстов цепи СТ, с модально-временной перспективой, анафоризацией и т.д. Во-вторых, это их включение в единое коммуникативное пространство, с его тема-рематическим комплексом, порядком слов, интонацией и повторами. Далее, это соблюдение закономерностей стилистической и экспрессивно-эстетической организации СТ, с возможными вариантами типа

¹ См.: Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. - ВЯ, 1970, №1.

парцелляций и сегментаций, употребления дефиниций и их развертывания и т.д.

В выражении отношений между текстами, составляющими СТ (ССЦ), участвуют средства, многие из которых довольно подробно охарактеризованы в лингвистической литературе (А.М.Пешковский, И.А.Фигуровский, Т.И.Сильман, Л.М.Лосева, М.Г.Свотина, И.М.Гриценко и др.). Это такие средства, как повторы, союзы, эллиптические предложения, придаточные части, отторгнутые от главного (Гриценко), сцепляющие слова, причастные обороты, союзы, вводные слова, вопросительные предложения, инверсии (Свотина). Однако этот перечень не отражает всего многообразия средств связи [Недбаева 1974 : 123] (Заметим, что уже сам этот "перечень" характеризует хаотичность и неопределенность во взглядах на межфразовые отношения и средства их выражения, характерные для периода 60-70-х гг.).

Так, З.Я.Тураева, например, выделяя глубинную и поверхностную структуры СТ, рассматривает такие глубинные моменты связности, как жанровые особенности текста, столкновение различных стилевых "начал", отчуждение или присутствие автора, художественное пространство и время, маркеры начала и конца текста (зачин-концовка), образная система (ассоциации), различные аллюзии и др. [Тураева 1986 : 72-75]. Другие исследователи (Н.С.Поспелов, Л.М.Лосева, Т.М.Николаева, Ю.М.Скребнев) обращают внимание на такие "линейные зависимости", как актуальное членение, анафоризация, повторы различных типов, коннекторы типа синонимических рядов, ключевых слов, текстовая позиция начальной фразы, различного рода субституты и др. [Тураева 1986, 59-60]. Кроме того, можно включить сюда различные синтаксические средства

построения фразы. Одним из них может быть эллипс как синтаксическая организация контактирующих текстом. Ср.:

По одну сторону этой границы - турки, по другую - наши. (Из газет).

Интересную классификацию средств межфразовой связи предлагают авторы нового учебного пособия по современному русскому языку для вузов, выделяющие три вида: 1) собственно лексические связи (тематические группы, лексико-семантические поля и др.), включающие определенный семантический компонент и "повторную номинацию"; 2) лексико-грамматические связи типа анафоры (отсылки к предшествующему компоненту текста); 3) грамматические средства связи (порядок слов, союзы и союзные слова, формы грамматического времени и др.²

Если рассматривать глобальную структуру СТ как целостного объекта, то необходимо обратить внимание на несколько пластов, ее составляющих. Это, в первую очередь, *глубинная* и *поверхностная* структура текста. Понятия глубинной и поверхностной структур вызывают неоднозначное отношение у разных исследователей. Наиболее общее их понимание сводится к следующему: поверхностная структура доступна непосредственному наблюдению, глубинная - выводится на основании косвенных данных.

Под глубинной структурой чаще всего понимается некоторое семантическое или понятийное образование, являющееся опорной точкой при порождении поверхностных структур. Однако не все исследователи поддерживают эту точку зрения. Так, Л.С.Бархударов понимает глубинную структуру как функционально значимую

² Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В 3-х частях. Ч.3. Синтаксис (В.В.Бабайцева и др.) Под ред. Е.И.Дибровой. М., 1995. - С.219-221.

абстрактную модель, реальным порождением которой является структура поверхностная. Основные возражения противников этой концепции сводятся к следующему: глубинная структура есть некоторое мыслительное образование дозвукового, дословесного плана. В этом случае поверхностная структура, очевидно представляет собой сочетание односторонних единиц, что противоречит самому принципу грамматики, которая имеет дело с двусторонними единицами.

Второе возражение затрагивает спорность положения, согласно которому сочетания типа "строительство дома" и "дом строится" имеют одну и ту же глубинную, т.е. смысловую, понятийную структуру. Если первое сочетание представляет атрибутивную характеристику объекта, то второе репрезентирует событие. Все это свидетельствует о том, что эти понятия требуют дополнительного изучения, однако их использование для исследования СТ не наталкивается на возражения.

Возвращаясь к первому замечанию, поясним, что оно затрагивает раздвоение процесса речи на два этапа. По мнению В.М.Солнцева, "глубинные отношения не могут возникать до поверхностных структур и существовать без них"³. Глубинная структура СТ не является достоянием только языка. Это мыслительное образование воплощено в языковую материю и оформлено с помощью двусторонних языковых единиц, тогда как поверхностная структура представляет собой содержание, облеченное в форму. Поверхностный уровень представления текста лишь относительно поверхностный; он строится из языковых знаков, которые сами по себе двусторонни. Специфика языкового

³ Солнцев В.М. Относительно концепции глубинной структуры. - ВЯ, 1976, № 5.

оформления СТ состоит не просто в подчинении отдельных языковых единиц этому тексту как целому, но и в сочетании такой подчиненности с самостоятельной семантической наполненности этих единиц. Поверхностная структура определяется глубинной структурой. Глубинную структур можно сравнить с программой, которая диктует выбор языковых средств, и отношения между ней и поверхностной структурой не исчерпываются отношениями подчинения. Поверхностная структура может, в свою очередь, воздействовать на глубинную структуру, актуализировать ее.

Целостность текста, органическое сцепление его частей свойственны как СФЕ, так и более объемным макротекстам. Однако на уровне СФЕ целостность текста проявляется особенно наглядно⁴.

Целостность текста не есть явление исключительно смысловое. Она проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция.

1.2.2. Смысловая целостность текста и роль синтаксических юнкционных средств в ее оформлении

Смысловая целостность текста заключается в единстве его темы. "Темой целого текста или микротекста мы считаем смысловое ядро, понимаемое как обобщенный концентрат всего содержания текста"⁵. Формулировка задач исследования семантики текста заключается в описании смысловой структуры текста или части текста

⁴ См. замечание В.Дресслера об относительно большей когерентности микротекста (Textstück) в кн.: Dressler W. Einführung in die Textlinguistik..., S.65.

⁵ Agricola E. Vom Text zum Thema..., S.15.

и особенно семантических отношений, вытекающих из смысловой структуры отдельных предложений. Это основная проблема семантической когеренции текста или семантической связи между предложениями. Отсутствие семантической когерентности (связности) делает текст некорректным, а ее наличие отличает тексты от псевдотекстов типа словарей, разговорников и т.д. Таким образом, семантическая когеренция является необходимым условием конституции текста. Что касается проблемы темы текста, то говорящий или пишущий никогда не представляет себе общего семантического базиса текста, он знает одну или несколько тем, которые будут затронуты. Тема может быть представлена в форме простого или сложного базисного предложения. Возможность раскрытия одной темы в разных текстах и соответствия одного текста нескольким разным темам свидетельствует о неоднозначности соотношения темы и текста. Тема текста связана с общим значением (содержание) текста посредством тематического или семантического развития и семантической связи (в узком смысле).

Тема целого текста отнюдь не представляет собой простой суммы его частных тем. Мельчайшей частной темой является тема, заключенная в СФЕ. Она не слагается из более мелких тем, заключенных в составляющих его предложениях, и не разлагается на еще более дробные темы. Предложение является носителем отдельной темы только в том случае, если оно не входит в состав сверхфразового единства, а является самостоятельным предложением-высказыванием. Напротив, в составе СФЕ отдельные предложения не имеют самостоятельной темы, а служат совместно для выражения одной темы СФЕ и взаимно дополняют друг друга, семантически взаимодействуют друг с другом при ее раскрытии. Изолированное

рассмотрение содержания предложений, образующих СФЕ, не может дать представления о тематической целостности последнего.

Таким образом, СФЕ монотематично. Объединение всех составляющих его предложений вокруг одной темы есть проявление его смысловой целостности или семантической изотопии текста. Переход от одной темы к другой есть пограничный сигнал, знаменующий конец одного СФЕ и начало следующего СФЕ.

1.2.3. Структурная целостность СФЕ и основные формальные средства ее осуществления

Во всех случаях единство темы обеспечивается тождеством референции соответствующих слов в масштабе сверхфразового единства, т.е. соотнесением данных слов (имен нарицательных и собственных, а также замещающих их местоимений) на протяжении СФЕ с одним и тем же предметом реальной действительности (референтом) и подразумевает такое тождество: каждый раз, когда в рамках одного сверхфразового единства и единой темы употребляется одно и то же имя собственное или нарицательное, а также лексические синонимы последних или местоимение, замещающее имя, имеется в виду один и тот же предмет или лицо.

С единством темы СФЕ и с тождеством референции связано также явление импликации, основанное на ситуативных связях или же на отношении части и целого. Вследствие подобных связей упоминание о каком-либо предмете, какой-либо ситуации предполагает для говорящего и слушающего (или пишущего и читающего) наличие других предметов и ситуаций, связанных с данным предметом указанными отношениями.

Коммуникативная целостность текста выражается в коммуникативной преемственности между его составляющими. Суть этого явления заключается в том, что каждое последующее предложение в СФЕ опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного, "данного" к новому, вследствие чего образуется тема-рематическая цепочка, имеющая конечный характер и определяющая границы сверхфразового единства.

В установление закона коммуникативной преемственности между предложениями в сверхфразовом единстве современная лингвистика текста не только показала, что тема-рематическое членение следует рассматривать как функцию целого высказывания, т.е. предложения-высказывания и текста, но и выявила текстообразующую роль коммуникативной перспективы предложения.

Структура тема-рематической цепочки, образующей СФЕ, поддается моделированию и может быть сведена к нескольким основным моделям.

Предложения, входящие в состав СФЕ, связаны между собой не только единством темы и отношением коммуникативной прогрессии, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они представляют собой части одного целого и образуют в своей совокупности структурное единство.

Сигналами структурной связи между предложениями служат местоимения и местоменные наречия, выбор артикля, употребление времен и многое другое. Все эти явления не могут получить достаточного объяснения при рассмотрении изолированных предложений, их функционирование раскрывается полностью лишь в масштабах сверхфразового единства и целого текста. Они активно

участвуют в установлении левосторонних и правосторонних связей между предложениями, составляющими сверхфразовое единство, выполняя, таким образом, текстообразующую функцию.

В то время как анафорические связи указывают на смысловую и структурную несамостоятельность предложений, занимающих в сверхфразовом единстве срединную и конечную позиции, сигналом правосторонней связи служит катафорическая связь (катафора - указание на последующее). Катафора свидетельствует о структурной и смысловой несамостоятельности предложения, занимающего в сверхфразовом единстве срединную или начальную позицию.

В исследованиях по лингвистике текста вопрос о средствах анафорической и катафорической связи разработан наиболее полно.

Структурная целостность СФЕ является внешним выражением его смысловой (тематической) и коммуникативной целостности. Поэтому, описывая явления тематической, коммуникативной и структурной целостности текста, мы сталкиваемся с одними и теми же явлениями, которые поворачиваются к нам различными своими гранями. Так, рекуррентность ключевых слов тексте, основанная на импликации, рассматривавшейся выше как проявление смысловой целостности сверхфразового единства, являются в то же время с точки зрения структурной организации сверхфразового единства формальными показателями связи между входящими в него предложениями.

Индикаторами смысловой и структурной межфразовой связи выступают также наречия места, времени и другие показатели тождества места и времени или следования во времени, а также обстоятельства причины, условия, цели, объединяющие события, о которых говорится. при помощи причинной. следственной, целевой

связи. Ту же роль выполняют союзы, устанавливающие связь между предложениями.

Особенно явственно выступает текстообразующая роль так называемых слов-заместителей - указательных, личных и притяжательных местоимений и местоименных наречий, составляющих основную массу регулярно употребляемых слов-заместителей, глаголов-заместителей и существительных заместителей.. Явлению прономинализации посвящено много описаний и специальных работ. Следует лишь подчеркнуть, что употребление слов-заместителей является наиболее грамматикализированным способом межфразовой связи; в нем совмещаются все основные приметы этой связи - рекуррентность, анафора, тождество референции.

Менее четко выражена структурная связь, осуществляемая без лексических повторов и грамматических средств анафоры, посредством синтаксического параллелизма. Этот тип связи характерен для текстов, построенных в семантическом плане по принципу описаний, развивающих гипертему, а в коммуникативном плане по модели производных тем. Сущность синтаксического параллелизма заключается в построении цепочки предложений, повторяющих одну и ту же синтаксическую модель и имеющих симметричное расположение основных членов предложения.

Обычно, и это достаточно ясно видно из приводившихся примеров, структурная связь между предложениями осуществляется не одним каким-либо из описанных выше средств, а совокупностью средств (разными видами лексических повторов, словами-заместителями, артиклями, единством временного и модального планов). Эти средства связи идут не только в одном направлении, а одновременно слева направо и справа налево, перекрещиваясь,

взаимно дополняя друг друга и создавая "густую сеть" переплетений, о которой писал К.Бост⁶.

В зоне переходности между собственно сложным предложением и сочетанием предложений в рамках СФЕ все более определенную роль начинают играть позиционно-композиционные средства. Они существенны и для простых и сложноподчиненных предложений, но решающими они оказываются на высших ярусах синтаксиса - последовательность элементов, денотативная соотнесенность через использование прономинальных средств, синонимические замены в последующем предложении того, что обозначено через полную номинацию в предшествующем (экспозиционном) предложении, использование дополнительной номинации, антонимов и других средств опосредованного указания на тождество денотативной линии или на направление ее трансформации. Однако одним из наиболее существенных средств синтаксической связи на этом синтаксическом ярусе являются межпредложенческие (межфразовые) скрепы. Эти синтаксические образования характеризуются целым рядом особенностей.

Итак, среди формальных средств обеспечения связности и целостности текста межфразовые скрепы занимают доминирующую позицию. Структурно-синтаксические особенности таких синтаксических явлений и рассматриваются далее.

⁶ Boost K. Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung. Deutschunterricht. 1949, H.3. - S.9

1.3. Скрепа-фраза как формальное средство выражения и оформления синтаксической связности.

В лингвистической науке двадцатого века получил активное использование термин «конструкция». У Э.Бенвениста, например, этот термин приобретает широкое значение и служит для наименования высшей единицы языка приуровневой стратификации [Бенвенист 1974] . В русистике значительную актуальность имеет понятие «синтаксическая конструкция». Под синтаксической конструкцией следует понимать такое соединение синтаксических элементов, которое характеризуется, с одной стороны, известной целостностью, а с другой стороны, обладает возможностью расчленения на составляющие его части, конструкты. Л.Д.Чеснокова, раскрывая сущность понятия синтаксической конструкции, пишет: «Конструкция – это синтаксическая единица – структура, компоненты которой находятся в определенных смысловых отношениях друг к другу, образуя некоторое смысловое и грамматическое единство» [Чеснокова 1980 : 110].

С точки зрения функционального синтаксиса термин «конструкция» является значительно более широким. Тем не менее основные образующие ее факторы остаются прежними: синтаксическая структура и средства ее оформления, однако задействованные на более высоких синтаксических ярусах, таких, как организация высказывания. В этом аспекте основные союзные средства иногда приобретают новую функцию, которую можно назвать юнкционной. Это, в первую очередь, касается тех союзных и аналогичных им образований, которые, не оформляя грамматические связи внутри формально организованного синтаксического образования предложенческого уровня, тем не менее формируют

грамматику более сложной конструкции, которую принято называть текстовой. Часто синтаксические образования такого рода считаются служебными, и противопоставляются полнзначным словам, так как они «являются членами предложения и/или могут быть употреблены самостоятельно в качестве слова-предложения, формируют самостоятельные части речи. Слова, лишенные таких возможностей, принадлежат к служебным частям речи» [Белошапкина 1999 : 596].

Синкретический характер этих конструкций обычно осознается авторами письменных произведений. Это находит выражение в том, что они порой избирают различные способы пунктуационного оформления одних и тех же отношений, употребляя то двоеточие, то тире.

Основным формальным критерием текста является его структурная, семантическая и функциональная цельность, реализатором которой выступают различные средства обеспечения связности. Рассмотрение текста с этой точки зрения делает более целесообразным рассмотрение участков текста как минимальных составляющих ССЦ, т.к. в его составе выступают уже не простые и сложные предложения, а отрезки, образующие синтаксическое целое и являющиеся качественно новыми образованиями – текстемами. Цепочка текстем, объединенная тематически и комплексом средств связи, совпадает по композиционно-структурным показателям со ССЦ. Совершенно очевидно, что с функциональной точки зрения текстемы, образующие ССЦ, неоднородны. Некоторые из них несут главным образом информативную нагрузку, другие исполняют грамматические, стилистические или композиционные функции; в большинстве случаев основная специализация текстемы осложняется побочными. С этой точки зрения крайне интересными представляются

текстемы, выполняющие юнкционные функции, как формальные показатели межфразовой связи. Спектр образований, способных на уровне текста выполнять подобную функцию, чрезвычайно широк. Он простирается от уровня производного союза в роли межпредложенческой скрепы до уровня развернутого «мини-ССЦ», внутренне полноценно организованного, выполняющего связующую функцию. Такие образования получили название *«скрепы-фразы»*. Эти синтаксические конструкции характеризуются целым рядом особенностей. Перечислим некоторые из них.

1. Способность замещать или быть замещенными союзом или его функциональным аналогом;
2. Возможность развития полноценной предикативности (или даже полипредикативности);
3. Специализированная семантика (юнкционного характера);
4. Вводно-присоединительный характер конструкции и грамматические отношения с остальным текстом, аналогичные присоставной связи;
5. Характерная позиция (обычно в начале фрагмента);
6. Предопределяющий характер семантики скрепы-фразы по отношению к тексту;
7. Совмещение номинативных, модальных и релятивных значений в семантике скрепы-фразы;
8. Высокая степень фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и постоянством состава и регулярностью использования в функции аналога союза.

Как мы уже отмечали, скрепы-фразы характеризуются значительной разнородностью своих структурных, семантических и функциональных признаков. Тем не менее, с точки зрения на текст как на дискурс эти образования представляют собой фиксированную

группу особых синтаксических единиц, служащих для адекватности речевой реализации языкового инварианта текста, обеспечения его структурно-семантической связности, стилистической однородности, прагматической завершенности и коммуникативной оформленности.

Этот далеко не полный перечень свойств скрепы-фразы демонстрирует нам, насколько данный синтаксический объект важен для глубокого исследования.

Рассмотрим несколько примеров.

1. **Интересно**, что я не просто написал слово в слово тот же самый роман, под тем же названием и с тем же самым количеством глав и слов, но даже знаки препинания везде стояли одни и те же... (В.Войнович. Роман).

2. **В конце концов** Ефим просто замолкал и поджимал губы, показывая, что спорить со мной бесполезно, для того, чтобы понимать высокие устремления, надо самому обладать ими. (В.Войнович. Шапка).

3. ...Я умолял Иванько сообщать мне, что же именно погибло и что уцелело. **Мне показалось, что Сергей Сергеевич был тронут моим отчаянием. Во всяком случае**, он обещал запросить список потерь и сообщить мне о них, если я позвоню ему через две недели. (В.Войнович. Иванькиада).

В приведенных примерах скрепы-фразы представлены в союзной функции, осложненной дополнительными значениями. В примере 1 скрепа-фраза «интересно» обладает дополнительным модальным значением; в примере 2 фразеологизированная скрепа-фраза играет роль детерминанта и эквивалентна предложно-падежной конструкции присоставного характера «в результате»; в примере 3 скрепа-фраза «во всяком случае» вместе с предшествующим предложением носит явный союзно-уступительный характер. Во всех

случаях использование скреп-фраз не исчерпывается их юнкционными функциями; каждая из них может заменяться более сложной конструкцией или разворачиваться в более сложную с предложенческим характером, что позволяет называть синтаксические образования такого рода «квазипредложениями».

Ср.: *Сальериевская художническая жизнь – это совсем иное, не моцартовское, состояние, и муки иные, и радости. И ведь что интересно, всегда есть тайная надежда, что результат-то может оказаться тот же...* (Д.Гранин. Тринадцать ступенек. Священный дар).

Здесь «И ведь что интересно» = «Интересно, что...» = «однако» = «но» и т.д. Реализация необходимой скрепы-фразы отличается от реализации необходимой структуры обычного предложения в речи, и этому способствует несколько факторов. Так, идиоматичность многих скреп-фраз не позволяет реализовать все потенции к синтаксическому разворачиванию или свертыванию скрепы-фразы; часто абстрактный характер значения допускает многочисленные замены одной скрепы-фразы другой, а не их трансформации. Структурно-семантические особенности различных типов скреп-фраз также весьма разнородны. Одни из них, такие как «*Можно подумать*», «*Чем черт не шутит*» и т.д. обладают всеми необходимыми формальными признаками предложения, вплоть до их способности выступать не только формально вводным компонентом, но и компонентом сложного предложения (Ср.: *Можно подумать, что...*). Другие представлены вводными словами с имплицитной предикативностью, и из-за своего ограниченного значения (например, выражение субъективной модальности) не способны к разворачиванию в более объемные структуры. Третьи представлены полипредикативными единицами, и их можно даже назвать интратекстом (Ср.: *Как уже говорилось выше*

– всякое бывает. И, между прочим, чем черт не шутит, бывает и такое, что и вовсе невозможно, а ведь поди ж ты – случается! Так или иначе, но Чонкин снова оказался в этом старом здании. – В.Войнович). Конечно, этими примерами не исчерпываются структурно-семантические особенности различных скреп-фраз, однако заметно, что они выступают своеобразными регуляторами смысловой и стилистической целостности текста.

Различные скрепы-фразы в процессе их функционального видоизменения могут образовать различные вариативные разновидности. При этом наиболее очевидными являются несколько случаев:

1. В результате варьирования тождество первоначальной исходной конструкции сохраняется, а связь между вариантами настолько очевидна, что они не утрачивают смысловой и функциональной близости между собой. В результате такого варьирования складывается многозначность или многофункциональность с опорой всех возникающих вариантов на одно доминирующее значение.

2. В результате варьирования тождество исходной конструкции и первоначального значения разрушается, возникающие варианты настолько автономны, что выступают в качестве вполне самостоятельных конструкций, и являются по отношению друг к другу функциональными омонимами.

3. Иногда в результате развития варьирования тождество исходной скрепы-фразы не разрушается, но вариативные значения органически проникают друг в друга, образуя функциональную гибридность.

Разграничение условий отмеченных случаев варьирования представляет значительные практические и теоретические трудности.

Сложность этой задачи возрастает в тех случаях, когда дифференциация исходного значения достигает значительных пределов, а вариативный ряд увеличивается настолько, что в него входят одновременно несколько отмеченных видов изменений.

Таким образом, скрепы-фразы представляют собой специфические текстымы, выполняющие юнкционные функции и являющиеся своеобразными регуляторами связности текста.

1.4. Вопрос о статусе и аспектах скрепы-фразы как особого синтаксического явления

Скрепа-фраза как особое грамматическое средство, выполняющее юнкционные функции, характеризуется целым рядом особенностей. Эти особенности и предопределяют процедуры и аспекты описания данного явления.

1.4.1. Структурный аспект.

С точки зрения структуры скрепы-фразы чрезвычайно разнообразны. В их роли могут выступать как производные, как и производные союзы и их аналоги. Они выступают в качестве скреп, оформляющих сложное синтаксическое целое и реализующих грамматические отношения паратаксиса и гипотаксиса. Следует заметить, что гипотаксис является своеобразным "наследием" более простых, чем СТ, ярусов синтаксиса, подобных сложноподчиненному предложению. Отношения подчинения наиболее эксплицитно выражают минимальные категориальные и логические соотношения пропозиции в реализованных синтаксических структурах. В свою очередь, паратаксис как отношения равноправия не является столь важным для низших ярусов синтаксиса, поскольку он не формирует

таких базовых единиц, как словосочетание и компоненты предложенческой структуры. Как правило, паратаксис является показателем семантического развертывания структурного ядра высказывания. Он показывает на наличие нескольких смысловых центров, зажимающих одну и ту же грамматическую позицию. Таким образом отношения паратаксиса наиболее пригодны для выражения смыслов больших, чем элементарная логическая единица и являются более характерными уже для тестового уровня, на котором встречается и взаимодействует большее количество пропозиций, которые в своем выражении могут являться синтаксически равноправными. Поскольку МФС выражает категориальные отношения текстового уровня, то ее смысловое наполнение может модифицироваться от релятивного к номинативному, то есть включать в себя некатегориальные компоненты смысла, сопоставимые с полноценным лексическим наполнением. Иными словами, целая грамматическая конструкция, имеющая относительную коммуникативную завершенность, может иметь доминирующее значение юнкционного характера, что переводит эту конструкцию в разряд грамматических средств связи.

Одним из минимальных проявлений полноточности межфразового средства связи является детерминант в осложненном простом предложении. Присоставный характер его связи с грамматической основой может распространяться и на дальнейшее предложение в ССЦ. Мы заметим в дальнейшем, что детерминирующий характер МФС нередко проявляется на более высоких ярусах синтаксиса. Ср.: *Во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, болезненное; земля, как падшая женщина, которая одна сидит в темной комнате и старается не думать о прошлом, томилась воспоминаниями о весне и лете и апатично ожидала*

неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумесяцу... (А.Чехов. Враги. С.138).

Детерминирующий характер синтаксического компонента, являющийся следствием присоставного характера распространяющего компонента, может проявляться и на следующем синтаксическом ярусе - ярусе сложноподчиненного предложения. Ср.: Когда бьют часы, Андрей Ефимыч откидывается на спинку кресла и закрывает глаза, чтобы немножко подумать. И невзначай, под влиянием хороших мыслей, вычитанных из книги, он бросает взгляд на свое прошедшее и настоящее. Прошлое противно, лучше не вспоминать о нем. А в настоящем то же, что в прошлом. (А.Чехов. Палата №6. С.419-420).

В приведенном примере мы наблюдаем союзный характер придаточного предложения, входящего в состав ССЦ. Это придаточное предложение изоморфно и функционально аналогично союзным средствам низших ярусов синтаксиса, оформляющих причинные отношения.

Рассмотрим следующий пример: "Подождите минуточку", - проговорил Лужин и вдруг во весь рот зевнул. "Подождите", - небным голосом повторил он, запихивая между слогами упругие части зева. Но, захватив пиджаму и ночные туфли, она быстро вышла из комнаты. (В.Набоков. Защита Лужина. С.106).

Здесь мы наблюдаем отношения, аналогичные паратаксису в сложносочиненном предложении, при этом каузальная семантика уступки не растворяется в параллельных отношениях противопоставленности событий, однако равноправие компонентов

конструкции очевидно. В данном случае союзную функцию выполняет одно из предложений в составе сложносочиненного.

Переходным явлением в реализации союзных функций от компонентов сложного предложения к самостоятельным предложениям в ССЦ можно считать парцеллированные конструкции. Искусственный разрыв предложения на несколько квазикоммуникативных единиц знаменует собой переход к более сложным, чем предложение (текстовым) структурам. Ср.: *И надо же было случиться такому, что Кондратьев подумал о ней именно сегодня. И это переменяло всю картину.* (А. и Б. Стругацкие. *Полдень, XX век*).

Аналогичного порядка отношения могут реализоваться и с помощью самостоятельных предложений.

Ср.: *...Я спросил Катю: помнит ли она своего учителя? Она посмотрела на меня молча, отвернулась к стенке и заплакала. Стало быть, мог же этот человек хоть кого-нибудь заставлять любить себя.* (Ф.Достоевский. *"Записки из мертвого дома"* с.26)

В качестве МФС могут выступать и типизированные, в том числе идиоматичные, синтаксические конструкции.

Ср.: *Я хочу, чтобы наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей. Еще что? Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой. Хотел бы еще пожить лет десять... Дальше что?* (А.Чехов. *Там же.* С.304).

На более высоких синтаксических ярусах целые фрагменты текста могут выполнять не только информативную, но и текстообразующую функцию, поскольку их участие в организации связности и целостности придает им союзные, юнкционные свойства - свойства скрепы.

Таким образом скрепа-фраза как синтаксический элемент характеризуется юнкционными и детерминирующими свойствами, которые играют важную роль в организации связности и целостности текста и могут рассматриваться как особый синтаксический элемент. Объем скрепы-фразы зависит от того синтаксического яруса, на котором располагается СФЕ. Из этого следует, что структурные характеристики МФС разнообразны. Она может выступать в виде союза или его аналога как межпредложенческой скрепы, детерминанта в составе осложненного простого предложения или детерминантной конструкции в составе иных синтаксических образований, компонента сложного предложения или самостоятельного предложения (а также группы предложений) в составе текста.

Типология межфразовых скреп с точки зрения их структуры может быть представлена следующим образом:

1. Скрепа-союз или аналог союза (*Однако...*);
2. Скрепа-лексема, в т.ч. вводное или модальное слово (*"Результат:..."*; *"Во-первых,..."*; *"Кажется,..."*);
3. Скрепа-детерминант (*В течение всего вечера...*);
4. Скрепа-придаточное (*Говорят, что...*);
5. Скрепа-часть ССП или БСП (*Всем известно:...*);
6. Скрепа-предложение, типизированная конструкция (*"Итог известен"*; *"Вот где собака зарыта"*);
7. Скрепа-группа предложений (максимально развернутая скрепа-фраза).

1.4.2. Семантический аспект.

Семантика скрепы-фразы лежит в основе организации СФЕ. Будучи образованием более высокого уровня, чем союзное средство, скрепа-фраза несет в себе более глубокое семантическое наполнение. Так, например, на уровне причинного сложноподчиненного предложения, союз несет категориальное значение причинности и, не выражая непосредственного лексического значения, участвует исключительно в оформлении грамматической конструкции. На уровне СФЕ союзное средство, соединяя самостоятельные предложения и даже фразы, регулирует отношения между коммуникативными единицами. В этом случае роль категориального значения коннектора становится в большей степени структурной, а наполнение скрепы-фразы представляет собой тот необходимый конкретизатор значения, который и является средством достижения связности. Скрепа-фраза надсоюзного уровня, представленная образованием с возможной предикативностью (предложно-падежный детерминант, причастный и деепричастный оборот и под.) уже накладывает на соотношение компонентов СФЕ дополнительные значения, выходящие за рамки категориальных. Это связано с тем, что конструкции такого типа уже выражают имплицитную пропозицию, которая представляет собой либо семантический коннектор между смысловыми компонентами текста, либо участвует в его смысловой структуре в качестве детерминирующего атрибута. Начиная с этого уровня реализации скрепы-фразы возрастает возможность выражения субъективной модальности в рамках СТ. Так, вводные и вставные конструкции, наряду с отмеченными выше элементами, представляют собой лексико-синтаксический способ выражения модальности и дополнительных пресуппозиций. При этом наращении смысла

юнкционные свойства скрепы-фразы не только не теряются, но и развиваются, поскольку эти конструкции становятся реализаторами логической связности текста и формирования его модально-видовой целостности.

Ср.: *...Вся казарма, доселе смеявшаяся его шуткам, закричала, как один человек, и разбойник принужден был замолчать; не от негодования закричала казарма, а так, потому что не надо было про это говорить; потому что говорить про это не принято. Замечу кстати, что этот народ был действительно грамотный и даже не в переносном, а в буквальном смысле... (Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. С.30)*

Скрепы-фразы, представленные предикативными единицами, являют собой неотъемлемый компонент семантической структуры текста, который играет важную роль не только в формировании смысловой ткани, но и обеспечивает логическую целостность и завершенность.

Ср.: *Где печатался Солженицын? И вот что я думаю. Принимая правила игры, навязанные тургановыми и иванько, не содействуем ли мы сами произволу во многих областях нашей жизни?" (В.Войнович "Хочу быть честным" М.:Московский рабочий, 1989, с.166)*

Таким образом, мы видим, что семантика МФС различной синтаксической сложности характеризуется стремлением к участию в семантической структуре всего текста и скрепа-фраза является тем синтаксическим оператором, который превращает текст не в арифметическую сумму смыслов входящих в него компонентов, а в образование более высокого языкового порядка.

1.4.3. Эксплицитные и имплицитные реализации скрепы-фразы.

Мы продолжаем считать, что центральной единицей макросинтаксиса с точки зрения плана выражения является сверхфразовое единство (СФЕ). Тем не менее в лингвистике до сих пор еще не достигнуто единого мнения о границах и параметрах этого синтаксического образования. Мы придерживаемся точки зрения, что вопрос о границах СФЕ неотделим от общей характеристики его как сложного синтаксического целого, т.е. как смыслового, коммуникативного и структурного единства.⁷ Основными параметрами СФЕ являются связность и целостность, причем эти параметры тесно взаимосвязаны. Главным критерием целостности СФЕ большинство исследователей считает структурную целостность. Так, Р.Харвег определяет текст как "последовательность единиц языка, организованную посредством непрерывной цепочки прономинализаций"⁸. К этому можно добавить и структурно-синтаксическую непрерывность системы связей и отношений, маркируемую средствами связи и показателями отношений. В свою очередь, связность текста проявляется в синтаксическом образовании, состоящим более чем из одного предложения. Связность может быть рассмотрена как универсальная функционально-синтаксическая категория, сущностью которой является передача информации об идентичной макротеме из одного сегмента текста в другой. Существует большое количество способов реализации категории связности в тексте, таких как наличие общего семантического

⁷ Лосева Л.М. Структурно-семантическая организация целых текстов. Одесса, 1973. - С.58.

⁸ Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.

компонента, различные анафорические средства, параллелизм, актуальное членение, порядок слов и т.п. Одним из важнейших способов обеспечения связности является включение в текстовую ткань синтаксических конструкций, выполняющих юнкционные функции. Класс этих конструкций чрезвычайно разнообразен по своему составу, однако обнаруживает определенные интегральные признаки. Так, большинство из этих конструкций отличается ярко выраженным союзоподобием, способностью нести типовую релятивную семантику, способностью выступать в роли скрепы, причем выполнять функцию не только связи отдельных предложений в СФЕ, но и блоков предложений; многие из этих конструкций имеют модальную окрашенность. При анализе структуры различных типов конструкций, обладающих перечисленными выше признаками можно увидеть, что их спектр простирается от межпредложенческой скрепы в виде производного союза до интонационно завершенного, однако семантически несамостоятельного предложения в составе ССЦ. Тем не менее все эти конструкции имеют функциональное сходство, выступают в роли коннекторов компонентов текста.

Эти синтаксические конструкции характеризуются целым рядом особенностей. Перечислим некоторые из них.

1. Способность замещать или быть замещенными союзом или его функциональным аналогом;
2. Возможность развития полноценной предикативности (или даже полипредикативности);
3. Специализированная семантика (юнкционного характера);
4. Вводно-присоединительный характер конструкции и грамматические отношения с остальным текстом, аналогичные присоставной связи;

5. Характерная позиция (обычно в начале фрагмента);
6. Предопределяющий характер семантики скрепы-фразы по отношению к тексту;
7. Совмещение номинативных, модальных и релятивных значений в семантике скрепы-фразы;
8. Высокая степень фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и постоянством состава и регулярностью использования в функции аналога союза.

Как мы уже отмечали, скрепы-фразы характеризуются значительной разнородностью своих структурных, семантических и функциональных признаков. Тем не менее, с точки зрения на текст как на дискурс эти образования представляют собой фиксированную группу особых синтаксических единиц, служащих для адекватности речевой реализации языкового инварианта текста, обеспечения его структурно-семантической связности, стилистической однородности, прагматической завершенности и коммуникативной оформленности.

Этот далеко не полный перечень свойств скрепы-фразы демонстрирует нам, насколько данный синтаксический объект важен для глубокого исследования.

Рассмотрим несколько примеров.

1. *Интересно, что я не просто написал слово в слово тот же самый роман, под тем же названием и с тем же самым количеством глав и слов, но даже знаки препинания везде стояли одни и те же... (В.Войнович. Роман).*
2. *В конце концов Ефим просто замолкал и поджимал губы, показывая, что спорить со мной бесполезно, для того, чтобы понимать высокие устремления, надо самому обладать ими. (В.Войнович. Шапка).*

3. ...Я умолял Иванько сообщать мне, что же именно погибло и что уцелело. Мне показалось, что Сергей Сергеевич был тронут моим отчаянием. Во всяком случае, он обещал запросить список потерь и сообщить мне о них, если я позвоню ему через две недели. (В.Войнович. *Иванькиада*).

В приведенных примерах скрепы-фразы представлены в союзной функции, осложненной дополнительными значениями. В примере (1) скрепа-фраза «*интересно*» обладает дополнительным модальным значением; в примере (2) фразеологизированная скрепа-фраза играет роль детерминанта и эквивалентна предложно-падежной конструкции присоставного характера «*в результате*»; в примере (3) скрепа-фраза «*во всяком случае*» носит явный союзно-уступительный характер. Во всех случаях использование скреп-фраз не исчерпывается их юнкционными функциями; каждая из них может заменяться более сложной конструкцией или разворачиваться в более сложную с предложенческим характером, что позволяет называть синтаксические образования такого рода «квазипредложениями». Ср.: «Сальериевская художническая жизнь — это совсем иное, не моцартовское, состояние, и муки иные, и радости. И ведь что интересно, всегда есть тайная надежда, что результат-то может оказаться тот же...» (Д.Гранин. Тринадцать ступенек. Священный дар). — «И ведь что интересно» = «Интересно, что...» = «однако» = «но» и т.д. Реализация необходимой скрепы-фразы отличается от реализации необходимой структуры обычного предложения в речи, и этому способствует несколько факторов. Так, идиоматичность многих скреп-фраз не позволяет реализовать все потенции к синтаксическому разворачиванию или свертыванию скрепы-фразы; часто абстрактный характер значения допускает многочисленные замены одной скрепы-

фразы другой, а не их трансформации. Структурно-семантические особенности различных типов скреп-фраз также весьма разнородны. Одни из них, такие как «*Можно подумать*», «*Чем черт не шутит*» и т.д. обладают всеми необходимыми формальными признаками предложения, вплоть до их способности выступать не только формально вводным компонентом, но и компонентом сложного предложения (Ср.: *Можно подумать, что...*). Другие представлены вводными словами с имплицитной предикативностью, и из-за своего ограниченного значения (например, выражение субъективной модальности) не способны к развертыванию в более объемные структуры. Третьи представлены полипредикативными единицами, и их можно даже назвать интратекстом (Ср.: *Как уже говорилось выше – всякое бывает. И, между прочим, чем черт не шутит, бывает и такое, что и вовсе невозможно, а ведь поди ж ты – случается! Так или иначе, но Чонкин снова оказался в этом старом здании.* – В.Войнович). Конечно, этими примерами не исчерпываются структурно-семантические особенности различных скреп-фраз, однако заметно, что они выступают своеобразными регуляторами смысловой и стилистической целостности текста и являются важным фактором организации его связности.

Некоторые скрепы-фразы в процессе их функционального видоизменения могут образовывать различные вариативные разновидности, объединенные тождеством функции и сходством семантики. Такое варьирование становится возможным благодаря явлениям синтаксической эпидигматики и синонимии. Рассмотрим ряд СФЕ со скрепами-фразами, несущими релятивную семантику каузальности. *В Приморье снова начались сильные морозы. И поэтому потребление электроэнергии возросло (из газет).* - Ср.: *В Приморье снова начались сильные морозы. Вот почему потребление*

*электроэнергии возросло. - В Приморье снова начались сильные морозы. **Результат:** потребление электроэнергии возросло. - В Приморье снова начались сильные морозы. Потребление электроэнергии возросло.* В этих конструкциях мы наблюдаем скрепы-фразы различного синтаксического статуса - от межпредложенческой скрепы к типовому предложению в составе бессоюзного, что демонстрирует нам способность скрепы разворачиваться в синтаксическое образование более высокого уровня. Этот процесс можно охарактеризовать как дополнительную экспликацию. В последнем же предложении мы наблюдаем отсутствие формально выраженной межфразовой скрепы, хотя ее наличие не только потенциально возможно, но и предопределяется всей структурой текста. Семантика соотношения компонентов - причинно-следственная зависимость, причем первый компонент выступает в детерминирующей функции по отношению ко второму. Это подразумевает наличие имплицитной скрепы-фразы, но не предопределяет ее конкретную форму выражения. Характер потенциального выражения скрепы-фразы (межпредложенческая скрепа, предложение в составе сложного, самостоятельное предложение, обладающее юнкционными свойствами (Ср.: *В Приморье снова начались сильные морозы. **Результат не заставил себя ждать.** Потребление электроэнергии возросло*) - непринципиален со структурной точки зрения, хотя весьма важен с семантической и стилистической. Таким образом, автор высказывания избирает более или менее развернутую форму выражения коннектора, его наполнение, однако категориальная семантика скрепы-фразы заложена в семантической структуре СФЕ и изменению не подлежит. Тем не менее существует более или менее нейтральное и минимально структурно оформленное выражение скрепы-фразы для каждого из

видов смысловых отношений в СФЕ. В наших примерах это будет конструкция с коннектором *поэтому*. Эта скрепа может эксплицироваться структурно, стилистически, синонимически в более сложные построения, несущие дополнительные элементы семантики или полностью аналогичные по смыслу. При свертывании конструкции эта скрепа может имплицироваться вплоть до потенциальной незамещенной позиции в начале второго предложения. Это можно считать критерием полной импликации - наличие хотя бы потенциальной незамещенной позиции, семантика которой присутствует в семантике СФЕ, но отсутствуют формально выраженные текстемы, несущие соответствующую функцию. Критерием экспликации можно считать возможность дальнейшего синтаксического развертывания минимальной структуры с созданием новых синтаксических позиций, конкретизирующих или модифицирующих семантику исходной. Верхней границей экспликации в этом случае можно считать сохранение функционального тождества скрепы-фразы во всем спектре возможных структурных реализаций.

Таким образом, мы видим, что скрепа-фраза представляет собой динамичное синтаксическое образование на уровне СФЕ, которое может имплицироваться и эксплицироваться в целях достижения наиболее успешного результата коммуникации; при этом семантика и структура скрепы-фразы могут модифицироваться, тогда как ее функциональное тождество сохраняется на всем спектре ее синтаксических реализаций.

1.5. Изофункциональная природа скрепы-фразы.

В работах А.Ф.Прияткиной высказана гипотеза о формировании нового класса служебных единиц – «выразителей разного рода отношений и связей между компонентами текста» [Прияткина, 1998, с. 25]. Рассмотрение вопроса о статусе этих служебных единиц опирается на возможность их введения в классификацию частей речи. Традиционная виноградовская классификация предусматривает рассмотрение общности синтаксических, морфологических и семантических свойств слова для отнесения его к той или иной части речи. Некоторые классы слов оказываются вне рамок такой классификации, поскольку доминирующим основанием являются различные параметры. Так, например, для выделения категории состояния доминирующим является синтаксический критерий. Для неполнозначных слов производного характера их морфемно-словообразовательная структура играет большую роль; при выделении категориального значения слова различных частей речи по традиционной классификации могут оказаться в одной группе (*Ср.: бегун – бегущий*). Что касается межфразовых скреп, то даже их морфологический состав в настоящее время классифицирован не полностью. Так, межфразовой скрепой может являться простейшее союзное образование, имеющее своей типичной функцией связь компонентов сложноподчиненного предложения (*Ср.: Наступили холода, **и поэтому** потребление электроэнергии возросло (из газет) – В Приморье снова начались сильные морозы. **И поэтому** потребление электроэнергии возросло (из газет)*). Синтаксическим образованием, несущим аналогичную функцию, может являться и более сложная, в том числе и предикативная конструкция (*А вокруг собрался народ и все стали говорить, что тут поймали шпиона. А я вам должен*

сказать: я совсем не шпион. (В. Войнович)). В данном случае компонент бессоюзного предложения выполняет связующую функцию между компонентами текста (Ср.: *Это же дети. Добавим: необычные и очень развитые дети. А. и Б. Стругацкие*), то что А.Ф.Прияткина определяет как «союзы текста». Она выделяет несколько формально-грамматических категорий таких единиц, которые называют скрепой-фразой и которые отличаются следующими признаками:

- 1) Содержит суждение-оценку;
- 2) Имеет интонационное оформление, свойственное высказыванию;
- 3) Может иметь форму предикативной единицы;
- 4) Может соответствовать слову-предложению [там же, с.26].

Предикативный характер такого рода построений проявляется факультативно, хотя можно заметить, что, обладая в высказывании интонационной фокусировкой, такое синтаксическое образование обязательно несет потенциальную предикативность, которая скрыта в релятивной категориальной семантике. Таким образом, можно сделать вывод, что синтаксические образования, обладающие разной морфологической природой и имеющие различную структурную и модальную оформленность, выполняющие функции союзных средств связи между компонентами высказывания (ССЦ и даже текста) могут классифицироваться по функциональному, а не структурно-семантическому основанию.

Различия в структурном оформлении и набор типовых категориальных значений позволяют рассматривать это явление как изофункциональное. Наиболее часто проявляющимися значениями являются: **рефлексивные** (*нет, вот так, вот и все*), **конъюнктивные** (*и еще одно, и второе, и далее*), **дизъюнктивные** (*и наоборот, и все*

таки), градационные (и еще одно, и потом), вводные и вводно-модальные (речь идет о, кстати о, к несчастью и пр.), финитивные (вот и все, последний вопрос, в заключение), вставочные (кстати о, вот, например, сравните). Таким образом, мы видим, что синтаксический характер скрепы-фразы определяется характером вводимого ею компонента в высказывание. А поскольку с точки зрения А.Ф.Прияткиной между «скрепой-словом и скрепой-фразой нет непроходимой границы» [там же, С.27] и морфолого-синтаксическая структура подобных явлений определяется их функциональными особенностями, то можно говорить о скрепе-фразе как об изофункциональном синтаксическом образовании межъярусной природы.⁹

Таким образом, мы видим, что явление скрепы-фразы не поддается традиционному формальному описанию. Вызвано это в первую очередь ее изофункциональным характером, определяющим природу ее реализации в зависимости от коммуникативных параметров. Скрепа-фраза, выполняющая неизменные юнкционные функции, предстает перед нами как средство выражения синтаксических связей на макросинтаксическом уровне, формальная сторона которого объясняется функциональными критериями.

⁹ Под изофункциональностью мы понимаем проявление той или иной единой семантико-синтаксической функции не на одном, а на нескольких ярусах синтаксиса. В числе наиболее существенных признаков изофункциональности является проявление общности категориального значения при сохранении смыслового соответствия и при изменении форм выражения, иными словами, для изофункциональности характерно проявление единства плана содержания при развитии плана выражения. Изофункциональность имеет межъярусную природу, отражает возможности языка в развертывании и свертывании тех или иных структур, с сохранением их основного содержания [см. Леденев 2001].

Краткие выводы к главе 1.

Таким образом, определив объект исследования, очертив границы проблемы синтаксической связности в тексте и способов ее выражения, рассмотрев скрепу-фразу как формальное средство выражения синтаксической связности и определив ее статус, признаки и аспекты описания, можно сделать следующие выводы:

1. Уточнен *статус предложения и ССЦ в их отношении к языку и речи*, что еще не было сформулировано в лингвистической литературе. Минимальной строевой единицей уровня синтаксиса текста можно считать *предложение* как структурную единицу, имеющую модели построения, формирующую коммуникативно завершенное синтаксическое образование - текст в минимальной своей репрезентации. В отличие от предложения *ССЦ* является более развернутой единицей, включающей в себя более одного предложения, коммуникативно завершенной, структурно и семантически оформленной надлежащими связями и отношениями. Можно говорить о том, что ССЦ является в первую очередь структурной единицей языкового плана, что отличает его от *высказывания*, которое является понятием чисто функционального плана и однозначно относится к области речи. Предложение и ССЦ как синтаксические единицы с одной стороны, и высказывание как коммуникативная единица с другой стороны, могут быть противопоставлены как форма и функция. Вместе с тем указанные языковые единицы неразрывно связаны с высказыванием как речевой единицей как компоненты двустороннего феномена существования языка как системы и ее практической репрезентации в реальных коммуникативных условиях.

2. *Определен статус СФЕ* в приведенной выше парадигме. Сверхфразовое единство ("микротест") - понятие одновременно синтагматическое и функциональное. Это - *специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание. СФЕ есть отрезок текста (устного или письменного), характеризующийся относительной смысловой и функциональной завершенностью, тесными логическими, грамматическими и лексическими связями, объединяющими его составляющие.*

3. Скрепа-фраза - это особая синтаксическая конструкция, которая характеризуется целым рядом особенностей: способностью замещать или быть замещенными союзом или его функциональным аналогом; возможностью развития полноценной предикативности (или даже полипредикативности); обладающая специализированной семантикой (юнкционного характера); имеющая вводно-присоединительный характер и грамматические отношения с остальным текстом, аналогичные присоставной связи; имеющая характерную позицию обычно в начале фрагмента СТ; обладающая предопределяющим характером семантики по отношению к связанному с ней тексту; совмещающая номинативные, модальные и релятивные значения в семантике; обладающая высокой степенью фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и постоянством состава и регулярностью использования в функции аналога союза.

4. Скрепа-фраза обладает особыми структурными, семантическими и функциональными признаками, имеет изофункциональный межъярусный характер, играет важную роль в организации связного текста.

5. При синтаксической классификации и анализу скреп-фраз представляется наиболее целесообразным многоаспектный подход, основанный на принципах комплексного функционального анализа. Такой подход включает в себя, во-первых, выявление структурных особенностей исследуемых синтаксических явлений, описание их семантики, изучение их функционирования на различных синтаксических ярусах, включающий в себя описание синтагматики и характера союзоподобия скреп-фраз с точки зрения их участия в организации связности и целостности СФЕ. В некоторых случаях абсолютно необходим и деривационный анализ, поскольку большинство образований, интересующих нас, являются производными и тесно связанными со своими производящими структурно, семантически и функционально.

Глава 2. Структурно-семантические и функциональные параметры скрепы-фразы

2.1. Аспекты описания скрепы-фразы

«Анализируя тот или иной вид синтаксической связи, - пишет Г.А.Золотова, - следует определить, что с чем связано, - на каком основании; на каких условиях, какими средствами выражается и чему служит с точки зрения коммуникации» [Золотова 1973 : 31].

Формальная и смысловая организация СФЕ помогает выявить специфику скрепы-фразы связи на грамматическом (статическом) уровне, коммуникативный аспект позволяет дать ее характеристику на экстралингвистическом (динамическом) уровне. Задача исследования на данном этапе заключается в том, чтобы определить функциональные особенности скрепы-фразы с различных точек зрения.

Традиционный структурно-семантический подход к описанию скрепы-фразы не является адекватным. Так, конструкции типа *«Возможно...»*, *«Возможно, что...»*, *«Представляется возможным...»*, *«Оказалось очень возможным, что...»*, *«Все оказалось возможным. Так,...»* и под. при таком описании были бы размещены в различных классификационных ветвях, тогда как их функциональная природа (ими могут оформляться одни и те же участки СТ), диктуемая коммуникативным намерением, конгруэнтные синтаксические функции и практически одинаковая семантика заставляют разместить их в одном классификационном гнезде.

Таким образом, при подходе к синтаксической классификации и анализу скрепы-фразы представляется наиболее целесообразным многоаспектный подход, основанный на принципах комплексного

функционального анализа. Такой подход включает в себя, во-первых, выявление структурных особенностей исследуемых синтаксических явлений, описание их семантики, изучение их функционирования на различных синтаксических ярусах; кроме того, целесообразным является описание синтагматики и союзоподобия скреп-фраз с точки зрения их участия в организации связности и целостности СФЕ. В некоторых случаях абсолютно необходим и деривационный анализ, поскольку большинство образований, интересующих нас, являются производными и тесно связанными со своими производящими структурно, семантически и функционально.

Тем не менее, структурно-семантический аспект классификации скрепы-фразы возможен и необходим, поскольку ее, как особое синтаксическое явление, отличают от других юнкционных компонентов особые качества, легко выявляемые при таком анализе. Такого рода классификация не является основной, однако ее выполнение необходимо для описания целого ряда существенных свойств скрепы-фразы, которые выявляются на дальнейших этапах комплексного описания. Хотя основой нашего подхода является движение от плана содержания к плану выражения, необходимый опыт классификации скреп-фраз по формальному критерию должен предшествовать остальным изысканиям.

2.2. Основы структурной классификации скреп-фраз

Основой структурной классификации рассматриваемых в диссертации явлений мы предлагаем их отношение к предикативной оформленности, которая позволяет разделить их на две группы: в первом случае скрепы-фразы носят характер вводно-модальных компонентов, юнкционных компонентов, выполняющих

разнообразные союзно-присоединительные функции или синтаксических образований, имеющих функцию введения дополнительного семантического фона - дополнительные пресуппозиции (чаще всего – подобие вставных конструкций). Непредикативный их характер является таковым только с точки зрения их непосредственной структурной оформленности: они являются как бы выразителями предикативной связи более высокого уровня, связи между компонентами высказывания, в котором один из них выполняет функцию предизируемого компонента, а другой – предизирующего, причем каждый из них располагается в различных синтаксических блоках. Так, в контексте: "Он не получил достойных знаний, не добился положения. *Наверное*, все свои обвинения Сальери мог адресовать Пушкину." (Д.Гранин "Тринадцать ступенек". "Священный дар" с.64) первый синтаксический блок явно выполняет функцию предизируемого компонента, а второй – предизирующего. И единственным показателем предикативной связи между компонентами фразы выступает модальное слово «наверное».

Как правило, такого рода «непредикативность» проявляется исключительно в структурах двух типов. Первый тип – это структура нерасчлененного характера (Ср.: *Незнакомец не слышал вопроса; он не ответил и даже не взглянул на Дымова. Вероятно, этот улыбающийся человек не чувствовал и вкуса каши, потому что жевал как-то машинально, лениво, поднося ко рту ложку то очень полную, то совсем пустую.* А.Чехов. Степь. Эта структура может быть охарактеризована как $P1 \Rightarrow P2$, где предизируемое = $P1$ и

преддицирующее = P2, а модальное слово *вероятно* - как показатель предикативного отношения). Расчлененная структура относится к одному из компонентов, входящих в P1 или P2. Ср.: *Он вдруг подошел и схватил Петра за рукав. Но даже и от этого Петр не остановился.* В.Катаев. В данном случае строится как бы новое предложение надтекстового уровня: [Событие: *схватил*] – [признак: *не помогло*].

Как мы видим, в качестве неперемного компонента СФ имплицированного характера выступает либо вводно-модальная конструкция, либо конструкция с союзом, а чаще всего – обе конструкции. Это объясняется прежде всего категориальным содержанием СФ: с одной стороны, это вводно-модальный компонент, выполняющий метатекстовую функцию, позволяющий автору «вмешаться» в ткань повествования, с другой стороны, юнкционный характер СФ, детерминирующий наличие компонента с союзным значением.

Непредикативные скрепы-фразы в большинстве случаев представляют собой явления нескольких основных морфолого-синтаксических групп. Среди них выделяются конструкции вводно-модального характера, представляющие собой сочетание предлога и существительного в творительном или родительном падеже (вместо существительного нередко используется указательное местоимение или местоименное наречие (Ср.: "кроме того"; "между прочим"; "больше того"; "между тем" и др.); различные формы компаратива с указательными местоимениями или местоименными наречиями ("тем

не менее"; "больше того" и др.). Предложные местоименные сочетания (по мне), большая группа составных образований, как правило имеющих модальный характер с усилительными и иными частицами ("да вот же"; "еще бы"; "ну что же"; "так вот"). Значительная часть конструкций такого рода имеет фразеологизированный характер, так, конструкции типа "да вот же", "ну что же" по сути являются эквивалентами вводных слов с экспрессивно-модальным содержанием, хотя представляют собой морфологически расчлененные группы.

Следующую группу образуют непредикативные конструкции, образованные на основе союзных присоединительных скреп, некоторые из которых становятся настолько обособленными синтаксически, что выполняют роль скрепы-фразы практически в своем неизменном виде. В этом случае оформляемая ими конструкция приобретает как бы "присоставный" характер и несмотря на то, что в большинстве случаев находится в интерпозиции в СФЕ, выполняет своеобразную детерминирующую функцию по отношению ко всему единству. Ср. *"То есть в том смысле, что обе эти силы, оба эти начала он находил в себе и они боролись, волновали, мучили его"*. (Д.Гранин "Тринадцать ступенек". "Священный дар" с.98)

Заметную роль играют включения местоименных компонентов и частиц в эти конструкции союзного характера. Местоимения, выполняя дейктическую функцию, играют роль дополнительного средства оформления структурно-семантического и связности

текста . Ср. Он пишет на листочке бумаги цифру 1 и обводит ее кружком.

- Это первое. Второе. Покорнейше буду вас просить ежедневно к семи ноль-ноль доставлять мне донесения о проделанных за ночь работах: А - вашими саперами, В - дивизионными саперами, С - армейскими, если будут. а я надеюсь, что будут, саперами, Д - стрелковыми подразделениями. Кроме того...

Бумажка опять испещряется цифрами - римскими, арабскими, в кружочках, дужках, квадратиках или совсем без оных. (В.Некрасов "И жив остался. В окопах Сталинграда").

Нередко в состав скреп такого рода вводится модальный компонент, который может быть в виде частицы или сочетания частиц. Они могут комбинироваться с местоименными элементами (Ср.: "И вот что интересно..," "Ну что же..," "Да вот же..," и пр.). Частицы, выполняющие модальную функцию, нередко замещаются модальными словами, которые подводят скрепу-фразу к переходному состоянию с предикативным образованием. Так, например скрепа-фраза "И вот что интересно" может квалифицироваться как предикативное сочетание слов, но при этом его коммуникативная характеристика недостаточна для выражения самостоятельного завершенного смысла; более того, юнкционные способности этого сочетания превышают параметры предикативности. Эту структуру можно охарактеризовать, как было отмечено ранее, как квазипредложение, поскольку она не выполняет в достаточной для предложения степени коммуникативную функцию, входит в состав

целостного текста и играет связывающую роль уже на уровне макросинтаксиса. Таким образом, мы наблюдаем, что предикативность не всегда является фактором, завершающим коммуникативную организацию высказывания, более того, предикативность как грамматическое значение предложения, хотя и выступает как организатор его структуры, но при наличии релятивных отношений в семантической структуре текста, оформляемых именно этим предложением, переводит его из разряда цельнооформленных коммуникативных единиц в цельнооформленную грамматическую единицу - такое предложение утрачивает самостоятельную семантику и становится коннектором в тексте. Таким образом и здесь в области внутрифразовых и межфразовых грамматических отношений мы наблюдаем переходность функции и семантики синтаксических структур в зависимости от их роли в оформлении связности и целостности текста.

Дальнейшее повышение уровня предикативной оформленности скрепы-фразы приводит к ее полному выделению из состава оформляемого ею предложения. Она становится самостоятельным компонентом текста, функционально аналогичным союзному образованию на более низком ярусе. Скрепа-фраза, которая имеет полную предикативную оформленность, является уже показателем связности и целостности внутри текста, а не компонентом сложного предложения. Такие образования как "...Я умолял Иванько сообщить мне, что же именно погибло и что уцелело. Мне показалось, что

Сергей Сергеевич был тронут моим отчаянием. Во всяком случае, он обещал запросить список потерь и сообщить мне о них, если я позвоню ему через две недели." (В.Войнович "Хочу быть честным" "Иванькиада" М.:Московский рабочий, 1989 с.207) нельзя рассматривать как отдельные предложения в составе сложного, поскольку их предикативные свойства становятся нерелевантными, а главную роль начинают выполнять модальные и юнкционные качества. Очень часто конструкции подобного рода носят характер безличных предложений, в которых основной компонент имеет статус категории состояния (Ср. "Мне показалось...", "Думается...",), что усиливает их модальный статус в составе макротекстовой конструкции. Эти квази-предложения семантически играют роль выразителей отношения говорящего к высказанной информации, а грамматически являются аналогами союзных средств на низших уровнях синтаксиса, "перенесенными" в макросинтаксис.

Таким образом, структурная классификация скреп-фраз может быть проведена по следующим основаниям:

- 1.Наличие-отсутствие предикативности;

- 2.Оформление монолога или диалога. Очень часто скрепа-фраза играет роль структурного связывающего элемента в диалогическом единстве, оформляя структурные отношения между отдельными репликами (Ср. *-Я вам и бумагу достану!* - воскликнул *Николай Николаевич*).

И точно: поехал к знакомому бумажному фабриканту и привез обещание отпустить в кредит на три номера бумагу. (В.Азов. Вечерняя газета.);

3.Вводно-модальный компонент, реализующий не только связность и целостность высказываний, но и интенцию его автора.(Ср. *Я люблю юмористические журналы, остроумную карикатуру и крепко просоленный, как голландская селедка, анекдот; бываю в театре легкой комедии и даже не прочь заглянуть в кинематограф: там попадают не лишённые юмора вещицы.*

Но увы! Тщетно ищу я на людях и в книге тот мой прекрасный, единственный, до глубины души искренний смех, который, как солнце за спиною, озаряет до сих пор мой нелегкий путь среди колдобин и врагов жизни, - его нет. (Л.Андреев. Искренний смех);

4.Структура, реализующая только связующие функции, аналогичная союзу и выполняющая аналогичные с союзными средствами функции. В этом случае СФЕ функционально становится подобным сложному предложению.

Ср.: *Это было уже полнейшей нелепостью, так как мои щеки рдели в настоящую минуту, как свекла. Тем не менее я поддакнул ее соболезнующему вздоху таким же унылым вздохом. (А.Будищев. Возобновление юности).*

5.Во многих случаях скрепа-фраза представляет собой вставную конструкцию (Ср.: *Потом взяли и выдумали, что Комиссаржевская - чайка, и Гиппиус - чайка, и чуть ли не Максим Ковалевский - тоже чайка.*

"Вот вспыхнуло утор. Румянятся воды.

Над озером бедная чайка летит..."

А по совести сказать, так более прожорливой, ненасытной и наглой птицы, чем эта самая белая чайка, и природа еще не создавала.

Однако поди ж ты... Лет семь-восемь спасения от чаек не было. (Дон Аминадо. О птицах.). Как видим в данном примере, с помощью скрепы-фразы не только оформляется, но и вводится дополнительный пресуппозициональный фон, который позволяет понять информацию, содержащуюся в СФЕ, более полно.

Поскольку скрепа-фраза в основном выполняет юнкционные функции в структуре СФЕ, то характеристика степени ее предикативности, хотя и является существенной, но не выступает главным основанием анализа, гораздо более важным оказываются такие ее характеристики, как расчлененность-нерасчлененность, степень идиоматичности и средства оформления модальности, привносимой в высказывание.

Тем не менее со структурно-семантической точки зрения скрепы-фразы можно разделить на **эквиваленты союза и эквиваленты союзной вводно-модальной конструкции**, оформляющие связь равноправия (аналог сочинительной), неравноправия (аналог подчинительной) и присоединения, несущие характерные значения, классифицируемые по союзному компоненту:

а) соединительные (аналоги союзов *и, да*)

б) разделительные (аналоги союзов *или, то ли..., то ли*)

- в) сопоставительные (аналоги союзов *тогда как, если... то*)
- г) сравнительные (аналоги союзов *как, словно, подобно тому как*)
- д) изъяснительные (аналоги союзов *что, чтобы, якобы*)
- е) пояснительные (аналоги союзов типа *а именно*)
- ж) временные;
- з) условные (аналоги союзов типа *при условии что*)
- и) причинные;
- к) противительные (аналоги союзов *а, но, да*);
- л) уступительные (аналоги союзов типа *вопреки тому что*);
- м) ограничительные (аналоги союзов типа *разве что*);
- н) градационные (аналоги союзов *не только... но и, если не... то*).

Эти аналоги союзов, как правило включают **в свой состав** различные конкретизаторы, служащие цели актуализации формы категориальной семантики. Наиболее распространенные из них: *и потому, и поэтому, и в результате, и оттого, и тем самым, и стало быть, и следовательно, и таким образом, и значит, и притом, и к тому же, и кроме того, и в то же время, и вместе с тем, и все-таки, и все же, и однако, и все равно, и несмотря на это, и напротив, и наоборот, и тем более; а потому, а значит, а все-таки, а в то же время, а вместе с тем, а ведь, а тем более, да ведь, но ведь, но зато, но только, но все же, или иначе (см. Приложение 4)..*

Как видим, частицы самого различного характера могут не только конкретизировать категориальное значение союзного

компонента, но и совмещать юнкционный характер скрепы-фразы с модальными значениями субъективной характеристики высказывания.

Таким образом, характерными структурно-семантическими чертами скрепы-фразы являются:

1) наличие в составе заполненной или незаполненной позиции юнкционного структурного компонента (союза);

2) добавление в состав скрепы-фразы предикативного компонента, который может быть сосредоточен внутри СФ, а может быть включен в оформляемые им части фразы. В этом случае при анализе мы наблюдаем связь СФ с предикативными компонентами оформляемых частей более тесную, чем при обычных союзных синтаксических процессах, связь логико-семантического уровня, которая делается эксплицитной при актуализации в речи предизируемого и предизирующего компонентов, средством оформления связи которых является СФ. Тот тип СФ, который кажется при анализе непредикативным, имеет незамещенные предикативные валентности, что легко доказать субституцией СФ на союзное средство, которое не может иметь синтаксической связи как показатель предикативности. Мы наблюдаем здесь реализацию сверхпредикативных отношений. В качестве семантического компонента, оформляющего предикативность СФ, может находиться компонент, несущий семантику экзистенции (Ср.: *Так вот что здесь имеет быть важным – способ его исчезновения!* (А.Безуглов)).

3) нередкое включение в состав СФ вводно-модального компонента, причем типичная СФ всегда совмещает в себе

юнкционную категориальную семантику и модально-экспрессивные компоненты значения.

Таким образом, мы видим, что юнкционный характер скрепы-фразы в структурном плане обеспечивается обязательным включением в ее состав союзного (либо функционально аналогичного) компонента, а ее текстовый характер обуславливается введением в ее структуру имплицированного или эксплицированного предикативного компонента, дополнительная предикативность которого восполняет ту семантическую недостаточность обычного союза при его текстовом употреблении.

2.3. Дополнительные значения, выражаемые компонентами СФ и проблемы их классификации

В состав скрепы-фразы нередко включаются дополнительные компоненты, привносящие оттенки добавочного значения. Наиболее распространенными семантическими модификаторами СФ выступают модальные слова и выражения.

Со стороны грамматической организации эта группа - достаточно пестрая. В ней представлены спрягаемые формы глагола, инфинитивы, деепричастия, существительные и местоимения-существительные в разных падежных формах, без предлогов и с предлогами, наречия и предикативы, а также глагольные и именные фразеологизмы. В большинстве случаев вводные слова и вводные сочетания в составе СФ сохраняют живые лексические и грамматические связи с соответствующим знаменательным словом, с

его парадигмой; такие связи утрачены или ослаблены лишь у фразеологизмов (напр., *само собой, собственно говоря, чего доброго, на ту беду, неровён час, в конце концов, тем более, по меньшей мере, по крайней мере*), а также у незначительного количества вводных слов, таких как *конечно, во-первых, во-вторых*. Однако и тогда, когда живые грамматические и лексические связи у вводного слова или сочетания в состав СФ сохраняются, оно оказывается обособленным от системы форм соответствующего слова, формально и функционально изолированным от членов его парадигмы; особенно очевидно это у вводных слов и сочетаний - падежных форм с предлогами: *к сожалению, по существу, без сомнения, без преувеличения, кроме шуток, в каком-то смысле, к тому же, по слухам, сверх того*, а также у сочетаний с деепричастием и инфинитивом: *говоря по совести, собственно говоря, честно говоря, судя по словам (кого-н., чьим-н.), лучше сказать, вернее сказать, сказать по совести, нечего сказать*.

Все СФ с этими компонентами объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим синтаксическим единицам: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому. Именно поэтому в роли СФ свободно функционируют многие высказывания, выражающие разные виды отношения, например: *Это невозможно, нет, этого не может быть; Он постарается, еще бы!; Встреча эта - увы! - не состоялась;*

Итак, завтра - неужели правда? - мы уезжаем отсюда; Мы-то, пожалуйста, согласны, а вот они как?

Место СФ с включением вводных слов, вводных предложений и сочетаний в предложении свободное; они легко занимают позиции в начале, в конце или в середине предложения, свободно вводятся в него и свободно из него изымаются. Синтаксические связи с каким-либо членом предложения или с предложением в целом у таких СФ отсутствуют: даже если в составе вводимой группы есть союз, он в этих случаях не выполняет связующей функции: *Он болен и, что еще хуже, совершенно одинок; Сюда, как говорят, едет делегация; Приедет, если не ошибаюсь, человек сто.*

Все эти признаки объединяют СФ, включающие вводные сочетания слов и вводные предложения в особую лексико-синтаксическую группировку, выражающую следующие отношения, в зависимости от характера включенного компонента:

1) Значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника - выражается такими СФ с вводными словами, сочетаниями и предложениями, как *напоминаю (напоминаем, напомним), повторяю, подчеркиваю, что важно, что еще важнее, что существенно, что еще существеннее, представьте, представь себе, поверьте, поверите, поверишь ли, вообразите, не поверишь, согласись, заметьте, заметим, можете себе представить, например, к примеру.* В ряде случаев эти значения ослаблены и скрепы-фразы оказываются непредикативными

вставками, свободными от специализированной семантической функции и свидетельствующими только о затрудненности или поиске выражения. В такой роли почти пустых вставок могут оказаться такие, например, компоненты скрепы-фразы, как *так сказать, знаете, знаешь, значит, понимаете, понимаешь, скажу вам, надо сказать, в общем, главное, главное дело, собственно, собственно говоря.*

2) В отличие от СФ первой группы, ориентированных на адресата речи, многие СФ с вводными словами и сочетаниями служат для выражения субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего - радости, одобрения, положительной оценки. Это СФ, имеющие своим компонентом вводные слова и сочетания: *на счастье, к счастью, к радости, к удовольствию кого-н., что хорошо, что еще лучше;* семантика сожаления, неодобрения, отрицательной оценки вводится компонентами: *к несчастью, к сожалению, к стыду чьему-н., к неудовольствию, к огорчению кого-н., к прискорбию чьему-н., к досаде, на беду, по несчастью, грешным делом, как на беду, как нарочно, что еще хуже, что обидно, увы;* значение удивления, недоумения маркируется словами: *к удивлению кого-н., к изумлению, странно, странное дело, непонятное дело, удивительно, удивительное дело;* значение опасения имеет показателем: *неровён час, чего доброго, не дай бог;* семантика оценки сообщаемого с точки зрения достоверности опирается на маркеры: *наверное, надеюсь, думаю, полагаю, пожалуй, кажется, думается, видимо, по-видимому, вероятно, по всей вероятности, может быть, должно быть, надо*

полагать, как кажется, видно, как видно; без сомнения, конечно, само собой, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно; значение неопределенности характеризуется словами: некоторым образом, в каком-то смысле; допущения: положим, предположим, допустим, пожалуй, возможно, если хотите. В ряде случаев общее эмоциональное отношение к сообщаемому выступает как недифференцированное, неопределенное; это характерно для СФ с вводными словами, сочетаниями и предложениями, как говоря по совести, сказать по чести, между нами говоря, если правду сказать, кроме шуток, по правде говоря, прямо скажу, признаюсь, нечего зря говорить, по сути, по существу, в сущности говоря.

3) Отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения выражается СФ со словами: *лучше сказать, иначе говоря, прямо сказать, грубо говоря, если можно так выразиться, вернее сказать, короче говоря, одним словом, другими словами, проще сказать.*

4) По разнообразным связям, отношениям и зависимостям, а также по месту в строе текста сообщение характеризуют СФ, содержащие вводные слова и сочетания: *кроме того, к тому же, в довершение всего, вдобавок, сверх всего, притом, следовательно, стало быть, тем более; во-первых, во-вторых, в-третьих...; по значению соответствия чему-н.: как водится, как повелось, по обычаю, по обыкновению, как всегда; по значению независимости от чего-н., противопоставленности дифференцируются компоненты СФ: напротив, наоборот; как ты*

хочешь, воля твоя, воля ваша (Воля твоя, я не согласен; Как ты хочешь, я никуда не пойду).

5) По источнику, по отнесенности к автору речи СФ характеризуется следующими вводными словами, сочетаниями и предложениями: *по слухам, как слышно, по мнению кого-н., с точки зрения кого-н., как полагаю (думаю, считаю, знаю), как говорят, как считают, как пишут, как указывалось; по-моему, по-твоему; как оказалось, как известно; как говорили в старину, по словам кого-н., по сообщению кого-н., по выражению кого-н., говорят, говорят.*

6) Характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-либо выражается СФ с сочетаниями *по меньшей мере, по крайней мере (Опаздываем по крайней мере на час), в той или иной степени, в значительной степени.*

7) Характеристику по протеканию во времени, по отношению ко времени выражают СФ, имеющие своим элементом вводные слова, сочетания и предложения: *случается, как это бывает, как это случается иногда (всегда, постоянно, часто, изредка).*

Таким образом, мы видим, что дополнительные значения, привносимые скрепой-фразой в отличие от союзного компонента в текстовую структуру, благодаря ее уникальной формальной организации, позволяют выразить гораздо большее количество

значений, чем можно было бы выразить традиционными союзными средствами.

2.4. Наиболее распространенные структурные компоненты простейших СФ с союзным компонентом.

Сложный семантический состав даже простейших скреп-фраз с союзным компонентом, входящим в их структуру, определяются вторичностью образования исследуемых средств соединения самостоятельно оформленных предложений в присоединительной конструкции и их живыми связями с полнозначными словами, из состава которых они перешли в класс соединительно-связочных элементов языка.

Особенности функционирования данных скреп - на уровне сложного синтаксического целого - определяются сложностью выражения отношений между законченными предложениями (которые, в свою очередь, могут быть сложными) и, следовательно, необходимостью использования средств связи, которые обладают более дифференцированной способностью выражения семантико-синтаксических отношений именно в силу своей гибридности - сочетания признаков полнозначности-неполнозначности. Естественно, что и структура данной группы скреп как вторичных образований будет сложной: сложное содержание рождает сложную форму.

В формальной организации таких союзных компонентов СФ как ПРИ ЭТОМ, БОЛЕЕ ТОГО, НАПРИМЕР, ТОЧНЕЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО (как доминант наиболее распространенных тематических рядов —

см.выше) прослеживается следующая закономерность: либо основной компонент СФ связан по происхождению с одной частью речи и в связи с этим СФ является цельнооформленной, либо, как правило, с двумя частями речи (словами) и представляет собой нецельнооформленное соединение фразеологизированного типа. В составе нецельнооформленной скрепы мы выделяем так называемое опорное слово, которое служит "фундаментом" в образовательном и смысловом значении скрепы. Следует подчеркнуть, что в состав рассматриваемой группы скреп входят после десемантизации не любые полнзначные слова, а лишь те из них, которые обладают своеобразным ярко выраженным обобщенным лексическим значением, которое без затруднений превращается в категориальный показатель отношений между предложениями. Нетрудно заметить, что в состав таких скреп, как "при этом" и "более того", входит компонент местоименного происхождения. Местоимения ближе, чем другие знаменательные слова, стоят к классу неполнзначных слов, обладают определенной отвлеченностью [Леденев, Синько 2003] особенно указательные местоимения. Высокая абстрактность, обобщенно-логическая категориальность лексического значения местоимений "тот", "этот", способность употребляться в качестве своеобразных обобщенно-указательных единиц сообщения говорит о переходе последних в состав неполнзначных слов с союзной функцией.

В этом случае местоимения употребляются "в синтаксически неполнзначных позициях" [Леденев, Синько 2003] в структуре предложения или структуре присоединительной конструкции. Это связано, как отмечает ряд исследователей, со стремлением к анализируемому как наиболее яркой морфологической тенденции в современном русском языке [Прияткина 1990].

Опыт структурно-семантического анализа небольшой группы опорных элементов СФ с простейшими, наиболее распространенными, значениями, дает возможность сопоставить их по следующим признакам:

1. на первой ступени противопоставления по наличию-отсутствию опорного местоименного элемента в структуре скреп-фраз соответственно разграничиваются скрепы "при этом", "более того" - и "например", "точнее", "прежде всего".

Первая группа скреп, включающая в свой состав опорный местоименный элемент, делится на две ступени противопоставления на две подгруппы:

- 1) с опорным местоимением "тот" ("более того") и
- 2) с опорным местоимением "этот" ("при этом").

Вторая группа, включающая в свой состав союзные скрепы "например", "точнее", "прежде всего", делится соответственно на две подгруппы:

- 1) с наречным опорным элементом - ("точнее", "прежде всего");
- 2) с ненаречным элементом - ("например").

Третья подгруппа с наречными опорными элементами соответственно подразделяется еще на две подгруппы:

- 1) с наречием, употребленным в положительной степени ("прежде всего") и
- 2) с наречием в сравнительной степени ("точнее").

Данный анализ структуры простейших союзных скреп-фраз может быть представлен в виде иерархической лестницы, причем, следует отметить, что предлагаемая классификация отражает не столько собственно морфологические, сколько функциональные связи исследуемых простейших союзных скреп-фраз с другими союзными

средствами. Такого рода эксперимент доступен и для выявления особенностей семантики и организации более сложных скреп-фраз производного характера, однако такого рода описание не входит в цели настоящей работы и приведено лишь как иллюстрация возможного исследования в приведенном выше аспекте.

2.5. Принципы функциональной классификации скреп-фраз

В качестве одного из возможных путей теоретического осмысления явления СФ, на наш взгляд, может быть использована концепция Л.Ельмслева, предложенная им в работе "Язык и речь" [Ельмслев 1960 : 111-120], где он пишет: «мы будем называть: а) схемой - язык как чистую форму; б) нормой - язык как материальную форму; в) узусом - язык как совокупность навыков». Исходя этой позиции, о месте СФ в системе языка можно сказать следующее. СФ сама по себе не есть схема, в том смысле, что она не представляет собой типизированную структуру, однако она занимает определенное место в схеме, то есть вступает в устойчивые отношения с другими компонентами схемы. Нормативный аспект СФ характеризуется тем, что постоянно варьирует и не имеет своей константы относительно и структуры и семантики. При этом СФ является закрытым, отграниченным от его синтаксического окружения образованием. Это ее сближает с предложением, но только отчасти, поскольку предикативность, имманентно присущая всякому предложению, может отсутствовать у СФ. Несмотря на некоторую неопределенность положения СФ в схеме языка и непостоянство ее нормативных

характеристик, она прочно занимает позицию в узусе: СФ употребляется как отработанный речевой прием в самых разных сферах общения. Если исходить из описанной ситуации в целом, то на первый план выступает вопрос о том, какое место занимает СФ в схеме языка. Говоря более конкретно, необходимо выяснить, какие структурно-семантические функции выполняет СФ в предложении и тексте.

Функции СФ характеризуют их роль в семантической организации текста [Прияткина 1990 : 38-40], в реализации текстовых категорий [Современный 1997 : 117-127; Современный 1987 : 169, 81-88], в расширении содержания основного предложения. Однако эти функции традиционно рассматриваются изолированно, вне системы их взаимодействия с другими признаками СФ. В этом смысле представляется необходимым, как отмечалось ранее, определить роль функции СФ в формировании других ее переменных характеристик. Но вернее было бы говорить не о роли, а о взаимообусловленности функции СФ и других ее переменных признаков, тем более что функция СФ находится в жесткой зависимости от других ее характеристик. В таком случае речь идет о функции как о "детерминированном соответствии (зависимости) единиц одного множества единицам другого множества" [Ковтунова 1976] то есть здесь мы несколько приближаемся к математическому пониманию функции. Именно такой подход будет максимально способствовать определению взаимозависимостей функциональных характеристик СФ и других ее характеристик. Говоря о функции СФ, мы имеем в

виду ее роль в формировании семантики и структуры предложения или более широкого контекста, ее содержащего. Назовем эту роль СФ ее *собственно языковой функцией* (в отличие от *речевой прагматической*: см. гл. 3).

Прежде всего, следует отметить, что, поскольку характер участия СФ в формировании структуры и семантики предложения или текста может быть разным, то нельзя установить функцию, единую для всех СФ. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что характер выполняемой функции СФ находится в прямой зависимости от взаимоотношения ее семантики с семантикой основного предложения или контекста. Эти два признака, в свою очередь, обуславливают уровень функционирования СФ. Таким образом, три названные выше признака (роль в формировании основного предложения или контекста, соотношение семантики СФ и семантики основного предложения или контекста, уровень функционирования СФ) находятся в функциональной зависимости между собой, то есть изменение параметров одного из них неизбежно влечет за собой изменение двух других. Проиллюстрируем выдвинутое положение следующими примерами:

(1) *"Я вот говорю, Владимир Николаевич, это хорошо, что у нас Советская власть. Все ж таки можно правды добиться."*
(В.Войнович "Иванькиада")

(2) *Как бы это сказать, Владимир Николаевич, это хорошо, что у нас Советская власть...*

СФ в примере (1), выполняя юнкционную функцию с предыдущим текстом, расширяет содержание основного предложения и, следовательно, является одной из его семантических составляющих, то есть СФ здесь находится в минимальной семантической отчужденности от основного предложения, она функционирует в его рамках и на его уровне.

В примере (2) СФ и основное предложение гетерогенны, СФ здесь не распространяет основное предложение, не расширяет его содержание, пребывает в высокой степени семантической отчужденности от него и функционирует, следовательно, за его пределами, на ином уровне, чем в примере (1).

Итак, языковая функция СФ нами рассматривается не изолированно, а с учетом характера взаимодействия семантики СФ с семантикой основного предложения и уровнем ее функционирования. Соотношение этих трех компонентов (функция -семантика - уровень) является тем основанием, по которому мы будем выделять функциональные типы СФ, поскольку они представляют собой устойчивую зависимость, в то время как соотношение других переменных признаков СФ не проявляет такого постоянства.

Как уже отмечалось, функция СФ определяет другие ее характеристики, и поэтому наша задача состоит в том, чтобы предложить такую функциональную классификацию, которая наиболее адекватно отражала бы зависимость переменных признаков СФ от ее функций.

В результате проведенного анализа теоретического и практического материала мы можем предложить следующую функциональную классификацию СФ по признаку их участия в формировании семантики предложения или текста и уровню функционирования.

Прежде всего, необходимо разделить все СФ на две группы по характеру их участия в семантической организации связного текста. Первая группа - это собственно текстовые (далее - просто «текстовые») СФ, роль которых заключается в формировании основного содержания текста, при этом под основным содержанием мы понимаем ту часть семантики текста, из которой исключены метатекстовые компоненты, вторая группа - это метатекстовые СФ, комментирующие основное содержание текста. В свою очередь, текстовые СФ мы разделяем на внутрифразовые, контекстообразующие и конкреативные. В последующих параграфах этой главы приведены определения каждого из названных типов, основания их выделения и их корреляции с другими переменными признаками СФ.

2.6. Функциональная классификация текстовых скреп-фраз

2.6.1. Внутрифразовые СФ

СФ этого типа расширяют содержание основного предложения, то есть семантика компонента такой СФ взаимодействует с семантикой основного предложения. Внутрифразовые СФ функционируют на уровне основного предложения, не выходя за его

рамки. Они не содержат компонентов межфразовой связи и прочих признаков отнесенности к другому функциональному типу. Такие СФ очень распространены в текстах самых разных стилей, что видно из приведенного примера:

Я догадываюсь: *очевидно*, его пригласили из милости, *очевидно*, он считает меня одним из распорядителей похорон *и*, *очевидно*, боится, чтобы я его не прогнал. (А.Аверченко. День человеческий).

Здесь компонент СФ - относительно самостоятельное сообщение *очевидно*, в то же время здесь видно отношение «*очевидно* = *все знают, что*». Таким образом, СФ функционирует на уровне основного предложения и непосредственно взаимодействует с его семантикой.

2.6.2. Контекстообразующие СФ

Контекстообразующие СФ служат для формирования гомогенного контекста (под термином *контекст* понимается "фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы" (87)), расчлененного гетерогенными по отношению к нему компонентами (отсюда термин, обозначающий этот тип СФ). Такие СФ обычно вводятся автором в передаваемую им речь персонажа и содержат сообщение, включенное в контекст, на фоне которого протекает речевое действие этого персонажа. Семантика контекстообразующих СФ не взаимодействует с семантикой основного предложения; внутренний компонент СФ и основное

предложение - это разноплановые сообщения. Хотя контекстообразующая СФ включена в предложение, она не распространяет его и функционирует на уровне контекста, содержащего основное предложение как гетерогенный с ним компонент. Таким образом, СФ этого типа по своим качествам представляют собой явление, в некотором смысле противоположное внутрифразовой СФ: семантика контекстообразующей СФ не взаимодействует с семантикой основного предложения; СФ этого типа функционирует за пределами основного предложения, на уровне контекста, и выполняет контекстообразующую функцию. Контекстообразующие СФ способствуют формированию у адресата речи целостного восприятия описываемой ситуации, на фоне которой протекает речевое действие персонажа. Как речь персонажа размыкает контекст, в который она включена, так и контекстообразующая СФ размыкает эту речь, чтобы формировать контекст. Рассмотрим следующий отрывок:

Сколько в жизни ненужного: сначала можно было подумать, что просившие очень хотели барышниного пения, а она не хотела петь... На самом же деле было наоборот: никто не добивался ее пения, а она безумно, истерически хотела спеть своим скверным голосом плохой романс (А.Аверченко. Веселье).

В приведенном примере при участии СФ формируется следующий контекст: ...*Сколько в жизни ненужного... сначала... [потом...]*... В этот контекст включено мнение персонажа, содержащее контекстообразующую СФ: *На самом же деле...*

2.6.3. Конкреативные СФ

Конкреативные (предлагаемый нами термин образован от лат. *concreo* - "создаю совместно") СФ занимают промежуточное положение между внутрифразовыми СФ и контекстообразующими. Конкреативные СФ семантически и формально связаны с компонентом в основном предложении (или со всем основным предложением) и в то же время содержат компонент, осуществляющий межфразовую связь, включающий СФ в более широкий контекст, нежели основное предложение. Таким образом, СФ этого типа совмещают в себе функции внутрифразовых и контекстообразующих СФ. Такие СФ функционируют одновременно и на уровне предложения, и на уровне текста; их семантика соотносится с семантикой основного предложения, и в то же время она включена в семантику текста.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент:

-Я вам и бумагу достану! - воскликнул Николай Николаевич.

И точно так: поехал к знакомому бумажному фабриканту и привез обещание отпустить в кредит на три номера бумагу. (В.Азов. Вечерняя газета). В этом примере союз с конкретизатором включает СФ в основное предложение, а указательное наречие осуществляет анафорическую связь с компонентом, расположенным в предшествующем основному предложению контексте (результатирующий образ действий Николая Николаевича).

СФ, рассматриваемые в этом пункте работы, можно было бы назвать текстообразующими, но это не было сделано по той причине, что под определение "текстообразующие" попадают также внутрифразовые СФ, поскольку, будучи включенными в семантику основного предложения, они тем самым принимают участие в формировании семантики текста. Кроме того, как текстообразующие по понятным причинам можно определить и контекстообразующие СФ. Поэтому предпочтение было отдано термину «конкреативные», еще не задействованному, насколько нам известно, в лингвистической литературе. Посредством такого названия подчеркивается, что СФ рассматриваемого функционального типа создает некое единство совместно с основным предложением и более широким контекстом.

2.7. Метатекстовые скрепы-фразы и их классификация

По характеру структурных и функциональных особенностей требуют выделения в отдельный тип метатекстовые СФ. Семантика таких СФ не участвует в формировании семантической структуры основного предложения, но содержит сообщение, в котором характеризуется само основное предложение или его фрагмент как речевое действие (как в устной, так и в письменной речи). Таким образом, о метатекстовой функции СФ мы будем говорить в тех случаях, когда компонент основного предложения как фрагмент речевого действия или само основное предложение как речевое действие является объектом комментария, содержащегося в метатекстовой СФ. Следует также отметить, что всякая метатекстовая

СФ является высказыванием, поскольку, не включаясь в семантику основного предложения, она содержит законченное сообщение и является конвенциональной единицей.

Если говорить о соотношении семантики основного предложения и метатекстовой СФ, то следует сказать, что лексический метакомпонент, содержащийся в СФ такого типа, исключает ее из семантической структуры основного предложения. Рассмотрим пример:

"Устиновские планы укрепления передовой феноменальны по масштабам, по разнообразию применяемых средств и детальности проработки всего этого разнообразия.

Во-первых, - минные поля - не менее пятисот мин перед каждым батальоном: Ямы, ПМД, ПОМЗы, самовзрывающиеся и управляемые фугасы, сюрпризы, неизвлекаемые мины, даже самолеты.

Во-вторых, -...

В-девятых...в-десятых...всего двадцать пунктов.

У меня кружится голова и не хватает листочков в блокноте.

В довершение всего он вынимает карту, сплошь усеянную разноцветными скобочками, дужками, крестиками, ромбиками, зигзагами. Это даже не карта, а ковер какой-то." (В.Некрасов "И жив остался. В окопах Сталинграда")

В примере при помощи внутрифразовой СФ создается непосредственное отношение: *во-первых.., во-вторых... в довершение всего*: если же эксплицировать метатекстовые компоненты, то

получится следующее сообщение: *во-первых, одно, во-вторых, другое, ... в довершение всего*. То есть в примере компоненты СФ включены в самостоятельное сообщение, которое не является ответвлением семантики основного предложения.

Компонент метатекстовой СФ выполняет функцию метатекстового комментария, объект которого расположен в основном предложении и является внешним соотносительным компонентом такой СФ (110). Например:

Без объяснения этого замечательного характера \ повторяю это!, конечно, непонятно такое наглое воцарение Фомы Фомича в чужом доме (Ф.М.Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Метатекстовые СФ в чистом виде, так сказать, почти не встречаются: СФ этого типа, как правило, помимо метатекстового оператора, содержит компонент, соотносящий ее с компонентом в основном предложении или в контексте, однако основное ее назначение состоит не в том, чтобы расширить содержание основного предложения или соединить между собой части текста. Как уже говорилось выше, основная функция таких СФ - метатекстовый комментарий основного предложения или его фрагмента, и компоненты, соотносящие ее с текстом, служат для определения объекта этого комментария Ср.: *В эту минуту, то есть как раз в то время, когда он пригнулся к земле и не видит, что около него делается, - проходит мимо тот самый человек, которого он тщетно разыскивает уже несколько лет.*

Или наоборот - приостановился человек на одну минуту, чтобы взглянуть, не его ли это пуговица, и этой минутной задержки было достаточно, чтобы, подняв голову, он встретился нос к носу с кем-то, чтобы, подняв голову, он встретился нос к носу с кем-то, от кого уже несколько лет всячески удирал и прятался. (Тэффи. Трубка). Метатекстовая СФ соотносится по выполняемой функции с другими метапоказателями текста, «переплетенного линиями высказываний о самом высказывании», по выражению А.Вержбицки [Вержбицка 1999 : 403].

2.8. Характеристики переменных признаков различных функциональных типов скреп-фраз

Постоянные функциональные характеристики лежат в основе предложенной выше классификации, поэтому они не будут отдельно рассматриваться при анализе других переменных признаков СФ.

2.8.1. Переменные признаки внутрифразовых скреп-фраз

При описании данного типа СФ уже отмечалось, что они функционируют в рамках основного предложения. Семантика внутрифразовых СФ взаимодействует только с семантикой основного предложения. Таким образом, этой характеристикой определяется уровень функционирования СФ этого типа - основное предложение. Этот переменный признак - уровень функционирования - является постоянным в пределах рассматриваемого функционального типа СФ.

1. Способ связи внутрифразовой СФ с внешним соотносительным компонентом

Как отмечалось выше, внутрифразовые СФ функционируют в пределах основного предложения, они контактно расположены с внешним соотносительным компонентом. По этим причинам СФ данного типа могут быть включены в основное предложение посредством любого из перечисленных выше способов связи.

1) Синтаксический тип связи.

Внутрифразовая СФ может быть включена в основное предложение посредством сочинительного, присоединительного, подчинительного союза, а также при помощи присловной подчинительной связи и координации глагольных форм. В этом смысле СФ мало чем отличается от любого другого компонента простого или сложного предложения. Например:

Потому, в-третьих, что возможную справедливость положил, наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику; из всех вшей выбрал самую наименее полезную и, убив ее, положил взять у нее столько, сколько мне надо для первого шага и ни больше ни меньше, и остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию... (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание).

В этом фрагменте синтаксический способ включения СФ в основное предложение представлен подчинительным союзом, выступающим в функции связующего средства. Еще пример:

Я всегда просыпаюсь в эту минуту. И как знать - может быть, пробуждение и было дверью, открываемой перед звериной пастью...
(Тэффи. Катерина Петровна).

Здесь СФ включена в основное предложение посредством сочинительного союза.

Эта разновидность связи характерна для внутрифразовых СФ, поскольку предполагает тесное синтаксическое взаимодействие компонентов СФ и основного предложения.

2) Лексико-семантический тип связи.

а) Местоименно-анафорический способ связи.

Внутрифразовая СФ может включаться в основное предложение при помощи анафорических местоимений и местоименных слов, антецедентом которых является внешний соотносительный компонент СФ. Например: *"На меня смотрят как на идиота. Больше того, как на злонамеренную личность".*(В.Войнович "Иванькиада")

В этом примере указательное местоимение и сравнительное прилагательное имеют антецеденты в той части основного предложения, которая и является внешним соотносительным компонентом СФ («как на злонамеренную личность»).

б) Вводно-модальный способ связи

Внутрифразовая СФ может быть связана с внешним соотносительным компонентом при помощи вводно-модальных средств, например:

"Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха, - пишет Пушкин в 1830г." (Д.Гранин "Священный дар").

в) Лексический способ связи.

Внутрифразовая СФ может включаться в основное предложение при помощи любого из перечисленных выше лексических способов. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами:

"В том, что Пушкина съедает честолубие. И даже в том, что Пушкин творчески несамостоятелен..." (Д.Гранин «Священный дар»).

В этом предложении связь СФ с внешним соотносительным компонентом осуществляется посредством лексического повтора, в котором взаимодействуют лексический и место-именно-анафорический способы связи.

Но вот что самое главное: в пятый, в шестой, в седьмой раз перечитывая дневник уже по моей копии, так что мне больше не мешал процесс чтения, я обратил внимание на записи, в которых говорилось о том, как капитан относился к этому событию (В.Каверин. два капитана). Здесь лексический способ включения СФ в основное предложение выступает совместно с синтаксическим (союзное сочетание *вот что*).

г) Ассоциативный способ связи.

Внутрифразовая СФ может не содержать формально выраженных средств включения в основное предложение, и связь с внешним соотносительным компонентом осуществляется через осмысление ситуации общения, как, например, в следующем предложении с вводным словом в качестве компонент СФ:

Конечно, если принять во внимание, что я, например, получал в "Моряке" миллион рублей в месяц (по базарным ценам не хватало на

сорок коробков спичек), то эта сумма не была такой уж баснословной, как казалось Жоре (К.Паустовский. Случай в магазине Альшванга).

2. Степень семантической отчужденности СФ от основного предложения

Степень семантической отчужденности внутрифразовой СФ может варьировать от минимальной до максимальной включительно. Под максимальной степенью отчужденности мы будем понимать семантическую изолированность СФ по отношению к основному предложению, что само по себе несвойственно для внутрифразовых СФ.

В приведенном ниже примере СФ имеет минимальную семантическую отчужденность от основного предложения, поскольку внутренний компонент ее задействован в определении компонентов основного предложения:

(1) Но одно из двух: подавая мне его вы, извините за бесцеремонность, или соврали, что вы в одном со мною положении, или ваша московская жизнь так передернула вас, что вы забыли всю пахучесть той Среды, которую иногда занимает ваш класс (А.И.Левитов. Степная дорога днем).

СФ здесь представляет собой фразеологизированную синтаксическую конструкцию.

Невозможно представить какую-либо жесткую градацию на шкале семантической отчужденности, можно лишь констатировать ту или иную ее степень. Следующий пример, как нам кажется,

иллюстрирует градационные отношения СФ по этому основанию. Компонент СФ здесь напрямую соотнесен с компонентом основного предложения, но в отличие от примера (1), в примере (2) он не играет такой значительной роли в построении семантики основного предложения:

(2) *"Но Н. знал Эйнштейна. И еще он знал, как делалась физика."* (Д.Гранин «Тринадцать ступенек»)

Что касается СФ с большой степенью семантической отчужденности, то рассматривать их в рамках функционального типа внутрифразовых СФ можно только условно, поскольку они представляют собой отвлеченное от содержания основного предложения суждение, сентенцию, призванную не столько расширить его семантику, сколько выразить соображения говорящего, возникшие по ассоциации с сообщением в основном предложении. Например:

(3) *"Как бы там ни было, ему надо переступить человеческий закон"*. (Д.Гранин «Священный дар»)

При анализе практического материала было отмечено, что для внутрифразовых СФ степень семантической отчужденности находится в коррелятивных отношениях со способом включения СФ в основное предложение: для СФ с минимальной и средней степенью семантической отчужденности более характерны синтаксические и местоименно-анафорические способы связи с внешним соотносительным компонентом; СФ с большой степенью семантической отчужденности более присущи лексический и

ассоциативный способы включения в СФЕ. Данное положение находит подтверждение, в частности, в приведенных примерах (1), (2), (3). Зависимость способов включения СФ в основное предложение от степени ее семантической отчужденности поддается объяснению, если учесть, что синтаксический и местоименно-анафорический способы связи СФ и основного предложения предполагают более конкретную формально-семантическую соотнесенность компонента СФ с компонентом основного предложения, чем при лексическом или ассоциативном способе связи.

2.8.2. Переменные признаки контекстообразующих скреп-фраз

Контекстообразующие СФ отличаются от внутрифразовых СФ по нескольким параметрам, и в первую очередь по характеру выполняемой функции. СФ этого типа связывает воедино части контекста, на фоне которого протекает гетерогенное с ним речевое действие. Контекстообразующие СФ функционируют за пределами основного предложения - на уровне текста, то есть функция и уровень функционирования - признаки, постоянные для контекстообразующих СФ.

Необходимо также к этому добавить следующее. Контекстообразующие СФ всегда гетерогенны с основным предложением, у них разные субъекты речи; СФ этого типа не участвуют в семантической организации основного предложения, поэтому можно констатировать, что семантика контекстообразующей СФ максимально отчуждена от семантики основного предложения. Таким образом, признак гомогенности / гетерогенности и степень

семантической отчужденности также являются постоянными для этого функционального типа. Например:

"Любого можно было ожидать, но слезы... И тотчас же ясно, что только так разрешаются в нем ужас, отчаянье, зависть, восторг, жалость." (Д.Гранин "Священный дар").

В этом отрывке СФ и основное предложение, ее содержащее, гетерогенны; СФ взаимодействует с основным предложением, она функционирует в его пределах - и формирует контекст, представляющий собой слова автора.

1. Способ связи контекстообразующей СФ с внешним соотносительным компонентом

Контекстообразующая СФ и основное предложение, ее содержащее, гетерогенны. СФ часто функционирует за пределами включающего ее предложения и дистантно расположена по отношению к внешнему соотносительному с ней компоненту, поэтому синтаксический способ связи, предполагающий контактное расположение компонентов, для данного типа СФ не типичен, хотя изредка и встречается в практическом материале. Маловероятен вводно-модальный способ связи, поскольку контекстообразующая СФ, как правило, представляет объективную констатацию развития событий, и субъективно-модальная ее характеристика в таком случае не предполагается. По причине дистантного расположения и, вследствие этого, необходимости четко обозначить соотнесенность контекстообразующей СФ с внешним соотносительным компонентом, в качестве показателя связи не употребляется ассоциативный способ.

Наиболее часто СФ этого типа может быть связана с внешним соотносительным компонентом местоименно-анафорическим или лексическим способом. Ср.: *Вот, пожалуйста! Посмотрите, я уже ввязался, сам того не замечая, в совершенно не нужные мне проблемы!* (В.Войнович).

1) Лексико-семантический тип связи.

а) Местоименно-анафорический способ связи.

Этот способ наиболее часто употребляется для связи контекстообразующей СФ с внешним соотносительным компонентом. Приведем отрывок текста для иллюстрации местоименно-анафорического способа связи:

И что же он? Устыдился? Как же он? Покаялся перед коллективом? (В.Войнович).

Посредством анафорического местоимения *он* СФ включается в семантическую ось *он (устыдился) - он (покаялся)*, образуя тем самым единство "контекст - СФ", расчлененное гетерогенной по отношению к нему информацией.

б) Лексический способ связи.

Лексический способ связи, наряду с местоименно-анафорическим, весьма часто употребляется для организации связи контекстообразующей СФ с внешним соотносительным компонентом. Приведенный ниже пример призван проиллюстрировать этот способ связи:

"Порой кажется, что Моцарт и Сальери - это Пушкин и литературная Россия того времени." (Д.Гранин "Священный дар»). В

этом фрагменте лексический компонент *порой кажется* соотносит СФ с повествованием, предшествующим тексту, при этом СФ участвует в формировании контекста, описывающего процессы, на фоне которых протекает действие.

2) Синтаксический способ связи.

Несмотря на то, что синтаксический способ связи контекстообразующей СФ с внешним соотносительным компонентом очень редко встречается, мы все же считаем необходимым рассмотреть некоторые примеры, где он задействован, хотя и совместно с другими способами связи:

"В том-то и штука, не самого Булгарина боялись - Булгарина в лицо называли подлецом, били его, и, очевидно, нередко." Д.Гранин "Священный дар").

В этом фрагменте союз *и* занимает связанную позицию в компоненте СФ. Очевидно, что он не предназначен для включения СФ в предложение, ее содержащее, так как эти элементы (СФ и основное предложение) представляют собой разноплановые явления, семантически они не взаимодействуют.

Несколько иная картина наблюдается в следующем примере:

- *Вот тебе и во-первых и в-последних! Никогда, слышишь, никогда не будет меня уже в этом доме!* (В.Каверин).

В этом примере мы имеем случай связи двойной СФ с внешним соотносительным компонентом посредством парного соединительного союза. Кроме того, следует добавить, что СФ

включается в контекст, наряду с синтаксическим, также при помощи местоименно-анафорического (компонент *вот тебе*) способа.

2.9. Выражение субъекта речи в структуре скрепы-фразы

Проявление функциональной природы СФ делает их важными текстообразующими элементами, активно функционирующими в коммуникативно-прагматической подсистеме языка. Важным свойством этой подсистемы является реализация интенции говорящего при построении текста. Любое коммуникативное действие субъективно, поскольку производится человеком. Автор речи вкладывает в содержание высказывания информацию о характере субъекта в высказывании и о своем отношении к нему. Субъективная информация, связанная с текстообразованием, наглядно проявляется при конструировании высказываний, больших, чем предложение и маркированных скрепами-фразами. Эта информация представляет собой метасубстанцию «организатора высказывания», находится «над» текстом и выполняет организующую последовательность изложения функцию. Такую синтаксическую метасистему можно назвать «фактором говорящего» в высказывании. Очень характерным проявлением фактора говорящего является использование скреп-фраз, в той или иной степени отнесенных к языковой личности субъекта речи. В зависимости от семантики скрепы-фразы представление субъекта речи варьируется.

Таким образом, по степени проявления фактора говорящего текстовые скрепы-фразы можно разделить на несколько синтаксических групп.

I. Группа субъектных значений, не имеющих материального выражения. Говорящий не представлен (имплицитная форма). Скрепа-фраза имеет значение 'дополнительная информация' (сопоставляющаяся или противопоставляющаяся): *и; ещё; и ещё; но и; от редакции; мнение; цитата к случаю; постоценка; поправочка; когда верстался номер; свидетельство очевидца; справка; PS. ещё один постскриптум* и др.

II. Субъектные значения, имеющие материальное выражение, дополнительно не маркированные. Говорящий представлен нейтральной формой. Скрепа-фраза имеет следующие значения:

1. порядок размещения информации в структуре текста: *во-первых, во-вторых; первое, второе; сначала, потом; сначала о N₆; далее; напоследок о N₆; в завершение замечу* и др.;

2. характеристика информационно законченного предыдущего высказывания:

а) высказывание характеризуется только как дополнительное: *к слову, кстати* и др.;

б) 'дополнительность' является основой семантической структуры, включающей и другие значения. Очень продуктивной является структура "*adv. + говоря*", имеющая значение дополнительной предикации и легко трансформирующаяся в

предикативную единицу, которая получает "служебную функцию текстовой связки" [Сергеева 1999 : 351]. Структура "*adv. + говоря*" может иметь следующие факультативные компоненты: *вообще, вообще-то, в сущности, грубо, по-простому, точнее, иначе, короче, купно, между нами, мягко, образно, откровенно, по правде, по сути, попросту, проще, собственно, строго, технически, точнее, фигурально, честно* и др.;

3. характеристика информационно не законченного предыдущего высказывания: *более того, больше, больше того, мало того* и др.

III. Субъектные значения, имеющие материальное выражение, дополнительно маркированные. Говорящий представлен эмотивной формой. Семантическая структура скрепы-фразы включает эмотивно маркированный субъективный компонент: *дело ясное; кстати!; и то; во-вторых, в-третьих, во-первых; во-первых, во-вторых, в-третьих и в главных* и др.

Ср.: *Сочинил в тюрьме Сервантес / вещь великую весьма. / Дело ясное: таланту-с / очень даже впрок тюрьма* (С. Сатин. Избранные главы).

Первыми не выдержали киты. Всегда достаточно одной искры, чтобы возгорелось пламя, и оно возгорелось. Я был последним. Кстати! Как моё произношение? Надеюсь верно? (В. С. Высоцкий. Жизнь без сна).

Но полемика моторного и сенсорного подхода, как правило, не учитывает следующих важных моментов. Во-первых, не

учитывается физиологическое различие видов речи /.../. Во-вторых, /.../. В-третьих и в главных, всё-таки подавляющее большинство ситуаций восприятия речи связано не с формированием перцептивного эталона, а с использованием эталона уже сформированного (А.А. Леонтьев. Основы психолингвистики).

Все описанные скрепы-фразы, как правило, обладают "прагматически-коммуникативной установкой воздействия на адресата" [Золотова 1998 : 23].

Несмотря на то, что скрепы-фразы характеризуются значительной разнородностью своих структурных, семантических и функциональных признаков, при точке зрения на текст как на дискурс эти образования представляют собой фиксированную группу особых синтаксических единиц, служащих для обеспечения его структурно-семантической связности, стилистической однородности, прагматической завершенности и коммуникативной оформленности текста.

Краткие выводы к главе 2

1. Основой структурной классификации скреп-фраз может являться их отношение к предикативной оформленности, что позволяет разделить их на две основные группы: формально непредикативные и формально предикативные. В первом случае скрепы-фразы носят характер вводно-модальных компонентов, юнкционных компонентов, выполняющих разнообразные союзно-присоединительные функции или синтаксических образований, имеющих функцию введения дополнительного семантического фона - дополнительные пресуппозиции (чаще всего – подобие

вставных конструкций). Во втором случае скрепы-фразы представлены функционально несамостоятельными предикативными конструкциями, выполняющими аналогичные юнкционные функции, сообщающие вводно-модальные характеристики или текстообразующую пресуппозиционную информацию.

2. Следует отметить особый характер дополнительных компонентов скрепы-фразы, которые обеспечивают добавочные юнкционные характеристики посредством введения модальной информации, служащей для разнообразных целей: логического выстраивания компонентов сообщения, сообщения субъективной модальности, связывающей сообщение с авторским текстом, иные модальные оттенки, важнейшей функцией которых является введение метатекстовых операторов в текущее сообщение для формирования метатекстовой структуры. По данному признаку насчитывается семь основных групп скреп-фраз.
3. Структура простейших союзных скреп-фраз может быть представлена в виде иерархической лестницы с опорным компонентом в качестве дифференцирующего элемента.
4. Функциональная классификация скреп-фраз основывается на характере их участия в семантической организации связного текста, согласно которой они делятся на собственно текстовые и метатекстовые СФ, комментирующие основное содержание текста. Текстовые СФ по своему функциональному взаимодействию с оформляемым текстом подразделяются на внутрифразовые, контекстообразующие и конкреативные.
5. Переменными функциональными признаками различных типов СФ являются способ связи СФ с соотносительным компонентом,

степень семантической отчужденности СФ от основного текста,
степень выражения семантического субъекта в структуре СФ.

6. Классификация СФ по названным признакам представлена в Приложении 2.

Глава 3. Речевые прагматические функции скрепы-фразы

3.1. СФ как носитель иллокутивного признака

Изучение СФ неизбежно приводит к необходимости проведения анализа этого синтаксического явления с точки зрения речевой прагматики, так как субъект речи, вводя СФ в высказывание, преследует какую-то конкретную цель: пояснить, дополнить, проиллюстрировать, прокомментировать и т.п. внешний соотносительный с ней компонент. На фоне основного высказывания СФ выступает как некоторое дополнительное речевое действие, потому что СФ всегда пребывает за пределами структуры основного высказывания, субъект речи относит ее на второй, условно говоря, план. В восприятии адресата речи СФ выступает как некое добавочное сообщение, которое может быть в разной степени значимым для основного высказывания. Как отмечалось ранее, структура основного высказывания самодостаточна, и все же субъект речи находит необходимым разомкнуть ее и ввести дополнительную информацию, преследуя определенные прагматические цели. Исследование этих целей, на наш взгляд, позволит в какой-то мере объяснить языковые особенности СФ, выяснить, какую роль эти цели играют в формировании их грамматического облика; требует также рассмотрения вопрос о соотношении прагматических характеристик СФ и основного высказывания.

В нашей работе мы предлагаем определить, какой с точки зрения речевой прагматики может быть СФ по своим внутренним свойствам, какого типа сообщение может в ней содержаться. Поэтому

в этой главе мы предлагаем рассматривать СФ как конкретную речевую реализацию коммуникативного намерения субъекта речи в плане речевой прагматики.

В качестве теоретической базы для этой цели наиболее подходит, на наш взгляд, теория речевых актов, поскольку эта лингвистическая концепция позволяет с максимальной адекватностью исследовать речевые прагматические характеристики СФ.

По теории речевых актов, произнесение высказывания сопровождается выполнением действия, направленного на достижение определенной прагматической цели. По этому поводу основоположник этой теории Дж.Л.Остин пишет: "Во-первых, мы выделили группу действий, которые мы совершаем, когда что-то говорим. Мы их объединили названием *локутивный акт* (выделено Д.Остином), что грубо соответствует произнесению определенного предложения с определенным смыслом и референцией, что опять-таки грубо соответствует "значению" в традиционном смысле слова. Во-вторых, мы отметим, что производим и *иллокутивные акты*, такие, как информирование, приказ, предупреждение, начинание и т.п., то есть произносим высказывания, обладающие определенной, конвенциональной, силой" [Остин 1986 : 92-93]. Что касается СФ, то следует отметить, что субъект речи, при включении СФ в основное высказывание также выполняет отличное от собственно говорения действие: он связывает, поясняет, дополняет, уточняет, иллюстрирует и т.п. Эти глаголы представляют собой экспликацию иллокутивной цели высказывания, содержащегося во СФ. Данное положение подтверждается, если сравнить приведенные выше глаголы со списком иллокутивных глаголов в работе Дж.Л.Остина "Слово как действие" [Остин 1986 : 87-116]; приведем для примера некоторые из

них: "объяснять", "иллюстрировать", "замечать", "определять", "иметь в виду". Таким образом, включение СФ в высказывание само по себе уже сопровождается выполнением отдельного иллокутивного акта.

В соответствии с положениями теории речевых актов [Остин 1986 : 87-116; Серль 1986 : 139, 170-194; Городецкий 1986 : 151-169] всякий осмысленный и целенаправленный акт говорения есть одновременно и иллокутивный акт, а значит, произнесение высказывания, содержащего СФ, само по себе есть выполнение иллокутивного акта, в то время как включение СФ в это высказывание, как мы выяснили в предыдущем абзаце, тоже представляет собой выполнение определенного иллокутивного акта. В таком случае получается, что одно высказывание сопровождается двумя иллокутивными актами - СФ и основного высказывания; то есть в высказывании действуют две иллокутивные силы. В этом нет противоречия, поскольку, по словам Дж.Серля, "метафора "сила" в выражении "иллокутивная сила" может ввести в заблуждение: ее можно понять так, будто различные иллокутивные силы занимают различные места на одной и той же непрерывной шкале силы. Между тем как в действительности мы имеем дело с несколькими различными пересекающимися континуумами" [Серль 1986 : 171].

Иллокутивные цели СФ и основного высказывания могут совпадать, но могут и не совпадать. В первом случае мы будем говорить о *дополнительных иллокутивных признаках*, вносимых СФ в основное высказывание, во втором - о *разных иллокутивных целях* основного высказывания и СФ. Для обозначения дополнительных иллокутивных признаков мы будем обращаться к терминологии Дж Л.Остина [Остин 1986 : 87-116], поскольку у него подробно разработана эта сторона вопроса; для обозначения иллокутивных целей, а также

актов, целесообразнее, на наш взгляд, использовать терминологию Дж.Р.Серля из статьи "Классификация иллокутивных актов" [Серль 1986], в которой четко определены их признаки.

Всякое осмысленное высказывание обладает иллокутивной силой и средствами ее выражения. Это могут быть форма глагола, ударение, интонация, порядок слов, пунктуация и перформативные глаголы [Серль 1986 : 151-169]. Дж.Серль пишет по этому поводу, что "предложение имеет, не обязательно отдельные, части - элемент, служащий показателем суждения [пропозиция – Ф.О.], и средство, служащее показателем функции. Показатель функции позволяет судить, как надо воспринимать данное суждение, или, иными словами, какую иллокутивную *силу* должно иметь высказывание..." [Серль 1986 : 157]. Таким показателем функции для СФ являются специфические средства ее выделения в речи: скобки на письме и особая интонация и ритмика в устной речи. Рассмотрим пример:

И, по скромным подсчетам петербургской полиции, замечу, она в таких случаях отличалась крайней скромностью, на каждые двадцать тысяч триста шестьдесят жителей приходилось в год одно самоубийство (М.Басина. Петербургская повесть).

В этом высказывании показатель функции сообщения во СФ – союз и конструкция с глаголом **замечу** - можно интерпретировать следующим образом: **замечу, что она в таких случаях отличалась крайней скромностью.** Здесь иллокутивная цель СФ эксплицирована при помощи иллокутивного глагола *замечу*, который, кстати, есть в таксономии Дж Л.Остина [Остин 1986]. Необходимо также отметить, что в приведенном в качестве примера фрагменте иллокутивная цель основного высказывания и иллокутивная цель СФ совпадают в общем

своем репрезентативном значении: *сообщаю, что по скромным подсчетам, петербургской полиции...*, + *замечу, что она в таких случаях...*; поэтому мы можем говорить, что в данном случае СФ вносит дополнительный иллокутивный признак в высказывание.

В последнем примере показатель функции СФ - интонация - по своему значению совпадает с собственными показателями функции компонента СФ (союз, форма глагола, порядок слов) и указывает на то, что сообщение в СФ - репрезентатив. Внутренний компонент СФ может не содержать формальных показателей иллокутивной функции, и тогда специфические средства выделения СФ в речи выступают как единственный показатель этой характеристики, например:

Как ни парадоксально, напоминает он скорее мифический "ящик Пандоры", средоточие всех людских бед и болезней, чем собрание сколько-нибудь привлекательных для человечества идей. (В.Большаков. Над пропастью во лжи).

Зачастую внутренний компонент СФ представляет собой не репрезентатив, а другой иллокутивный тип высказывания, и тогда мы не можем рассматривать средства выделения СФ в речи как показатель ее иллокутивной функции, поскольку на первый план выступают собственные показатели функции высказывания во СФ, например:

Подобные сюрпризы поджидают людей, не удивляйтесь, и внутри единой языковой семьи. (Э.А.Вартаньян. Путешествие в слово).

Глагол в СФ имеет форму повелительного наклонения, и поэтому мы можем констатировать, что высказывание в СФ —

директив [Серль 1986 : 182], попытка заставить адресата речи что-либо сделать в принципе не отличается от попытки заставить его не делать этого. Если при помощи соответствующего глагола эксплицировать иллокутивную функцию СФ в этом примере, то получится следующее: *я **прошу** вас: не удивляйтесь*. Интерпретация интонации таким же образом, как в предыдущем примере (имеется в виду, что интонация - показатель функции репрезентатива: *замечу, поясняю и т.п.*), приводит к такой комбинации: *замечу, что... + прошу, не удивляйтесь*. Первый глагол эксплицирует репрезентативную иллокутивную функцию, второй - директивную, при явном доминировании последней; репрезентативная и директивная цели высказывания в некотором смысле взаимоисключающи: репрезентатив представляет собой констатацию некоего положения вещей, а директив предполагает попытку со стороны субъекта речи установления некоего нового положения вещей в соответствии с его пропозицией [Серль 1986 : 181-182]. Последнее замечание, на первый взгляд, противоречит выдвинутому ранее тезису о том, что в одном высказывании могут действовать разные иллокутивные силы, и словам Дж. Серля о "нескольких различных пересекающихся континуумах" [Серль 1986 : 171], однако противоречие это мнимое: оно вызвано наличием у СФ специфических средств выделения в речи; в том случае, если СФ - не репрезентатив, эти специфические средства ее обозначения утрачивают роль показателя иллокутивной функции, так как эти показатели присутствуют в составе внутреннего компонента СФ. Таким образом, в тех случаях, когда компонент СФ не является репрезентативом, мы не можем говорить о специфических средствах ее обозначения в речи как о показателях иллокутивной функции

внутреннего состава. В таком случае средства выделения СФ в речи выполняют только функцию обозначения ее в речи.

Несколько иначе обстоит дело, если внутренний компонент СФ - косвенный речевой акт. Косвенным называется такой речевой акт, в котором формальные показатели иллокутивной функции высказывания не совпадают с его действительной иллокутивной функцией [Серль 1986 : 195-222], например:

- *Иван идет с нами на охоту?*

- *А что, есть сомнения?*

Здесь фраза отвечающего по форме, и по интонации в том числе, представляет собой вопрос - "частный случай директивов, поскольку это попытка со стороны говорящего сделать так, чтобы N ответил, - то есть произвел некоторый речевой акт" [Серль 1986 : 181]; однако по сути своей ответная фраза в приведенном нами примере в зависимости от ситуации общения может быть и утвердительным ответом: *Да, идет*. В этом случае высказывание отвечающего в действительности представляет собой репрезентатив. В этом плане СФ представляют собой богатый материал для исследования. Приведем такой пример:

Боровиковский, этот колдун, этот волшебник, много лет зная о существовании Любы, он создал ее образ, а не образ Лопухиной - грустной жены или, если угодно, сестры, "дикого американца" (В.Белов. Все впереди).

В этом фрагменте компонент СФ является составляющей пропозиции основного высказывания: *Боровиковский создал образ*

сестры, такие СФ мы в дальнейшем будем называть СФ с включенной пропозицией, и содержит показатель функции – вставку «если угодно». Однако, исходя из контекста, можно предположить, что вопрос в СФ - не из тех, что предполагают ответное речевое действие адресата речи. Субъект речи здесь, скорее, выдвигает предположение, или гипотетическое утверждение [Серль 1986 : 181], то есть компонент СФ в этом примере - это репрезентант. По этому поводу Дж.Серль пишет, что у репрезентатива "степень убеждения и ответственности может приближаться к нулю или даже быть ему равна", однако от этого он не перестает быть репрезентативом [Серль 1986 : 181].

С другой стороны, можно предположить, что субъект речи, вводя скрепляющий компонент *или... сестры*, предлагает адресату речи поразмыслить над его предположением, провоцирует его на конкретное интеллектуальное действие. В этом случае СФ больше тяготеет к директивам.

Иногда из контекста невозможно вывести однозначно иллокутивную цель того или иного высказывания во СФ, как в последнем примере, и тогда адресату речи предстоит интерпретировать это высказывание, как можно более приближаясь к тому, что имеет в виду говорящий; необходимо выполнить то, что Доротея Франк назвала "совместным конструированием смысла" [Франк 1986 : 371].

Обозначив таким образом исходные позиции, мы можем теперь перейти к речевым прагматическим характеристикам каждого из представленных во второй главе функциональных типов СФ. Однако сначала следует сделать некоторые предварительные замечания.

Прежде всего следует отметить, что все СФ по своим прагматическим характеристикам можно разделить на репрезентативные и нерепрезентативные. Такое противопоставление оправдано, если учесть, что эти два типа СФ обладают рядом отличительных признаков. Во-первых, репрезентативные и нерепрезентативные СФ имеют разное направление приспособления "слова - действительность"; если у репрезентативов приспособление - "слова - действительность" (приведение сказанного в соответствие с действительностью), то у нерепрезентативов-СФ направление приспособления - "действительность -> слова" (приведение "мира" в соответствие со сказанным), или же вообще не существует направления приспособления. Во-вторых, репрезентативная СФ может вообще не содержать показателя иллокутивной функции, так как им являются специальные средства обозначения СФ в речи; нерепрезентативные СФ наоборот, всегда должны иметь в своем составе эксплицитный или имплицитный показатель иллокутивной функции. Исходя из этого, мы рассматриваем репрезентативные и нерепрезентативные СФ в разных параграфах.

Необходимо также сказать следующее. Репрезентативный тип СФ не имеет внутреннего членения по основанию выполняемой речевой прагматической функции и может быть представлен в любом из структурных типов СФ, рассмотренных во второй главе, поэтому оказалось возможным проанализировать каждый из структурно-семантических типов СФ. И наоборот, нерепрезентативный тип СФ не является однородным единством по своим иллокутивным характеристикам и подразделяется на подтипы, и, вследствие этого, внутреннее членение параграфа, где рассматриваются нерепрезентативные СФ, проводится в соответствии с делением СФ

этого типа по основанию выполняемой ими речевой прагматической функции. Кроме того, каждый из подтипов нерепрезентативных СФ может быть по-разному представлен в структурно-семантических типах, что подтверждает целесообразность изложения материала в предложенном выше порядке.

3.2. Репрезентативные СФ

3.2.1. Иллокутивные характеристики внутрифразовых СФ

Для внутрифразовых СФ характерна однонаправленность их иллокутивных сил и иллокутивных сил репрезентативных высказываний, их включающих, так как СФ этого типа как связка, попутное замечание, разъяснение, добавочное сообщение, пояснение, иллюстрация и т.п. уже сама по себе является утверждением, будь это внутрифразовая СФ с самостоятельной или включенной пропозицией. Здесь следует отметить, что мы используем термин "пояснение" в его прагматическом значении, и его следует отличать от термина "пояснение", используемого для обозначения соответствующей категории в синтаксисе осложненного предложения., Рассмотрим пример:

(1)Они забывают при этом, что каждое такое совпадение, каждая подобная этимологизация, установление происхождения слов, должны быть проверены исследованием и звукового и морфологического состава обоих слов (Л.Успенский. Слово о словах).

Основное высказывание в этом примере - репрезентатив; СФ призвана объяснить значение компонента в основном высказывании и формирует пропозицию совместно с этим компонентом. Иллокутивная цель СФ может быть эксплицирована следующим образом:

содержание дальнейшего текста является важным; таким образом, мы имеем утверждение в утверждении, и получается такая схема рассматриваемого высказывания: *сообщаю, что они забывают...* Рассмотрим другой пример:

(2) *И Химиков, лишенный даже "доброй яичницы" в трактире "Черный лебедь", ждал с нетерпением вечера, когда можно было накинуть плащ и, захватив кинжал и маску, - **маска появилась в самое последнее время, как атрибут любовного похождения**, - отправиться на свидание* (ААверченко. Страшный человек).

Как в примере (1), так и в примере (2) основное высказывание и СФ по своим иллокутивным функциям представляют собой репрезентативы, но если в примере (1) семантический компонент СФ формирует пропозицию совместно с компонентом в основном высказывании, то есть СФ имеет включенную, по предложенной нами терминологии, пропозицию, то в примере (2) СФ имеет самостоятельную пропозицию: ее внутренний компонент - это высказывание, наделенное показателями иллокутивной функции, которые дублируются и корректируются показателями функции СФ вообще - специфическими средствами ее выделения в речи. Таким образом, в примере (2) мы имеем два репрезентативных высказывания, различающиеся между собой дополнительными иллокутивными признаками: *сообщаю, что Химиков ждал...*, + *замечу, что маска появилась*. В примере (1) и в примере (2) основное высказывание и СФ - репрезентативы, и мы можем констатировать, что здесь внутрифразовая СФ вносит в основное высказывание дополнительный иллокутивный признак.

Эксплицированный показатель функции внутрифразовой СФ, на наш взгляд, подтверждает правомерность выдвинутого в первом параграфе положения о том, что СФ этого функционального типа - это преимущественно репрезентатив; именно репрезентатив наиболее приспособлен для распространения семантики основного высказывания, расширения его содержания.

Отсюда, в частности, следует, что если основное высказывание не является репрезентативом, то его иллокутивная цель не совпадает с иллокутивной целью внутрифразовой СФ.

3.2.2. Иллокутивные характеристики контекстообразующих СФ

Говоря о речевых прагматических характеристиках контекстообразующих СФ, прежде всего следует отметить, что данное синтаксическое явление присуще только письменной речи, поскольку только при продуцировании и восприятии письменной речи возникает необходимость и возможность описания событий и процессов, на фоне которых протекает речевое действие.

Кроме того, необходимо также подчеркнуть, что если исходить из положения, что текст одного автора есть продукт речевой деятельности одного субъекта речи, то, конечно же, понятие гетерогенности контекстообразующей СФ и высказывания, ее содержащего, теряет смысл. Однако мы не можем отрицать, что передавая речь своего персонажа, автор наделяет ее признаками автономного, самостоятельного, речевого действия, произведенного не им самим, а другим субъектом речи, его персонажем, пребывающим в определенной ситуации речевого общения и

имеющим определенное коммуникативное намерение, независимо от того, газетный отчет о пресс-конференции перед нами или произведение беллетристики; то есть речевой акт персонажа **конвенционален**, и мы с полным правом можем рассматривать контекстообразующую СФ и высказывание, ее содержащее, как компоненты гетерогенные. Отсюда следует, что если при анализе внутрифразовых СФ мы говорили о совпадении или несовпадении их иллокутивных целей с иллокутивными целями основного высказывания, то в случае с контекстообразующими скрепами-фразами дело обстоит по-другому. Контекстообразующая СФ принадлежит иному плану текста, нежели основное высказывание. Они объединены в одном отрезке письменной речи, передающем высказывание персонажа, не по причине их структурного или семантического взаимодействия, а из прагматических соображений - обеспечить восприятие текста как двупланового повествования (с практической точки зрения было бы вернее помещать компонент контекстообразующей СФ над высказыванием, в которое она включается в соответствии с существующей традицией оформления письменного текста). Таким образом, можно утверждать, что направления иллокутивных сил контекстообразующей СФ и содержащего ее высказывания не пересекаются, хотя и могут быть даже однонаправленными; они ни в коей мере не взаимодействуют друг с другом, не дополняются взаимно. Можно констатировать, что контекстообразующая СФ и высказывание, ее содержащее, представляют собой совмещение двух невзаимодействующих разнособъектных речевых действий в одном предложении в письменной речи.

Как уже отмечалось, контекстообразующая СФ призвана своим содержанием отобразить развитие ситуации, в которой протекает речевое действие, результатом которого является высказывание, содержащее эту СФ. Только репрезентативное высказывание может представлять сообщение как объективную констатацию развития событий, или, по терминологии теории речевых актов, иметь направление приспособления "слова -> действительность"; то есть только репрезентативы могут "сделать так, чтобы слова (а точнее - пропозициональное содержание речи) соответствовали миру" (139, 172), и именно этим свойством должна обладать контекстообразующая СФ, чтобы успешно выполнять свои функции. Рассмотрим пример:

- Я одно скажу, - начала Анна, - я его сестра, я знаю его характер, эту способность все, все забыть, эту способность полного увлечения, но зато и полного раскаяния (Л.Н.Толстой. Анна Каренина).

Основное высказывание в этом примере - репрезентатив, и если эксплицировать иллокутивные силы его и содержащейся в нем СФ, с использованием для наглядности символики, используемой для обозначения параллельных прямых, то получается схема: *сообщаю* ,что я знаю эту способность, || *сообщаю* ,что она способна.... В этом фрагменте контекстообразующая СФ и высказывание, ее содержащее, являются репрезентативными высказываниями, которые не взаимодействуют между собой на структурно-семантическом уровне.

3.2.3. Иллокутивные характеристики конкреативных

СФ

Учитывая, что конкреативные СФ совмещают в себе свойства внутрифразовых и контекстообразующих СФ, можно предположить, что они, с точки зрения теории речевых актов, могут быть преимущественно репрезентативами. Действительно, конкреативная СФ будет успешно выполнять свою двойную функцию при условии, что она, во-первых, распространяет семантику основного высказывания (функция внутрифразовой СФ) и, во-вторых, содержит элементы, связывающие ее с контекстом (функция контекстообразующей СФ). Например:

*"Любого можно было ожидать, но слезы... **И тотчас же ясно**, что только так разрешаются в нем ужас, отчаянье, зависть, восторг, жалость."* (Д.Гранин "Священный дар").

В этом фрагменте СФ поясняет компонент в основном высказывании и выходит на контекст при помощи синтаксического компонента **И тотчас же ясно**. Высказывание построено по схеме: информация -> следовательно -> вывод. СФ и основное высказывание здесь - репрезентативы. СФ распространяет семантику основного высказывания и содержит элементы, включающие его в контекст.

В приведенном фрагменте СФ содержит сообщение о невербальных действиях субъекта основного высказывания, что сближает ее с контекстообразующими СФ, и в то же время раскрывает значение компонента этого высказывания (*следовательно*), и это главное назначение СФ в этом примере. Отметим, что СФ **И тотчас**

же ясно в этой схеме - показатель репрезентативной функции. Но это не единственный вариант взаимодействия конкреативной СФ с основным высказыванием. Гетерогенная конкреативная СФ может выступать как своего рода субститут ее внешнего соотносительного компонента в основном высказывании:

Вот, пожалуйста! Посмотрите, я уже ввязался, сам того не замечая, в совершенно не нужные мне проблемы! (В.Войнович).

В этом примере содержащее СФ высказывание - директив, а сама СФ - репрезентатив, и иллокутивные силы их разнонаправленны. СФ здесь занимает позицию объектного распространителя и в какой-то мере замещает его, поскольку благодаря ей адресат речи понимает, эксплицируются неординарные события.

При анализе схем высказываний с гетерогенными СФ отметим, что, в отличие от гомогенных СФ, каждая из них содержит две однонаправленные иллокутивные силы. Это можно объяснить тем, что, поясняя посредством конкреативной СФ компонент основного высказывания, субъект речи в то же время передает в ней развитие событий и процессов, протекающих одновременно с речевым действием, что отображено в схемах соответствующим символом.

3.2.4. Иллокутивные характеристики метатекстовых СФ

Функциональная характеристика метатекстовой СФ - метатекстовый комментарий внешнего соотносительного компонента - в большинстве случаев определяет иллокутивный тип ее внутреннего компонента - это чаще всего репрезентатив. На первый

взгляд, внутренний компонент метатекстовой СФ не может быть высказыванием иного иллокутивного типа, поскольку метатекстовый комментарий - это репрезентатив по определению; комментарий представляет собой констатацию некоего положения вещей; однако декларации и некоторые директивы и экспрессивы могут, как будет показано далее, выполнять функцию метатекстового комментария, поскольку, хотя и имеют не соответствующее его иллокутивной цели направление приспособления - "действительность —> слова", все же направлены на текст извне, характеризуют его по какому-либо основанию и призваны способствовать адекватному восприятию текста адресатом речи. Таким образом, внутренний компонент метатекстовой СФ может представлять собой директив, экспрессив, декларацию, или репрезентатив, как в приведенном далее примере:

*Позовите всех этих тютьков, **так князь называл московских молодых людей**, позовите тапера, и пускай пляшут* (Л.Н.Толстой, Анна Каренина).

Если построить схему этого высказывания с экспликацией иллокутивных функций, то получится следующее: **прошу, позовите...**; + **поясняю, что князь так называл....** В этом примере основное высказывание это директив, а СФ - репрезентатив, и иллокутивные цели у них разные.

В большинстве случаев высказывание в метатекстовой СФ имеет независимую пропозицию, как и последнем примере, но в некоторых случаях СФ этого типа может иметь включенную пропозицию.

Иногда метатекстовая СФ содержит только компонент, эксплицирующий иллокутивную цель основного высказывания, как в следующем примере:

Дура Евдокимовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностью, что, замечу мимоходом, вовсе не доказывало природной ее глупости. (А.С.Пушкин, Арап Петра Великого).

Говоря о подобных случаях экспликации иллокутивной цели, мы имеем в виду СФ в приведенном примере. П.Ф.Стросон в своей работе "Намерение и конвенция в речевых актах" отмечал, что "правильнее рассматривать данный случай, несмотря на его поверхностное выражение, не как два высказывания - одно, комментирующее другое, - а как единый цельный речевой акт" [Стросон 1986 : 142]. Присоединяясь к мнению процитированного автора, добавим, что в рассматриваемом высказывании интонация утрачивает роль показателя функции - им здесь является сам внутренний компонент СФ, а его пропозициональная часть - это основное высказывание, внешний соотносительный компонент метатекстовой СФ.

3.3. Нерепрезентативные СФ

При анализе практического материала обращают на себя внимание СФ, которые выполняют не репрезентативные функции, а иные, отличные от них. Такие СФ бывают среди внутрифразовых, конкреативных, метатекстовых, хотя и гораздо реже, чем репрезентативные. Посредством этих СФ субъект речи может акцентировать внимание адресата на каком-либо фрагменте основного высказывания (1), выражать свое эмоционально-психологическое со-

стояние, сопутствующее речевому действию (2), брать на себя какие-то обязательства и т.п., например:

(1) ***И что же он? Устыдился? Как же он? Покаялся перед коллективом?*** (В.Войнович).

(2) ***Вот тебе и во-первых и в-последних! Никогда, слышишь, никогда не будет меня уже в этом доме!*** (В.Каверин).

С точки зрения речевой прагматики нерепрезентативные СФ не представляют собой однородное единство, и поэтому невозможно определить общую для всех СФ этого типа иллокутивную функцию. При исследовании как теоретического, так и практического материала нами были выделены следующие подтипы иллокутивных СФ:

1. директивные СФ;
2. экспрессивные СФ;
3. декларативные СФ;
4. комиссивные СФ;
5. эмфатические СФ;

Особенностью директивных СФ, содержащих отсылку к источнику, является то, что у них два внешних соотносительных компонента: первый - это фрагмент основного высказывания; вторым внешним соотносительным компонентом с определенной долей условности можно считать источник, к которому отсылается адресат речи. СФ этой разновидности занимают постпозицию по отношению к внешнему соотносительному компоненту, естественно, мы имеем в

виду внешний соотносительный компонент, расположенный в основном высказывании.

Довольно редко, но встречаются директивные СФ, содержащие отсылку к источнику, в художественных текстах, как, например, в следующих отрывках:

Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сомнения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения, см. выше, что называл он в своем энергическом просторечии - подслушивать у кабака..(А.С.Пушкин. Отрывок);

В.Шаймиев в своей работе "Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте" [Шаймиев 1996 : 80-92] рассматривает СФ типа *см...* как метатекстовые. Такая СФ содержит направленный на текст извне комментарий, и его прагматическим содержанием всегда является ориентация на адекватное восприятие комментируемого текста" [Шаймиев 1996 : 82]. В то же время такие СФ содержат четко выраженный показатель директивной функции - форму повелительного наклонения глагола, поэтому мы рассматриваем СФ типа *см...* как директивные СФ метатекстового типа.

Более широко в речи представлены директивные СФ, содержащие вообще попытку побуждения адресата речи к совершению некоего действия, как интеллектуального, так и физического. Иллокутивная цель таких СФ может быть выражена императивной формой глагола (1) или перформативным глаголом (2):

(1) *Почти параллельно Копью расположится Звездная стрела, не путайте с созвездием Стрелы* (Левитан Е. Можно ли придумать новые созвездия?);

(2), *Тогда мы сделали одну простую вещь (рекомендую всем полярным пилотам): мы привязали к плоскостям веревки...* (В.Каверин. Два капитана).

Директивные СФ всегда содержат указание на адресат высказывания, выраженное либо формой глагола, в примере (1) это сам адресат речи, либо именем, в примере (2) - **полярным пилотам**. Директивные СФ, подобные скрепам-фразам в примерах (1) и (2), имеют включенную пропозицию и формируют ее совместно с внешним соотносительным компонентом. Если при помощи соответствующих глаголов эксплицировать иллокутивные цели высказываний в примерах (1) и (2), напомним, что в примере (2) иллокутивная цель СФ эксплицирована перформативным глаголом **рекомендую**, то получим такие схемы этих высказываний: (1) *сообщаю, что почти параллельно... + прошу (не путать Звездную Стрелу с созвездием Стрелы)*; (2) *сообщаю, что тогда мы сделали.. + рекомендую сделать одну простую вещь*. В каждом из этих высказываний действуют две разнонаправленные иллокутивные силы, поскольку основные высказывания здесь - репрезентативы, а СФ - директивы. В качестве средства связи с внешним соотносительным компонентом в примерах (1) и (2) и в подобных им выступает подчинительная связь перформативного глагола или глагола в императивной форме с зависимым компонентом. В приведенных выше примерах СФ имеют включенную пропозицию, однако директивная СФ может иметь и самостоятельную пропозицию.

Учитывая, что вопрос с точки зрения речевой прагматики рассматривается как частный случай директива, к директивным СФ следует отнести и такие, в которых содержится вопрос.

Однако необходимо отметить, что не всякий вопрос можно рассматривать как директивное высказывание. К директивным мы не будем относить СФ, содержащие вопрос риторического типа, в котором уже : содержится ответ; такой вопрос не требует от адресата речи ответного речевого действия, например:

***Но оказалось, что не всегда** – оказалось, что все сложнее. В сущности, я тупо надеялся на продолжение легкой студенческой жизни, продолжения лихих разговоров с друзьями-бородачами...но попал в тишину."* (В.Попов. Сон, похожий на явь).

В этом фрагменте СФ содержит утверждение ***Но оказалось, что не всегда***, и, таким образом, мы имеем здесь дело с речевым актом, первичная, основная функция которого - репрезентативная.

Риторический вопрос во СФ, содержащий в себе ответ, мы не можем определить как косвенный речевой акт, поскольку такой тип вопроса является утверждением конвенционально, то --есть в речевой практике он употребляется в репрезентативной функции как устоявшийся прием.

Определенную сложность при функциональной квалификации представляют СФ, совмещающие в себе иллокутивные признаки директива и репрезентатива, как в следующем примере:

*...крепость его [Дон-Кихота – Ф.О.] нравственного состава - **заметьте, что этот сумасшедший, странствующий рыцарь** -*

самое нравственное существо в мире - придает особенную силу и величавость всем его суждениям и речам... (И.С.Тургенев. Гамлет и Дон-Кихот).

Очевидно, что в приведенном отрывке компонент внутрифразовой СФ *этот сумасшедший, странствующий рыцарь...*, в отличие от компонента *заметьте*, является репрезентативом, поскольку представляет собой не предполагаемое действие со стороны адресата (*заметьте*), а констатацию, и, таким образом, при экспликации иллокутивных целей рассматриваемого высказывания получим схему: *сообщаю* (*крепость его нравственного состава..*), + *прошу* (*заметьте*) *что...*, + *замечу* (*что этот сумасшедший...*). В этом случае СФ можно квалифицировать как синкретичную, то есть наделенную двумя иллокутивными целями - директива и репрезентатива.

3.3.2. Экспрессивные СФ

Среди нерепрезентативных довольно распространены СФ, призванные выражать психологическое состояние субъекта речи, сопутствующее речевому действию. По своим прагматическим характеристикам они определяются как экспрессивы. Оформление таких сообщений в виде СФ является, вероятно, единственным способом их внедрения в основное высказывание, поскольку иллокутивные цели экспрессива, как правило, не совпадают с иллокутивными целями этого высказывания. В этом случае экспрессивная СФ, впрочем, как и любая другая нерепрезентативная, представляет собой отступление от первоначального коммуникативно-прагматического намерения субъекта речи. Хотя, следует отметить, что СФ этого подтипа могут быть включены в

основное высказывание синтаксическим способом, как в следующем примере:

*С тех пор как поэты пишут и женщины их читают, **за что им глубочайшая благодарность**,, их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, повержили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом...* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Здесь экспрессивная СФ не содержит перформативного глагола, но не подлежит сомнению, что использованная в ней фразеологизированная эллиптическая форма **за что им глубочайшая благодарность** в полном виде будет выглядеть как **за что им выражаю глубочайшую благодарность**, а компонент **выражаю благодарность** есть не что иное, как перформативная формула экспрессива (точнее, одного из частных случаев), и, таким образом, можно утверждать, что СФ в приведенном примере содержит полноценный экспрессив с эксплицитно не выраженным показателем функции. Высказывание в примере построено по формуле: **сообщаю** (что женщины их читают.) + **выражаю благодарность** (за это).

При анализе практического материала обращает на себя внимание тот факт, что экспрессивные СФ - это преимущественно высказывания, содержащие извинения или выражения благодарности. СФ этого типа опосредованно соотнесены с семантикой основного высказывания. Экспрессивная СФ, как правило, включает в себя показатель иллокутивной функции, а пропозициональная часть экспрессива может находиться в основном высказывании, например:

Честное слово, даже при том, что (спасибо Городецкому!) я уже знал причину прорыва, сдержаться мне было нелегко (Бардин А. Новаторство каждый день).

В этом предложении СФ содержит показатель иллокутивной функции и называет объект экспрессива, а пропозициональная его часть расположена в основном высказывании. Последний пример построен по схеме: *сообщаю, что даже при том, ..., + благодаря ,спасибо, за то, что я уже знал...,*. Следует, однако, добавить, что в этом фрагменте экспрессивная СФ в некоторой степени изофункциональна обстоятельству причины с позитивной коннотацией типа *благодаря такому-то...*, но абсолютно очевидно, что на первый план здесь выступает экспрессивная функция, выраженная специфическим показателем *спасибо* и усиленная пунктуационно. В приведенном примере экспрессивная СФ, содержащая показатель функции, занимает препозицию по отношению к внешнему соотносительному компоненту, представляющему собой пропозициональную часть экспрессивного высказывания, что свойственно для иллокутивных актов этого типа, однако для экспрессивных СФ типичной все же является постпозиция по отношению к внешнему соотносительному компоненту.

В некоторых случаях внешним соотносительным компонентом экспрессивной СФ может быть само речевое действие:

Одна беда: Маша: девка на выданье, а какое у нее приданое, прости бог, с чем в баню сходить (А.С.Пушкин. Капитанская дочка).

В этом примере субъект речи посредством высказывания модального комментария в конструкции выражает свое сожаление по поводу сказанного, здесь мы видим экспрессивную СФ, содержащую

модальный показатель функции (*прости бог*). Экспрессивную СФ из данного примера можно отнести к разряду метатекстовых, поскольку содержит своего рода метатекстовый комментарий компонента в главном высказывании. Пропозициональная часть этого экспрессива эксплицитно не выражена, но успешно восстанавливается, как это видно из схемы последнего примера: *сообщаю ,что девка на выданье..., + прошу прощения (за то) что такое сказала*. Необходимо также отметить, что в этом фрагменте содержащийся в СФ глагол *прости* в повелительном наклонении не следует воспринимать только как показатель директивной функции, так как говорящий здесь имеет целью не попытаться вызвать со стороны Господа Бога ответное действие, сколько выразить осознание своей вины по поводу сказанного.

Экспрессивы-приветствия и экспрессивы-соболезнования вряд ли могут быть оформлены как СФ, поскольку приветствием открывается дискурс, оно слишком существенно при установлении речевого контакта, чтобы выступать в качестве добавочного речевого действия; соболезнование же несет очень большую эмоциональную нагрузку, и маловероятно, что его иллокутивная сила была бы вторичной по отношению к какому-либо основному высказыванию, при условии, конечно, что соболезнование не будет употреблено иронически ,т.е. должно быть выдержано условие искренности, по терминологии Дж.Серля [Серль 1986 : 164].

В некоторых случаях экспрессивная СФ может не содержать показателя функции, как в следующем примере:

- *Ну-с, браните меня или нет, сердитесь или нет, а я не могу утерпеть, - заключил, опять Порфирий Петрович, - позвольте еще*

вопросик один, очень уж я вас беспокою-с!, одну только маленькую идейку хотел пропустить, единственно только, чтобы не забыть-с... (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание).

Здесь СФ содержит репрезентативное по показателям функции высказывание, в котором констатируется очевидное; с точки зрения информативной достаточности это плеоназм. Но субъект речи в данном случае (Порфирий Петрович) и не ставит себе целью информировать адресата о своей навязчивости - он хочет дать понять, что чувствует ее и что просит за нее извинить. Таким образом, если эксплицировать иллокутивные цели в приведенном высказывании, то получается следующая схема: ***прошу** позволить еще один вопросик.., + **прошу прощения** за то, что я очень уж вас беспокою.* В отличие от СФ, имеющих в своем составе показатель функции, СФ из последнего примера содержит только пропозициональную часть экспрессива. Отметим также, что в этом примере экспрессивная СФ включена в директивное высказывание. Рассмотрим пример:

*Только вот все тело мучительно ныло от вчерашних побоев Серого, трудно было дышать на ходу, но - **что поделаешь** - идти надо, благо он подкрепился у добрых женщин...,Г.Троепольский. Белый Бим Черное ухо,.*

Высказывание во СФ здесь построено по типу вЪпроса, однако ни по своей функции, ни по интонации, ни по пунктуации эта фраза как вопрос не воспринимается, и понимать ее следует как ***ничего не поделаешь*** Л Таким образом, при экспликации показателей иллокутивной функции получается схема: ***сообщаю** ,что идти надо, + **сожалею** ,что ничего не поделаешь,.* Здесь, как и в предыдущем

примере, СФ содержит только пропозициональную часть экспрессива, представленную во фразеологизированной форме.

Среди экспрессивных СФ встречаются такие, пропозициональное содержание которых не соотносится с понятием экспрессива, однако они являются именно экспрессивами, например:

*... наши поэты сами господа, и если наши меценаты , **черт их побери**, этого не знают, то тем хуже для них* (А.С.Пушкин. Египетские ночи).

Компонент СФ в этом примере по форме представляет собой подобие директива (*прошу, побери*), однако в функциональном плане существенным здесь является не пропозициональное содержание и не показатель функции (форма глагола), как и в приведенном ранее примере из повести "Капитанская дочка" - ***прости бог***, а конвенциональная обусловленность фразеологизированного высказывания, предполагающая его употребление для выражения эмоционально-психологического состояния субъекта речи, то есть СФ типа ***прости бог*** и ***черт их побери*** содержат экспрессивные высказывания. Отметим, что довольно сложно эксплицировать перформативный элемент этого экспрессива, поскольку получается нечто вроде ***выражаю слою отрицательные чувства по отношению.***», и, тем не менее, экспрессивная функция подобной СФ безошибочно определяется участниками коммуникативного акта, и можно говорить об их конвенциональности экспрессива.

3.3.3. Декларативные СФ

При исследовании практического материала встречаются СФ, содержащие высказывания, которые можно квалифицировать как

декларации, по таксономии Дж.Серля [Серль 1986 : 185]. Если учитывать, что декларация "устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью" (139, 185), то к данному классу следует отнести СФ, содержащие высказывания типа *называю, даю имя, это таким-то словом*, поскольку сам акт номинации одновременно является и актом установления референции. По своим структурно-семантическим функциям СФ такого типа относятся к метатекстовым. Например:

(1) *Думается, многие противоречия и неясности в современной теории антропогенеза устраняются, если допустить, что непосредственными предками людей были не волосатые, маломозглые и неуклюжие выходцы из леса, а голые, большеголовые и двуногие прибрежные обезьяны, назовем их по имени древнегреческих речных нимф - наяпите-каяи, (Л.Ибраев. Предки человека – наяпитеки).*

Как видно из приведенного фрагмента, субъект речи посредством высказывания в СФ "устанавливает соответствие" его (высказывания) пропозиции с реальностью, которую он сам и создает в тексте. Пропозиция СФ – *думается... назовем их наяпитеками*, созданная в тексте реальность - *они - наяпитеки*. Форма будущего времени глагола во СФ употреблена, естественно, не в прямом значении; здесь подразумевается форма настоящего времени перформативного глагола: *я называю их наяпитеками*. Тот класс высказываний, который Дж.Серль назвал декларациями, Дж.Остин до него определил как экзерситивы [Остин 1986 : 117], и в предложенном им списке иллокутивных глаголов этого класса мы находим перформативы *именовать* и *называть*, что подтверждает принадлежность рассматриваемых в этом пункте работы СФ к классу декларативных высказываний.

Если говорить об особенностях структуры декларативной СФ, то следует отметить, что обязательным ее компонентом является перформативный глагол, указание на объект номинации и само присваиваемое имя, например:

(2) *Напрашивается вопрос: а почему рассказчик, назовем его А, не пожелал находиться в лесу при сильном морозе ?(О.П.Коваленко. Однажды в студеную зимнюю пору...).*

Рассказчик в этом высказывании становится *А* в тот момент, когда субъект речи говорит ,пишет,: **называю ,нарекаю, рассказчика именем А.** Таким образом, можно констатировать, что функция декларативной СФ - номинация.

Для примера (2) можно построить следующую схему: **я спрашиваю почему рассказчик.., + я нарекаю рассказчика именем А,** а учитывая структурные особенности декларативных СФ, можно вывести для них общую модель: **я нарекаю N именем Р,**.

Следует отметить, что декларативные высказывания типа *Я назначаю вас..., Я объявляю вас банкротом* или *Я объявляю вас виновным* не могут быть СФ, так как СФ, как бы значима ни была информация в ней, всегда включена в другое высказывание, являющееся по отношению к ней внешней структурой, а представленные высказывания по значимости информации, передаваемой ими, могут занимать только главенствующее положение в дискурсе, это ключевые его фразы.

Рассматривая декларативные высказывания, Дж.Серль отмечает, что для успешного их осуществления "должно существовать внеязыковое установление, в котором говорящий и слушающий

должны занимать соответствующие социальные положения ... Единственное исключение из этого принципа составляют те случаи декларирования, которые затрагивают сам язык, - например, когда говорят: "Я определяю, сокращенно обозначаю, называю, именую, даю прозвище" [Серль 1986 : 185]. Таким образом, для успешного осуществления иллокутивного акта декларативного типа не требуется никаких дополнительных "внеязыковых установлений", однако очевидно, что в случае с декларативными СФ требуется некое языковое установление. Этим установлением является сам статус субъекта речи по отношению к продуцируемой им речи. Автор вводит в свой текст объект, который должен получить именование, а затем во СФ декларативного типа осуществляет сам акт номинации, и акт этот успешно осуществляется, потому что это его ,субъекта речи, текст и его номинация. Отсюда следует, что декларативная СФ и содержащее ее основное высказывание всегда должны быть гомогенными.

Назовем еще одно условие, которое должно/ соблюдаться, чтобы иллокутивный акт в декларативной СФ успешно осуществлялся: СФ этого типа не должна содержать фиктивной номинации. Так, например, как аномальное воспринимается высказывание: *Написавший роман "Евгении Онегин" поэт, назовем его А.С.Пушкин, родился в 1799 году.*

Декларативной СФ свойственна постпозиция по отношению к внешнему соотносительному компоненту, которым является объект, подлежащий именованию, потому что, чтобы именовать этот объект, необходимо его сначала как-то обозначить, а потом уже подвергать номинации, например:

(3)... *поднимающийся рядом с лошадьё и ведущий ее под уздцы человек, назовем его Б, движется замедленно и лишен свободы маневра* (О.П.Коваленко. Однажды в студеную зимнюю пору...).

Говоря о соотношении иллокутивных целей основного высказывания и декларативной СФ, следует отметить, что они не могут совпадать, то есть невозможна декларативная СФ, включенная в декларативное высказывание. Это можно объяснить тем, что для успешного осуществления декларативного речевого акта необходима определенность его компонентов. Поэтому трудно представить себе, например, такое высказывание: *Я назначаю этого человека, назовем его Иван Иванович Петров, своим заместителем,*

3.3.4. Комиссивные СФ

Рассматривая комиссивные СФ, прежде всего необходимо отметить, что высказывание, содержащее показатели комиссивной функции, *обещаю, клянусь, обязуюсь* и т.п., как и некоторые разновидности директивов или экспрессивов, лишь в редких случаях могут быть оформлены как СФ: слишком велика их значимость в дискурсе. И тем не менее, комиссивные СФ возможны, но их особенностью будет то, что они часто не содержат перформативных глаголов, а включают только пропозициональную часть комиссивного высказывания, в которой как обязательный элемент присутствует глагол в форме будущего времени первого лица. Например:

(1) *И когда у меня бывают припадки, то вообще удивительные при этом симптомы - я вам подробнейшим образом их опишу...* (Ф.М.Достоевский. Дядюшкин сон).

Без показателя функции подобная СФ формально может рассматриваться как репрезентатив, то есть субъект речи здесь произносит утверждение относительно своих будущих действий. Однако следует учитывать, что сообщая о своих намерениях, в данном случае этот субъект речи принимает на себя определенные обязательства перед адресатом, и поэтому в этом примере, и в подобных ему, мы вправе рассматривать содержащееся в СФ высказывание как комиссив. Разумеется, нельзя всякий раз, прочитав в тексте глагол в форме будущего времени первого лица, считать высказывание, его содержащее, комиссивом. Для этого должна сложиться определенная речевая ситуация. Рассмотрим следующее высказывание:

(2) Один такой пример давно привлекает мое внимание <...,> потому, что он, будучи довольно изолированным и остаточным, в частности у южных славян, болгар, вместе с тем/роднит их с восточными, русскими славянами, где он также представлен реликтом, о других, еще более скудных следах скажем далее, (О.Н.Трубачев. В поисках единства).

СФ в этом примере отличается от СФ в примере (1) прежде всего тем, что в ней ослаблены признаки комиссива. Если СФ в примере (1) выступает, в некотором смысле, как следствие сообщения в основном высказывании, то в примере (2) она представляет собой дополнительное сообщение, и поэтому ее иллокутивная сила комиссива просматривается не так определенно, как в высказывании (1), но не сводится на нет окончательно. В этом случае можно сказать, что в примере (2) присутствуют иллокутивные силы комиссива и репрезентатива.

Иногда комиссивная СФ может содержать показатель функции, но в этом случае пропозициональная часть комиссивного высказывания эксплицитно не выражена.

Основоположники теории речевых актов единодушны во мнении, что иллокутивная сила комиссива состоит в том, чтобы "обязывать говорящего к определенной линии поведения" [Остин 1986 : 116] «возложить на говорящего обязательство <...> совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» [Серль 1986 : 182]. Названные исследователи подчеркивают, что в комиссиве говорящий берет на себя определенные обязательства относительно будущих *своих* действий, поэтому компоненты основного предложения в примере (2) нельзя назвать пропозициональной частью комиссивного высказывания, показатель функции которого располагается во СФ. Действительно, субъект речи не может брать на себя обязательства совершить то, что уже свершилось, или же то, что может совершить, а может и не совершить другое лицо. Из сказанного выше следует: если внешний соотносительный компонент комиссивной СФ не соотносится с будущими действиями субъекта речи, то мы можем утверждать, что в этом случае пропозициональная часть пер-форматива во СФ, эксплицитно не выраженная, предполагает обязательство говорить правду, обеспечивая тем самым успешность следующего за СФ речевого акта.

Комиссивные СФ, содержащие только показатель функции, как правило, занимают препозицию по отношению к внешнему соотносительному компоненту, следуя обычному построению комиссивного высказывания.

Краткие выводы к главе 3.

1. Всякая СФ имеет свое иллокутивное значение и показатели этого значения. Для репрезентативных СФ это специфическое их обозначение в речи, указывающее на ее синтаксический статус. Для нерепрезентативных СФ это перформативные глаголы и другие средства выражения иллокутивных значений. СФ как отдельный иллокутивный акт может иметь независимую пропозицию, включенную пропозицию, или содержать только показатель иллокутивной функции. В этом случае пропозициональная часть иллокутивного акта является внешним соотносительным компонентом СФ, расположенным в основном высказывании.

2. По характеру выполняемой речевой прагматической функции СФ можно разделить на две группы: репрезентативные и нерепрезентативные. Репрезентативной может быть СФ любого структурно-семантического типа из определенных во второй главе. Нерепрезентативные СФ распределяются таким образом: внутрифразовые и конкреативные СФ - это преимущественно репрезентативы, комиссивы, директивы и экспрессивы; метатекстовые - репрезентативы, директивы, декларации, экспрессивы. Контекстообразующие СФ могут быть только репрезентативами, поскольку предполагают объективную констатацию развития событий.

3. Иллокутивные цели основного высказывания и нерепрезентативной СФ, включенной в него, всегда не совпадают. Маловероятно присутствие, например, в приказе директивной СФ, в обещании - комиссивной СФ. Репрезентативная СФ может быть включена в репрезентативное основное высказывание.

4. Для выражения иллокутивных значений СФ могут быть задействованы косвенные речевые акты. Конвенциональная сила косвенного иллокутивного акта во СФ определяется особенностями речевой ситуации.

5. СФ не может содержать естественного вопроса, то есть такого вопроса, который предполагает следующее непосредственно за ним и вербально оформленное речевое действие адресата речи. Вопрос, оформленный как СФ, всегда включен в более крупную структуру, которая является основным высказыванием по отношению к ней, и ответ уже изначально не предполагается. Иначе обстоит дело, если субъект речи посредством вопроса во СФ имеет намерение вызвать какое-либо интеллектуальное действие со стороны адресата, например, задуматься над чем-либо, засомневаться в чем-либо и т.п.,.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной работе мы определили структурно-семантические и речевые, прагматические функции СФ; иными словами, была сделана попытка разобраться в языковой и речевой сущности этого синтаксического явления.

Подводя итог всему сказанному в предыдущих главах, мы можем сделать следующее заключение. СФ представляет собой устойчивое явление в синтаксисе, которое обладает присущими только ему в своем комплексе конституирующими признаками, постоянными и переменными, и, вследствие этого, имеет определенный синтаксический статус. В отличие от других, структурообразующих единиц синтаксиса, СФ не имеет и не может иметь какой либо типизированной структуры; как уже говорилось в главе I, СФ - это структурно нерегламентированный компонент высказывания. 3.Скрепа-фраза - это особая синтаксическая конструкция, которая характеризуется целым рядом особенностей: способностью замещать или быть замещенными союзом или его функциональным аналогом; возможностью развития полноценной предикативности (или даже полипредикативности); обладающая специализированной семантикой (юнкционного характера); имеющая вводно-присоединительный характер и грамматические отношения с остальным текстом, аналогичные присоставной связи; имеющая характерную позицию обычно в начале фрагмента СТ; обладающая предопределяющим характером семантики по отношению к связанному с ней тексту; совмещающая номинативные, модальные и релятивные значения в семантике; обладающая высокой степенью фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и

постоянством состава и регулярностью использования в функции аналога союза.

По поводу структурно-семантических функций СФ можно сделать следующие выводы. Прежде всего выделим СФ, распространяющие семантику основного предложения: это внутрифразовые и конкреативные СФ; их внутренние компоненты расширяют содержание основного предложения или проясняют значение какого-либо его компонента. Эти СФ относятся к разряду текстовых, который включает также кон-текстобразующие СФ.

Не относятся к текстовым и, следовательно, к распространяющим семантику основного предложения метатекстовые СФ.

Метатекстовая СФ содержит комментарий, направленный на текст-объект "извне" и не являющийся его строительным элементом в смысле формирования его структуры и семантики.

Особого внимания заслуживают декларативные СФ. Мы не можем сказать, что СФ этого подтипа содержит комментарий, направленный на фрагмент основного предложения, поскольку внутренний компонент ее не является собственно комментарием, то есть каким-либо утверждением относительно внешнего соотносительного компонента. С другой стороны, декларативная СФ содержит компонент, представляющий собой акт номинации, а поэтому и установление референции, что позволяет отнести ее к разряду метатекстовых, поскольку такая СФ способствует адекватному восприятию текста.

Таким образом, все СФ можно разделить на текстовые, то есть те, что участвуют в формировании семантики текста- денотата, и метатекстовые, то есть такие, которые способствуют адекватному восприятию текста.

Анализируя речевые прагматические функции СФ, мы прийти также к следующим выводам. Так как всякая СФ обладает иллокутивной силой, мы можем утверждать, что по этому признаку она сближается с высказыванием. Особые средства выделения СФ в речи, ее изолированное положение в высказывании, наличие своего иллокутивного значения - все это позволяет предположить, что по своей коммуникативной значимости и структурно-семантическим характеристикам СФ является компонентом речи, имеющим относительную коммуникативную самостоятельность. Тот факт, что СФ может быть структурно несовместимой с основным высказыванием, то есть иметь не обусловленную внешним окружением структуру внутреннего компонента, подтверждает, на наш взгляд, правомерность представленного выше положения.

Если принять предположение об относительной коммуникативной самостоятельности СФ, то становятся объяснимыми некоторые ее особенности: структурно изолированное положение СФ в основном высказывании; возможность большой степени ее семантической отчужденности от основного высказывания; свободная структура внутреннего компонента: субъект речи устанавливает структуру СФ, ориентируясь не столько на внешнее по отношению к ней окружение, сколько на свое прагматическое намерение, то есть он выбирает такую форму высказывания в СФ, которая в максимальной степени обеспечивала бы достижение иллокутивной цели; возможность структурной несовместимости основного

высказывания и СФ, как следствие ее относительной коммуникативной самостоятельности, с другой стороны, свидетельствует о наличии этого качества у нее; возможность существования гетерогенной СФ и основного высказывания также подтверждает тезис о некоторой коммуникативной самостоятельности СФ, поскольку высказывание, внедренное в чужую речь, должно быть осмысленным, целенаправленным и завершенным. Итак, повторим еще раз: перечисленные особенности СФ возможны лишь при условии их относительной коммуникативной самостоятельности.

В этом, как нам кажется, заключается феномен исследуемого синтаксического явления: полная формальная и семантическая зависимость СФ от внешних факторов, в том смысле, что всегда имеется структура, внешняя по отношению к ней, наряду с ее относительной коммуникативной самостоятельностью.

Особого внимания заслуживает также вопрос о языковой сущности СФ. Он несколько проясняется, на наш взгляд, если связать его с вопросом о тех факторах, которые обуславливают присутствие СФ в предложении (высказывании). Приведенные в данной работе характеристики и описания свойств СФ позволяют сделать вывод, что речь не может идти о структурной обусловленности ее присутствия в основном предложении. Объясняется это тем фактом, что СФ не вступает в двусторонние структурно-семантические взаимозависимости с внешним соотносительным компонентом. Основное предложение структурно самодостаточно, и связь СФ с внешним соотносительным компонентом имеет однонаправленный характер. Даже если СФ формирует пропозицию с компонентом основного предложения, ее гипотетическое удаление не приводит к аномалиям в его семантической и формальной структуре.

С другой стороны, СФ - это такой способ представления информации, при котором она, будучи включенной в высказывание, сама приобретает признаки высказывания (наличие иллокутивной функции, относительная коммуникативная самостоятельность, структурная независимость) и благодаря этому занимает изолированное положение в нем, что находит свое выражение посредством специальных средств, маркирующих СФ в речи.

СФ как речевой прием не имеет стилистических ограничений, но ограничения такого рода касаются определенных иллокутивных типов СФ.

Основой структурной классификации скреп-фраз может являться их отношение к предикативной оформленности, что позволяет разделить их на две основные группы: формально непредикативные и формально предикативные. В первом случае скрепы-фразы носят характер вводно-модальных компонентов, юнкционных компонентов, выполняющих разнообразные союзно-присоединительные функции или синтаксических образований, имеющих функцию введения дополнительного семантического фона - дополнительные пресуппозиции (чаще всего – подобие вставных конструкций). Во втором случае скрепы-фразы представлены функционально несамостоятельными предикативными конструкциями, выполняющими аналогичные юнкционные функции, сообщающие вводно-модальные характеристики или текстообразующую пресуппозиционную информацию.

Библиография

1. *Абрамов Б.А.* 1979 - О моделировании семантических структур // Значение и смысл речевых образований. - Калинин, 1979.
2. АГ-70 - Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970.
3. *Адамец П.К.* 1975 - Несколько замечаний относительно понятия “пропозиция”. - Zeitschrift für Slawistik XX, 1975, 5-6, Akademie Verlag, Berlin. - С.657-658.
4. *Акимова Г.Н.* 1990 - Новое в синтаксисе// Современный русский язык. - М.: Высшая школа, 1990.
5. *Алгазина Т.С.* 1994 - Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста. Автореф. дисс... канд.филол.наук. - М., 1994.
6. *Арнольд И.В.* 1982 – Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. - № 4, 1982.
7. *Артемов В.А.* 1965 - Об интонеме и интонационном инварианте. // Интонация и звуковой состав. Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М.: Изд-во МГУ, 1965.
8. *Артемов В.А.* 1976 - Психология речевой интонации (Интонация и просодия). Ч. 1. Лекции к спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1976
9. *Арутюнова* 1998 – Язык и мир человека. М., 1998.

10. *Арутюнова Н.Д.* 1972 - Синтаксис//Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.
11. *Арутюнова Н.Д.* 1973 - Понятие пресуппозиции в лингвистике// Изв. АН СССР. СЛЯ. т.32., Вып.1. - М.:Наука, 1973.
12. *Арутюнова Н.Д.* 1976 - Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). - М., 1976.
13. *Ахманова О.С.* 1969 - Словарь лингвистических терминов. - М.: изд-е 2-е, стереотипное, 1969.
14. *Бабайцева В.В.* 1967 - Переходные конструкции в синтаксисе. - Воронеж: Центр. чернозем. кн. изд-во, 1967.
15. *Бабайцева В.В.* 1983 - Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // ФН, 1983. - № 5.
16. *Балли Ш.* 1955 - Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
17. *Баранов А.Г.* 1993 - Функционально-прагматическая концепция текста. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993.
18. *Барт Р.* 1978 - Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. -М., 1978. - Вып. 8. - С.442-449.
19. БАС - Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.:Наука, 1948-1965. - Тт. 1-17.
20. *Белошапкина В.А.* 1967 - Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
21. *Белошапкина В.А.* 1978 - Минимальные структурные схемы русского предложения// РЯЗР, 1978, №5. - С.55-59.

22. *Белошапкова В.А. 1979* - Расширенные структурные схемы русского предложения// РЯЗР, 1979, №5. - С.63-68.
23. *Бельский А.В. 1963* - Побудительная речь. Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков. Т.6 Экспериментальная фонетика и психология речи. М.: Изд-во МГУ, 1963.
24. *Бенвенист Э. 1974* - Уровни лингвистического анализа// Общая лингвистика/ Под ред. Ю.С.Степанова. - М., 1974.
25. *Березин Ф.М. 1979* - Общее языкознание. - М.: Просвещение, 1979.
26. *Бондарко А.В. 1971* - Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Наука, 1971.
27. *Бондарко А.В. 1971а* - Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971.
28. *Бондарко А.В. 1976* - Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.
29. *Бондарко А.В. 1978* - Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
30. *Бондарко А.В. 1983* - Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983.
31. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л. 1967* - Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
32. *Бурова Г.П. 1996* - Лексические связи имен существительных на межфразовом уровне. Автореф. дис... канд.филол.наук. Ставрополь, 1996.

33. *Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д. 1975 - О целостности и структуре текста // ВЯ, 1975, №6.*
34. *Бюлер К. 1993 - Теория языка. М., 1993.*
35. *Валгина, Розенталь 1971 - Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Высшая школа, 1971.*
36. *Валимова Г.В. 1967 - Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1967*
37. *Вандриес Ж. 1937 - Язык. М., 1937.*
38. *Вардуть И.Ф. 1977 - Основы описательной лингвистики. - М., 1977.*
39. *Варшавская А.И. 1984 - Смысловые отношения в структуре языка. - Л., 1984.*
40. *Васильев Л.М. 1981 - Семантика русского глагола. - М.: Высшая школа, 1981.*
41. *Вейнрейх У. 1970 - О семантической структуре языка// Новое в лингвистике. - М., 1970. - Вып. 5. - С.163-249.*
42. *Вейхман Г.А. 1988 - Уровень текста// ФН. - 1988. - № 2.*
43. *Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.*
44. *Вельц Р.Я. 1977 - Линейно-динамическая структура простого и осложненного предложений в художественной речи: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Уфа, 1977. С. 16.*
45. *Виноградов В.В. 1947 – Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.*

46. *Виноградов В.В. 1955 - Основные вопросы синтаксиса предложения// Вопросы грамматического строя. М., 1955.*
47. *Виноградов В.В. 1972 –Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.*
48. *Виноградов В.В. 1975 – О категории модальности и модальных словах в русском языке //Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.*
49. *Виноградов В.В. 1975а - Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка). // В.В. Виноградов. Избранные труды. исследования по русской грамматике. М.: наука, 1975.*
50. *Власова Ю.Н. 1978 - Влияние пресуппозиции на выбор синонимичных синтаксических конструкций// Проблемы грамматической семантики. - Ростов-н/Д., 1978. - С.73-80.*
51. *Гаибова М.Т. 1986 - Прагмалингвистический анализ художественного текста. Баку 1986.*
52. *Гак В.Г. 1969 - К проблеме синтаксической семантики. Семантическая интерпретация “глубинных” и “поверхностных” структур// Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М., 1969.*
53. *Гак В.Г. 1971 - К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. - Тезисы докладов, ч. 1. - М.: Научн. конф. МГПИ, 1971. С. 90-98.*

54. *Гак В.Г. 1977* - К типологии лингвистических номинаций. - В кн.: Языковая номинация. - М.: Наука, 1977.
55. *Гак В.Г. 1981* - Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М.: Высшая школа, 1981.
56. *Гак В.Г. 1998* - Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
57. *Гальперин И.Р. 1977* - К проблеме зависимости предложения от контекста. // ВЯ, 1977. - № 1. - С.48-55.
58. *Гальперин И.Р. 1981* - Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.
59. *Гаспаров Б.М. 1976* - Современные проблемы лингвистики текста // *Linguistica: Уч.зап. Тарт. ун-та.- Tartu*, 1976. - Вып.7. - С.32-60.
60. *Гиндин С.И. 1971* - Два принципа внутренней организации текста // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Материалы симпозиума. - М., 1971.
61. *Глаголев П.В. 1985* - Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте // ФН. 1985. №2.
62. *Городецкий Б.Ю. 1986* - Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986, вып. 17.
63. *Доблаев Л.П. 1969* - Логико-психологический анализ текста. - Изд-во Саратовского ун-та, Саратов, 1969.
64. *Демьянков В.З. 2000* - Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века // Дискурс, речь, речевая

- деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.26-136.
65. Дресслер В. 1978 - Синтаксис текста// Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып.8. - С. 111-137.
66. Дридзе Т.М. 1980 - Язык и социальная психология. М. 1980.
67. Дьячкова Н. А. 1997 - Семантически неэлементарные и семантически осложненные предложения // Единицы текста. - Нижний Тагил, 1997.
68. Ельмслев Л. 1960 - Прологомены к теории языка. - В сб.: Новое в лингвистике. - М., 1960, вып. 1.
69. Жирмунский В.М. 1968 - О природе частей речи и их классификации // вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: наука, 1968.
70. Зализняк А.А. 1977 - Грамматический словарь русского языка Словоизменение.- М., 1977.
71. Занько С.Ф. 1971 - Основные вопросы лингвистической теории диалога: Автореф. дис... канд.филол.наук. - Казань, 1971.
72. Звегинцев В.А. 1976 - Предложение и его отношение к языку и речи . - М., 1976.
73. Золотова Г.А. 1973 - Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука. 1973.
74. Золотова, Онипенко 1997 - Золотова А.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка.- М., 1997.
75. Изенберг Х. 1978 - О предмете лингвистической теории текста// Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып.8.

76. *Ильенко С.Г. 1989* - Синтаксическая единица в тексте. - Л., 1989.
77. *Карпова Л.В. 1974* - К вопросу о структуре текста с позиции актуального членения единиц, больших, чем предложение // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. / МГПИИЯ - М., 1974. - Ч.1. - С. 115-118.
78. *Карцевский С. 1965* - Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Хрестоматия Звегинцева В.А. История языкознания XVIII-XX вв. в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, т. 2, 1965.
79. *Касаткин, Клобуков 1995* - Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. 2-е изд.- М., 1995.
80. *Кацнельсон С. Д. 1961* - О теории лингвистических уровней. – В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1961.
81. *Кацнельсон С.Д. 1972* - Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
82. *Кацнельсон С.Д. 1984* - Речемыслительные процессы. ВЯ, 1984, №4.
83. *Киселева К.Л. 1996* - Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов (на примере группы *конечно, разумеется, естественно*). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 1996.
84. *Кобрина Н.А. 1965* – О вставных предложениях с союзным значением // Уч. записки ЛГПИ. – Т. 272, 1965. – С. 137-145.

85. *Ковтунова И.И.* 1976 - Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. - М., 1976.
86. *Ковтунова И.И.* 1986 - Поэтический синтаксис. М. 1986.
87. *Кожеевникова Кв.* 1979 - Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979. С. 49-67.
88. *Колосова Т.А., Черемисина М.И.* 1989 - Заметки о понятиях "сочинение" и "подчинение" в их соотношении друг с другом // Синтаксические отношения в сложном предложении. Калинин, 1989. С.28-39.
89. *Колосова Т.А., Черемисина М.И.* 1987 - О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987. С. 104-115.
90. *Комарова В.В.* 1975 - Союзы как средство компрессии структуры предложения (на материале использования союзов узуальной семантики в разносистемных языках): Автореф. дис... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1975.
91. Краткая русская грамматика /Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В.Лопатина.- М.,1989.
92. *Кубрякова Е.С.* 1986 - Номинативный аспект речевой деятельности. Москва «Наука», 1986.
93. *Курилович Е.* 1962 - Деривация лексическая и деривация синтаксическая// Очерки по лингвистике/Под ред. В.А.Звегинцева. - М., 1962.

94. *Кухарж Я.* 1968 - О функциональном использовании структурных единиц // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М.: Наука, 1968.
95. *Лайонз Дж.* 1978 - Введение в теоретическую лингвистику. - М.: Прогресс, 1978.
96. *Лантева О.А.* 1972 - Нерешенные вопросы актуального членения // ВЯ., 1972. - № 2.
97. *Леденев Ю.И.* 1976 - Вопросы изучения неполнозначных слов. Материалы для словаря неполнозначных слов и их омонимов. Вып. 1. Ставрополь, 1976.
98. *Леденев Ю.И.* 1972 - Состав и функциональные особенности класса неполнозначных слов в современном русском литературном языке. Автореф. дис... докт.филол.наук. Ставрополь, 1972.
99. *Леденев Ю.Ю.* 1999 - Синтаксический инвариант: его перспектива и ретроспектива // VII Международная конференция «Семантика языковых единиц» – М., 1999.
100. *Леденев Ю.Ю.* 2001 - Изофункциональные явления в синтаксисе языка. Ставрополь, 2001.
101. *Лекант П.А.* 1975 - Виды предикации и структура простого предложения // Лингв. тр. МОПИ им. Н. К. Крупской. -М., 1975. -вып. 4.
102. *Лекант П.А.* 1986 - Синтаксис простого предложения в современном русском языке.- М., 1986.

103. *Леонтьев 1997* – Основы психолингвистики. М., 1997.
104. *Лившиц В.А. 1964* - Практическая стилистика русского языка: Учебное пособие для филол. ф-та гос. ун-тов и пед. ин-тов. - М.: Высшая школа, 1964.
105. *Лосева Л.М. 1967* - К изучению межфразовой связи // Русский язык в школе, 1967, №1.
106. *Лосева Л.М. 1971* - Синтаксическая структура целых текстов. - Одесса, 1971.
107. *Лотман Ю.М. 1970* - Структура художественного текста. - М., 1970.
108. *Лукьянова Н.А. 1976* - О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность// Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. вып. 5. Новосибирск. 1976.
109. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
110. *Ляпон М.В. 1986* - Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986. 200 с.
111. *Майтинская К.Е. 1974* - Местоимения и универсалии // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974.
112. *Макаренко Е.В. 1975* - Сложные сопоставительные предложения с формализованной частью: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Ростов-на-Дону, 1975.

113. *Максимов Л.Ю.* 1969 - Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц. - В кн.: Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969.
114. *Максимов Л.Ю.* 1969а - Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. - М.: Просвещение, 1969.
115. *Максимов Л.Ю.* 1971 - Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: Автореф. дисс... докт.филол.наук. - М., 1971.
116. *Манаенко Г.Н.* 1996 - Система осложнённого предложения и его внутриязыковая среда //Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. Вып.5.Социальные и гуманитарные науки. – Ставрополь: СГПУ,1996.
117. *Малычева Н.В.* 2003 - Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов н/д: АПСН, 2003. 180 с.
118. *Маслов Б.А.* 1973 - Некоторые проблемы анализа текстов на уровне суперсинтаксических связей. - Тарту, 1973.
119. *Маслов Ю.С.* 1967 - Какие языковые единицы целесообразно считать знаками. Язык и мышление. - М., 1967.
120. *Маслова Д.Н.* 1984 - Предложно-местоименные сочетания в функции средств связи между самостоятельными предложениями в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1984. 12 с.

121. *Матезиус В. 1967* - О потенциальности языковых явлений// Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
122. *Матезиус В. 1967а* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. - М., 1967.
123. *Мещанинов И.И. 1945* – Члены предложения и части речи. М., 1945.
124. *Милевская Т.В. 2003* - Сложные синтаксические целые как структурный фрагмент текста // Современный русский язык: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2003. С. 201-208.
125. *Милевская (Малащенко) Т.В. 1993* - Дополнительные средства связи бессоюзных сочетаний предложений в современном русском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1993. 27 с.
126. *Монин И.Б. 1977* - Гипотаксис и паратаксис как способы связи смежных цельных предложений в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1977.
127. *Москальская О.И. 1980* - Аранжировка предложений в тексте и проблемы подчинения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, вып. 6.
128. *Москальская О.И. 1971* - Грамматика текста. М., 1971.
129. *Москальская О.И. 1981* - Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). - М.: Высшая школа, 1981.

130. *Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др. 1997* - Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
131. *Мухин А.М. 1968* - Структура предложений и их модели. - Л.: Наука, Ленинград. отд., 1968.
132. *Мухин А.М. 1968а* - Части речи и синтаксические единицы. // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука, 1968.
133. *Мухин А.М. 1980* - Синтаксический анализ и проблема уровней языка. - Л., 1980.
134. *Найда Ю.А. 1970* - Наука перевода. - ВЯ, № 4, 1970.
135. *Немец Г.П. 1999* – Семантика метаязыковых субстанций. М.-Краснодар, 1999.
136. *Нёргерд – Сёренсен Й. 2002* - Референциальная функция русских местоимений (в сопоставлении с местоимениями некоторых других славянских языков) // *Вопр. языкозн.*, 2002. № 2. С. 35-47.
137. *Николаева Т.М. 1978* - Краткий словарь терминов лингвистики текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. - М., 1978. - Вып. 8.
138. *Новиков А.И. 1988* - Семантика текста и ее формализация. - М., 1988.
139. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов*. М., 1986.
140. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика*. М., 1985.

141. *Оганесова Р.Д. 1967 - О фразеологических единицах грамматических значений // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (Доклады конференции). – Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967.*
142. *Ожегов С.И. 1972 - Словарь русского языка. М., 1972.*
143. *Остин Дж. 1986 - Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. - М. 1986. вып. 17.: Теория речевых актов. - С. 22-129.*
144. *Остроумов В.Б. 1973 –Коммуникативная единица, фраза и предложение//Сложное предложение в языке и речи. Краснодар, 1973.*
145. *Откупщикова М.И. 1982 - Синтаксис связного текста. Л., 1982.*
146. *Падучева Е.В. 1981 - Прагматические аспекты связности диалога// Изв. АН СССР. С. л и яз. 1981 т.41.*
147. *Падучева Е.В. 1982 - Актуализация предложения в составе речевого акта // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.*
148. *Падучева Е.В. 1985 - Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М., 1985.*
149. *Панфилов В.З. 1965 – Грамматика нивхского языка. Ч.2. Л., 1965.*
150. *Панфилов В.З. 1971 - Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971.*

151. *Папина А.Ф.* 2002 - Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. М., Едиториал УРСС, 2002.
152. *Пешковский А.М.* 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М., 1956.
153. *Покусаенко В. К.* 1984 - Переходные явления в области сложного и простого предложения. Автореф. дис... докт.филол.наук. М., 1984.
154. *Потебня А.А.* 1958 - Из записок по русской грамматике. Тт. 1-4.- М., 1958-1977.
155. *Потебня А.А.* 1993 - Мысль и язык. - Киев: Синто, 1993. - С. 91.
156. *Почепцов О.Г.* 1985 - О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Прагматические и синоптические аспекты синтаксиса. Калинин 1985.
157. *Почепцов О.Г.* 1986 - Основы прагматического описания предложений. Киев 1986., с. 14.
158. *Прияткина А.Ф.* 1990 – Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.
159. *Пфютце М.* 1978 - Грамматика и лингвистика текста. Заметки об участии некоторых грамматических средств в построении текста. Перевод с нем. О.Г.Ревзиной и Т.Я.Андрющенко // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / Сост. Т.М.Николаева. – М.: «Прогресс», 1978.

160. *Распопов И.П. 1973* - Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложения // Синтаксис и интонация. Вып.2. Уфа, 1973.
161. РГ-80 – Русская грамматика. М., 1980. – Т.1.
162. РГ-80а – Русская грамматика. М., 1980. – Т.2.
163. *Реформатский А.А. 1977* - О реальности модели // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л., 1977.
164. *Реформатский А.А. 2001* - Введение в языкознание. М., 2001.
165. *Рогожникова Р.П. 1966* - Варианты слов в русском языке. - М.: Просвещение, 1966.
166. *Рогожникова Р.П. 1979* - Вопросы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики. - М., 1979. С. 232.
167. *Рожкова Г.И. 1972* - Восприятие эмоциональных интонаций. Автореф. дис... канд.филол.наук.. М., 1972.
168. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. 1976* - Словарь-справочник лингвистических терминов. - М., 1976.
169. *Романов А.А. 1988* - Системный анализ регулятивных средств диалогического общения М., 1988
170. *Руднев А.Г. 1968* - Синтаксис современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1968.
171. *Руднев В.П. 1996* - Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса Автореф. дис... докт.филол.наук. М., 1996.
172. Русский язык. Энциклопедия. - М., Изд-во “Советская энциклопедия” - 1979.

173. *Святогор И.П. 1974* - Специальные вопросительные средства языка.// Вопросы грамматики русского языка. Тула, 1974.
174. *Сепир Э. 1993* - Избранные груды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
175. *Серебрянников Б.А. 1970* - Развитие человеческого мышления и структуры языка.// Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970.
176. Серия "Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистические исследование"/ Под общ. ред. М.В.Панова: Лексика современного русского литературного языка; Словообразование современного русского литературного языка; Морфология и синтаксис современного русского литературного языка; Фонетика современного русского литературного языка. - М.: Изд-во "Наука", 1968.
177. Серия "Современный русский язык": М.И. Матусевич Фонетика. (М.,1976); Д.Н.Шмелев Лексика. (М.,1977); Е.А.Земская Словообразование. (М., 1973); И.И.Ковтунова Порядок слов и актуальное членение предложения. (М., 1976); Е.С.Скобликова. Синтаксис простого предложения. (М., 1979); С.Е.Крючков, Л.Ю.Максимов Синтаксис сложного предложения. (М.,1969); А.Б.Шапиро Пунктуация. (М.,
178. *Серль Дж. Р. 1986* - Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986. вып. 17.

179. Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке. Материалы Всесоюзной конференции.- Ставрополь, 1999.
180. Скобликова Е.С. 1979 - Современный русский язык. М., 1979.
181. Слабковская Э.И. 1977 - Роль союза и в актуализации высказываний.// Вопросы грамматики русского языка (функциональный анализ морфологических структур). Иркутск, 1977.
182. Словарь русского языка 1958 - М.: Гос. изд. иностр. яз., 1958.
183. Словарь русского языка 1981 - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981.
184. Словарь языка Пушкина, в 4-х т. М.: ГИС, 1956.
185. Слюсарева Н.А. 1982 - Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
186. Смирницкий А.И. 1952 - К вопросу о слове (Проблема отдельности слова). - В кн.: Вопросы теории и истории языка, изд. АН СССР, 1952.
187. Современный русский язык под ред. Белошапковой В.А., М., 1999.
188. Современный русский язык, В 3-х частях. Учебник. Ч.1./ Е.И.Диброва, Л.Л.Касаткин, И.И.Щеболева. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Морфемика и словообразование. (Ростов-на-Дону, 1997); Ч.2. / Л.Д. Чеснокова, В.С.Печникова Морфология. (Ростов-на-Дону,

- 1997); Ч.3. / В.В. Бабайцева, Г.Г.Инфантова, Н.А.Николина, И.П. Чиркина Синтаксис. (Ростов-на-Дону, 1997).
189. Современный русский язык, В 3-х частях. Учебное пособие. Ч.1./ Н.М. Шанский, В.В. Иванов. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. (М., 1981); Ч.2. / Н.М. Шанский, А.М. Тихонов Словообразование. Морфология. (М., 1987); Ч.3. / В.В. Бабайцева, Л.Ю.Максимов. Синтаксис. Пунктуация. (М., 1987).
190. Современный русский язык. Анализ языковых единиц . В 3-х частях /Под ред. Е.И.Дибровой. - М., 1995.
191. Современный русский язык: Ч.3. Синтаксис. Пунктуация / Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. - М., 1987.
192. *Солганик Г.Я 1973* - Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). - М., 1973.
193. *Солганик Г.Я. 1991* - Синтаксическая стилистика. - М., 1991.
194. Солодовник И.П. 1972 - Союзные пояснительные конструкции в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л.,1972.
195. *Соссюр Ф.де 1977* - Курс общей лингвистики //Труды по языкознанию (Переводы с франц. яз. под ред. А.А.Холодовича). - М.: Прогресс, 1977.
196. *Степанов Ю.С. 2001* - Методы и принципы современной лингвистики. М., 2001. 312 с.
197. *Степанов Ю.С. 1981* - В поисках прагматики // Изв. АН СССР Серия лит. и яз. 1981, т. 40 № 4.

198. *Степанов Ю.С. 1981а* - Имена, предикаты, предложения. Семантическая грамматика. - М., 1981.
199. *Стросон 1986* – Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 130-150.
200. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб., 1996.
201. *Тимофеева Г.Е. 1986* - К проблеме импликации элементов смысла в структуре простого предложения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл (Тезисы краевой научной конференции). Красноярск, 1986.
202. *Тираспольский Г.И. 1986* - Становится ли русский язык аналитическим? // Вопросы языкознания, 1981, №6.
203. Толковый словарь русского языка /Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. - М., 1934-1940. - Тт.1-4.
204. *Топуридзе Е.Б. 1976* - О так называемых присоединительных конструкциях в современном русском языке // Вопросы грамматики русского языка. Вып.2. - Иркутск, 1976.
205. *Тулина Т.А., Харитонова М.М. 1983* - Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении //ФН.1983. №4.
206. *Тураева З.Я. 1986* – Лингвистика текста (текст: структура и семантика). – М., 1986.
207. *Уорф Б.Л. 1972* - Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М., 1972.

208. *Уфимцева А.А. 1968* - Слово в лексико-семантической системе русского языка. - М.: Наука, 1968.
209. *Уфимцева А.А. 1974* - Типы словесных знаков. - М.: Наука, 1974.
210. *Ушаков 1980* - Толковый словарь русского языка. В 4-х т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1980.
211. *Федоров А.К. 1972* - Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения). - Орел, 1972.
212. *Фигуровская Г.Д. 1990* - Семантика сложноподчиненных предложений с союзами НА ОСНОВАНИИ ТОГО ЧТО и ИСХОДЯ ИЗ ТОГО ЧТО // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1990.
213. *Фигуровская Г.Д. 1996* - Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений). - М.: Прометей, 1996.
214. *Филлмор Ч. 1983* - Основные проблемы лексической семантики. Перевод О.В.Звегинцевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика / Сост. В.А.Звегинцев. – М.: «Радуга», 1983.
215. *Философский словарь* / Под ред. И.Т.Фролова. - М., 1991.
216. *Философский энциклопедический словарь*. - М., 1983.
217. *Финкель А.М. 1962* - Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. - Харьков, 1962.

218. *Финкель А.М., Баженов Н.М. 1960* - Курс современного русского литературного языка. - Киев: Рад. школа, 1960.
219. *Фортунаатов Ф.Ф. 1956* - Сравнительное языковедение //Фортунаатов Ф.Ф. Избранные труды по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1956, т. 1.
220. *Фортунаатов Ф.Ф. 1957* - О преподавании грамматики русского языка в средней школе. Избранные труды. Т.2. М., 1957.
221. *Фреге Г. 1977* – Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып.8. М., 1977.
222. *ФЭС 1983* - Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
223. *Харрис З.С. 1962* - Совместная встречаемость и трансформации в языковой структуре // Новое в лингвистике - М.: Изд. иностр. лит-ры, 1962, вып. 2.
224. *Хегай В.М. 1981* - Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1981. С. 21.
225. *Хегай В.М., Шмелева Т.В. 1978* - Предикативность и пропозиитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения: Межвузовск. сб. научн. трудов. - Калинин, 1978.
226. *Хомский Н. 1962* - Синтаксические структуры // Новое в лингвистике, - М., 1962. - Вып. 2.

227. Храковский В.С. 1972 - Проблемы деривационной синтаксической теории синтаксиса арабского языка: Автореф. дис... докт. филол. наук, - Тбилиси, 1972.
228. Цанукевич В.В. и др. 1966 - Современный русский язык. (Учебник для вузов СССР). - Изд. 3-е доп. и перераб. - М., 1966.
229. Чахоян Л.П. 1979 - Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
230. Челпанов Г.И. 1946 - Учебник логики. М., 1946.
231. Черемисина М. И., Колосова Т. А. 1987 - Очерки по теории сложного предложения . - Новосибирск, 1987.
232. Черемисина М.И. 1970 - Синонимия как функциональная валентность языковых знаков. - В кн.: Синонимия в языке и речи. - Новосибирск: (Институт истории, филологии и философии), АН СССР, Сибирское отделение, 1970.
233. Черемисина М.И. 1971 - Лексикализация // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады 2-й межвузовской конференции. - Новосибирск, 1971.
234. Черемисина М.И. 1976 - Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976.
235. Черемисина М.И., Рыжкина О.А. 1977 – Экспрессивно-лексический фонд русского языка //Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 6. Новосибирск: Наука, 1977.
236. Чернов В.И. 1966 - Заметки об отрицании и синтаксических свойствах безлично-инфинитивных предложений. ВЯ, 1966, №2.

237. *Чесноков П.В. 1966* - Основные единицы языка и мышления. - Ростов: Кн. изд., 1966.
238. *Чесноков П.В. 1971* - О структурных типах сложноподчиненного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. - Ростов-н/Д., 1971.
239. *Чесноков П.В. 1977* - Логическая фраза и предложение. Ростов. 1977.
240. *Чесноков П.В. 1979* - Предикативность и модальность как семантические признаки предложения // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. - Ростов-н/Д., 1979.
241. *Чесноков П.В. 1979a* - Семантические формы мышления и грамматика // Значение и смысл речевых образований. - Калинин: Калининский гос. ун-т, 1979.
242. *Чесноков П.В. 1996* - Спорные вопросы курса "Общее языкознание" - Таганрог, 1996.
243. *Чеснокова Л.Д. 1980* - Связи слов в современном русском языке: Пособие для учителей. - М.: Просвещение, 1980.
244. *Чеснокова Л.Д. 1996* - Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах - Таганрог, 1996.
245. *Чеснокова Л.Д., Печникова В.С. 1995* - Современный русский язык. Анализ языковых единиц. Часть 2. Морфология./ Под ред. проф. Е.И.Дибровой. - М., 1995.
246. *Чичагов В.К. 1959* - О динамической структуре русского повествовательного предложения. - В кн.: Вопросы языкознания, 1959, № 3.

247. *Шанский Н.М. 1969* - Фразеология современного русского языка, изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Высшая школа, 1969.
248. *Шапиро А.Б. 1958* - Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. //Научные доклады высшей школы. Филол. науки. М., 1958, № 4.
249. *Шапиро А.Б. 1955* - Основы русской пунктуации. - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
250. *Шатуновский И.Б. 1993* - Семантическая структура предложения, «связка» и нереферентные слова //ВЯ. 1993. №3.
251. *Шатуновский И.Б. 1996* - Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
252. *Шахматов А.А. 2001* – Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001.
253. *Шведова Н.Ю. 1960* - Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
254. *Шведова Н.Ю. 1966* - Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). - М., 1966.
255. *Шведова Н.Ю. 1967* - Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. - М.: Наука, 1967.
256. *Шведова Н.Ю. 1974* - О значении единиц разных уровней языка // Мат-лы VI Всесоюзн. научн, конф. по теор. вопросам языкознания: Тез. докл. и сообщ. пленар. заседаний. М., 1974.

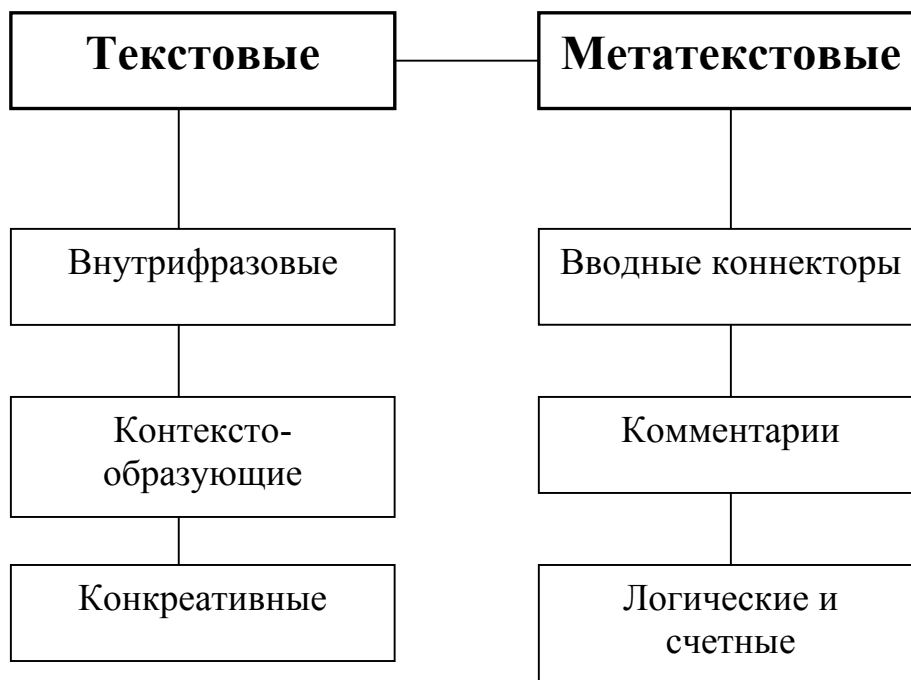
257. *Шендельс Е.И.* 1977 - Имплицитность в грамматике // Проблемы синтаксической семантики. Матер. научн. конф. - М., 1977.
258. *Широкова Н.А.* 1960 - Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском литературном языке. - Казань: изд-во Казанского ун-та, 1960.
259. *Ширяев Е.Н.* 1986 - Бессоюзные сложное предложение в современном русском языке. - М., 1986.
260. *Шишукова Л.В.* 1972 - Об актуальном членении сложных предложений. - НДВШ, Филолог. науки, 1972, № 1.
261. *Шмелев Д.Н.* 1958 - Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. ВЯ, 1958, №6.
262. *Шмелев Д.Н.* 1961 - Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке. — Русский язык в школе, 1961, № 5.
263. *Шмелева Т.В.* 1994 - Семантический синтаксис: Текст лекций. - Красноярск, 1994.
264. *Штайн К.Э.* 1990 - Полисиндетон как средство формирования синтаксических отношений в поэтическом тексте// Неполнозначные слова как средства выражения семантических и синтаксических отношений. Межвуз. сб. научн. тр. - Ставрополь, 1990.

265. *Штайн К.Э.* 1993 - Принципы анализа поэтического текста. Учебное пособие.- СпБ.-Ставрополь, 1993.
266. *Щеулин В.В.* 1979 - Аспекты сложноподчиненного предложения и его место в системе синтаксических единиц: Автореф. дис... докт. филолог. наук. - Воронеж: ВГПИ, 1979.
267. *Элиешюте С.П.* 1968 - К вопросу о воздейственности речевого побуждения. Автореф. канд. дис. М., 1968.
268. Энциклопедия. Русский язык. - М.: Советская энциклопедия, 1979.
269. Языковая номинация. Общие вопросы. - М.: Наука, 1977.
270. *Якобсон Р.* 1985 - Избранные статьи. - М., 1985.
271. *Яковлев Н.Ф.* 1948 – Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948.
272. *Ярцева В.Н.* 1968 - Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. - М.: Наука, 1968.

Приложение 1.**Классификация скреп-фраз по структурно-семантическому основанию**

1.	Оформление	1.Скрепа-союз или аналог союза ; 2.Скрепа-лексема, в т.ч. вводное или модальное слово; 3.Скрепа-детерминант; 4.Скрепа-придаточное; 5.Скрепа-часть ССП или БСП; 6.Скрепа-предложение, типизированная конструкция; 7.Скрепа-группа предложений в тексте (максимально развернутая скрепа-фраза).
2.	Свойства	1.Способность замещать или быть замещенными союзом или его функциональным аналогом; 2.Возможность развития полноценной предикативности (или даже полипредикативности); 3.Специализированная семантика (юнкционного характера); 4.Вводно-присоединительный характер конструкции и грамматические отношения с остальным текстом, аналогичные присоставной связи; 5.Характерная позиция (обычно в начале фрагмента); 6.Предопределяющий характер семантики скрепы-фразы по отношению к тексту; 7.Совмещение номинативных, модальных и релятивных значений в семантике скрепы-фразы; 8.Высокая степень фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и постоянством состава и регулярностью использования в функции аналога союза.
3.	Предикативность	1.Непредикативные скрепы-фразы 2.Скрепы-фразы с имплицитной предикативностью 3.Полупредикативные скрепы-фразы 4.Предикативные скрепы-фразы

		5.Полипредикативные скрепы-фразы
4.	Виды контекста	1.Монологический контекст 2.Диалогический контекст
5.	Структурные типы	1.Союзно-юнкционный компонент 2.Вводно-модальный компонент 3.Детерминирующий компонент 4.Вставная конструкция
6.	Выражаемые отношения	а) соединительные; б) разделительные; в) сопоставительные; г) сравнительные; д) изъяснительные; е) пояснительные; ж) временные; з) условные; и) причинные; к) противительные; л) уступительные; м) ограничительные; н) градационные
7.	Дополнительные значения	1) Значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника; 2) СФ с вводными словами и сочетаниями служат для выражения субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего - радости, одобрения, положительной оценки; 3) Отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения; 4) По источнику, по отнесенности к автору речи; 5) Характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-либо; 6) Характеристика по протеканию во времени, по отношению ко времени 7) Метатекстовые коннекторы и дизъюнкторы, выражающие логическую связь компонентов текста

Приложение 2**Классификация скреп-фраз по функциональному
основанию**

Приложение 3.**Прагматическая классификация скреп-фраз**

Приложение 4**Список наиболее употребительных элементарных
типов скреп-фраз**

1. ... - и это важно - ...
2. ...и – что существенно -...
3. А в это время (а тем временем)...
4. А зачем это нужно?
5. А между тем
6. Больше того
7. В действительности (все просто) -...
8. В итоге ...
9. В результате всего сказанного (происшедшего, случившегося и т.п.)...
10. В сущности
11. Во всяком случае
12. Во-первых... (во-вторых и т.п.)
13. Вопреки всему этому...
14. Вот так. И...
15. Вот такое дело.
16. Все ж таки
17. Все закончилось (завершилось) тем (так), что...
18. Все понимают, что
19. Всем известно...
20. Всем ясно,...
21. Да и правда
22. Далее.
23. Если спросить у (объект), то (мы услышим)...
24. Еще бы!
25. И (А) что вы думали?...
26. И вот результат.
27. И вот что главное:
28. И вот что интересно:
29. И вот что я думаю:
30. И наконец.
31. И тут вновь...
32. И уж конечно,
33. И это еще не все.
34. Именно так я и думал!
35. Итак, что же происходит? (или др. ритор. вопрос)
36. Итогом всего этого было (явилось) то, что...
37. К сожалению

- 38.Каждому ясно...
- 39.Каждый знает (понимает и т.п.)...
- 40.Как быть? (рекомендация)...
- 41.Как в воду глядел: ...
- 42.Как результат,...
- 43.Как уже говорилось выше,...
- 44.Кроме всего прочего,...
- 45.Кроме того,...
- 46.Легко догадаться, что...
- 47.Между нами говоря,..
- 48.Между прочим
- 49.На самом деле (все просто)- ...
- 50.Нет, так не по йдет!
- 51.Но там (др. локатив) не дремали (др. глаг. со знач. мысли)
- 52.Ну вот.
- 53.Ну дальше.
- 54.Ну и вот.
- 55.Ну что же?
- 56.Однако все было не так (по-другому, иначе и т.п.).
- 57.Однако это еще не все.
- 58.Оказывается,...
- 59.Они (др. личн. или личн.-ук. мест.) решили (др. глаг. со знач. мысли) так:..
- 60.По мне, ...
- 61.По этой причине...
- 62.Помимо сказанного,...
- 63.Правду сказать,...
- 64.Следующее.
- 65.Так вот, (друзья,).
- 66.Так я и думал!
- 67.Так, значит.
- 68.Таким (вот) образом.
- 69.Тем не менее,...
- 70.Теперь вот о чем.
- 71.Теперь самое главное.
- 72.Что же делать? А (рекомендация)...
- 73.Это во-первых (во-вторых и т.п.).
- 74.Это первое (второе и т.п.).
- 75.Ясное дело (что)...

